

The background of the cover is a large, stylized illustration. At the top is a large, bright red sun or moon with a cracked, spiderweb-like pattern. Below it is a vast, deep blue sky. On the left side, a large, orange, woven basket or nest hangs from a thin green vine. Two small, mischievous-looking characters are perched on the edge of the basket. The character on top has spiky black hair and a red face. The character below has dark hair and is wearing a brown hat and coat. The overall style is whimsical and colorful.

Мэри Хортон

ДО БЫ ВАЙ КИ

Добывайки на реке

Добывайки в воздухе

ББК 84.4Вл
Н82

Перевод с английского Г. А. Островской

Иллюстрации А. В. Бенедского

Н82 Нортон М.

Добывайки: Добывайки на реке. Добывайки в воздухе: Сказочные повести/ Пер. с англ. Г. А. Островской; Ил. А. В. Бенедского.— М.: Дом, 1992.—304 с., ил.

ISBN 5-85201-076-6

Издательство «Дом» с удовольствием представляет своим юным читателям вторую книгу о необыкновенных существах — добывайках — известной английской писательницы Мэри Нортон.

К сожалению, в нашей стране имя Мэри Нортон менее известно, чем имена других детских писателей — ее знаменитых соотечественников — Л. Кэррола, А. А. Милна, Д. Барри, П. Трэверс, Д. Биссета.

Первые книги Мэри Нортон были написаны около пятидесяти лет назад. И с тех пор каждое новое поколение ребят и на родине писательницы, и во многих странах мира заново открывает для себя удивительный мир ее сказочных историй.

Добрая и мудрая книга о добывайках многое откроет внимательному читателю — и маленькому, и уже повзрослевшему.

ББК 84.4 Вл

Н 4804010100-053
062(02)-92

ISBN 5-85201-076-6

© Перевод. Г. А. Островская, 1992

© Иллюстрации. А. В. Бенедский, 1992

© Составление, оформление. Издательство «Дом», 1992

Мэри Хортон

ДО БЫ ВАЙ КИ

Добывайки на реке
Добывайки в воздухе

МОСКВА
•• ДОМ ••
1992

ДО БЫ БАЙКИ

НА РЕКЕ

ДОБЫВАЙКИ НА РЕКЕ

Глава 1

— Но о чем они разговаривают? — спросил мистер Зловрединг, поверенный в делах. В его голосе звучало раздражение, словно он наперед знал, что речь у них идет о пустяках.

— О добывайках, — сказала миссис Мей.

Они стояли под живой изгородью среди мокрых кочанов древовидной капусты, качавшейся на ветру. День был промозглый, начинало темнеть, и лампа в окне домика у подножия холма светила особенно приветливо.

— Здесь можно разбить фруктовый сад, — добавила небрежно миссис Мей, словно желая переменить тему.

— В нашем с вами возрасте, — заметил мистер Зловрединг, все еще не отрывая глаз от освещенного окна внизу, — разумнее сажать цветы, чем плодовые деревья.

— Вы так думаете? — сказала миссис Мей и понизе опустила капюшон длинного широкого пальто, спасаясь

от порывов ветра. — Но, видите ли, я завещаю этот дом ей.

— Кому — ей?

— Кейт, моей племяннице.

— Понятно, — сказал мистер Зловрединг и снова бросил взгляд на освещенное окно, возле которого, как она знала, сидела Кейт. Станный ребенок, подумал он: смотрит сквозь тебя широко раскрытыми глазами, будто не видит, и часами разговаривает со старым мошенником Томом Доброу, который некогда служил здесь лесником. Поневоле придешь в смущенье. Что между ними общего, спросил он себя, — между этим туповатым стариком и жадно слушающей его девочкой? Вот уже (он взглянул на часы) час с четвертью, как они сидят, пригнувшись друг к другу, у окна и говорят, говорят...

— О добывайках?... — повторил он, точно это слово встревожило его. — Каких добывайках?

— Ну, это такая история, — небрежно сказала миссис Мей, осторожно пробираясь между набухшими от дождя кочанами к вымощенной кирпичом дорожке, — которую мы рассказывали друг другу, брат и я, когда жили здесь в детстве.

— В Фирбэнк-Холле?

— Да, у двоюродной бабушки, тети Софи. Кейт очень нравится эта история.

— Но почему, — спросил мистер Зловрединг, — ей вздумалось рассказывать ее Тому Доброу?

— Тому? Почему бы и нет? Хотя, по правде говоря, я думаю, дело обстоит как раз наоборот — я думаю, Том рассказывает ее Кейт.

Следуя за миссис Мей по выщербленным кирпичам дорожки, мистер Зловрединг погрузился в молчание. Он знал эту семью почти всю свою жизнь, и чем дальше, тем чудачковатей все они ему казались.

— Но кто ее выдумал? Вы?

— Куда мне, нет. — Миссис Мей смущенно рассмея-

лась. — Скорее всего ее придумал мой брат. Если это вообще выдумка, — прибавила она внезапно еле слышным голосом.

Мистер Зловрединг ухватился за ее слова.

— Я не вполне вас понимаю. Эта история, о которой вы говорите, она что — основана на реальных фактах?

Миссис Мей рассмеялась.

— О нет, факты эти никак не могут быть реальными. Ни каким образом. — Она снова пустилась в путь, добавив через плечо: — Просто этот старик, Том Доброу, по-видимому, знал наших человечков.

— Каких человечков? Попрошаек?

— Не попрошаек — добываек.

— Понятно, — сказал мистер Зловрединг, хотя ему ничего не было понятно.

— Мы назвали их так. — Обернувшись к нему, миссис Мей поджидала, пока он... поравняется с ней. — Вернее, они сами так себя называли, потому что у них не было ничего своего. Ничего. Даже имена они брали у людей: семейство Курантов — там были отец, мать и дочка — звали их Под, Хомили и Арриэтта. — Когда мистер Зловрединг подошел к ней, она улыбалась. — По-моему, прелестные имена.

— О да, — довольно сухо сказал он. А затем вопреки своей воле улыбнулся ей в ответ; он вспомнил, что она всегда любила, пусть мягко, подтрунивать над людьми, даже в юности, когда он находил ее весьма привлекательной, это приводило его в замешательство. — Вы не изменились, — сказал он.

Миссис Мей сразу посерьезнела.

— Но не станете же вы отрицать, что Фирбэнк-Холл был странный старый дом.

— Старый — да. Но не более странный, чем... — он взглянул вниз, — чем, скажем, этот домик.

Миссис Мей рассмеялась.

— Тут Кейт согласилась бы с вами. Она считает этот

домик таким же странным, каким мы считали Фирбенк-Холл, в точности таким же. Знаете, в Фирбенке у нас с братом с самого начала было чувство, будто в доме помимо людей живут еще какие-то человеческие существа.

— Но, — раздраженно воскликнул мистер Зловрединг, — какая разница между человеческими существами и людьми? Это одно и то же.

— Ладно, просто другие существа. Гораздо меньше людей размером, но внешне всем похожие на них, разве что головы побольше да подлиннее кисти рук и ступни. Очень маленькие и незаметные. Мы воображали, что живут они, как мыши, — за стенными панелями, или за плинтусом, или под половицами... и полностью зависят от того, что им удастся стащить в доме. Хотя воровством это тоже не назовешь — они брали только то, без чего люди вполне могли обойтись.

— Что именно? — спросил мистер Зловрединг и, внезапно почувствовав себя неловко, обогнал миссис Мей, чтобы убрать с ее пути побег куманики.

— О, самые разные вещи. Любые продукты, естественно, и любые другие мелкие предметы, которые можно было сдвинуть с места и которые могли им пригодиться, — спичечные коробки, огрызки карандашей, иголки, лоскутки... все, из чего можно было смастерить одежду, орудие труда или мебель. Нам было их жалко, потому что они ценили красоту и стремились сделать свои темные норки такими же уютными и удобными, как жилища людей. Брат старался помочь им. — Миссис Мей внезапно замолчала, словно смутившись. — Во всяком случае, так он мне говорил, — запинаясь, закончила она и тихонько рассмеялась, точно сама не принимала всего этого всерьез.

— Понятно, — снова сказал мистер Зловрединг.

Они принялись обходить дом, стараясь не попасть под капли, падающие с крыши.

— А при чем тут Том Доброу? — снова заговорил он, когда миссис Мей задержалась у бочки для дождевой воды.

Она обернулась и посмотрела ему в лицо.

— Ну, не удивительно ли это? В моем возрасте — чуть не в семьдесят лет — получить в наследство этот домик и застать здесь хозяином Тома.

— Он тут вовсе не хозяин... всего лишь временный жилец.

— Я хочу сказать, — продолжала миссис Мей, — вообще застать его здесь. В старые времена, когда они были мальчиками, Том и брат часто вместе ставили капканы на кроликов... Они были большими друзьями по своему. Но всему этому пришел конец... после скандала.

— О, — сказал мистер Зловрединг, — значит, был скандал?

Они стояли перед изъеденной непогодой входной дверью, и, заинтересовавшись помимо своего желания, мистер Зловрединг снял руку со щеколды.

— Еще какой! — воскликнула миссис Мей. — Я думала, вы слышали о нем. Даже полисмен был втянут в него... вы помните Эрни Ранэйкра? Вся деревня только об этом и говорила. Кухарка и садовник каким-то образом пронюхали о добывайках и решили выкурить их из дома. Они пригласили местного крысолова и послали сюда за Томом и его хорьком. Он был тогда еще мальчик, внук лесника, лишь ненамного старше нас с братом. Но, — миссис Мей внезапно повернулась к поверенному, — вы не могли не слышать обо всем этом.

Мистер Зловрединг нахмурился. В памяти стали всплывать какие-то смутные слухи... какая-то глупая история, приключившаяся в Фирбэнке: кухарка по имени Дайвер или Драйвер, пропажа каких-то вещей из горки в гостиной...

— Что-то связанное с золотыми часами с изумрудами, да? — сказал он наконец.

— Да, потому-то они и послали за полисменом.

— Но, — мистер Зловрединг еще сильнее нахмурился, — эта женщина, Дайвер или...

— Драйвер. Именно так ее звали.

— И этот садовник... вы хотите сказать, что они верили, будто эти человечки существуют на самом деле?

— По-видимому, так, — ответила миссис Мей, — иначе они не стали бы заваривать всю эту кашу.

— И что же произошло? — спросил мистер Зловрединг. — Их поймали? Нет, нет, я не это имел в виду! Я имел в виду — чем они оказались? Верно, мышами?

— Меня в то время не было в Фирбэнке, но, по словам брата, добывайки выбрались из дома в самый последний момент через решетку в подвальном окошечке... знаете, такие отверстия в кирпичной кладке, которые делают для вентиляции. Они пробежали через фруктовый сад, — она оглянулась по сторонам: сумерки сгущались все больше, — поднялись по склону холма и ушли в поля.

— Кто-нибудь их видел? — спросил мистер Зловрединг.

— Нет.

Мистер Зловрединг кинул быстрый взгляд на окутанные туманом склоны: тонувшие в полумраке леса позади бледных полей казались совсем черными.

— Белки, — сказал он, — вот что это такое было скорей всего.

— Возможно, — не стала спорить с ним миссис Мей. Она отошла от него к пристроенной к дому прачечной, туда, где утром рабочие отрыли водосточную трубу. — По-моему, эта труба достаточно широкая, чтобы использовать ее в качестве канализационной, — сказала она.

— Широкая — да, — согласился мистер Зловрединг, глядя на глиняные секции трубы, — но санитарный

инспектор ни за что этого не разрешит: все сточные трубы в этих краях идут напрямик в реку. Нет, боюсь, вам придется поставить очистной бак.

— Так для чего тогда была эта труба?

Мистер Зловрединг кивнул на прачечную.

— Для воды от стирки и, возможно, из судомойни. — Он взглянул на часы. — Подвезти вас? Уже довольно поздно.

— Вы очень любезны, — сказала миссис Мей в то время, как они шли обратно к двери.

— Это просто неслыханно, — возвращаясь к их разговору, сказал мистер Зловрединг, кладя руку на щеколду.

— Согласна с вами.

— Я имею в виду — дойти до того, чтобы вызывать полисмена. Невероятно.

— Еще бы, — сказала миссис Мей и принялась вытирать ноги о кусок мешковины, лежавший возле ступенек.

Мистер Зловрединг взглянул на свои ботинки и последовал ее примеру.

— Ваш брат, должно быть, умел убеждать слушателей.

— О, да.

— И был большой выдумщик.

— Еще какой! По его словам, существовала целая колония этих человечков. Он рассказывал мне и о другой семье — родственниках тех, кто жил в Фирбэнке, — которая, как думали, поселилась в барсучьей норе... здесь неподалеку, на опушке леса. Дядя Хендрири и тетя Люпи... — Она искоса взглянула на мистера Зловрединга. — У них было четверо детей...

— По словам вашего брата, — скептически заметил мистер Зловрединг и снова протянул руку к щеколде.

— И по словам старого Тома, — засмеялась миссис Мей и понизила голос. — Старый Том клянется, что все

это — истинная правда. Но он утверждает, что жили они вовсе не в барсучьей норе, а уж если и жили там, то совсем недолго. Он клянется, что много лет подряд они жили за стенкой возле очага, между кладкой и штукатуркой.

— Какого очага? — тревожно спросил мистер Зловрединг.

— Этого, — сказала миссис Мей шепотом, в то время как она распахивала дверь. — Здесь, в этом самом доме.

— Здесь, в этом самом доме... — повторил мистер Зловрединг изумленно; отступив в сторону, чтобы пропустить миссис Мей, он вытянул вперед шею и заглянул в комнату, не переступая порога.

Тихая комната казалась пустой: желтый свет лампы лился на каменный пол, в очаге тлели угли. У окна лежала груда ореховых прутьев, очищенных от коры и расщепленных, — заготовки для крыш; возле них стояло деревянное кресло. Вот все, что они заметили. Неожиданно из темного угла у очага возникла Кейт.

— А, это вы, — сказала она. Похоже было, что она собиралась сказать что-то еще, но тут ее взгляд, скользнув мимо миссис Мей, упал на мистера Зловрединга, все еще топтавшегося у порога. — Я смотрела в дымоход, — объяснила она.

— Это я вижу — у тебя на лице сажа.

— Да? — равнодушно отозвалась Кейт. Глаза ее блестели, и, судя по всему, она не могла дождаться, когда мистер Зловрединг закроет дверь и, если он не собирается входить, уйдет совсем.

Миссис Мей взглянула на пустое кресло, а затем мимо Кейт на дверь в прачечную.

— Где Том?

— Пошел покормить свинью, — сказала Кейт. Она замолкла было, затем, не удержавшись, выпалила: —

Разве нам обязательно уже ехать? Тут через поле всего два шага, а мне ужасно нужно что-то вам показать.

Мистер Зловрединг взглянул на часы.

Что ж, в таком случае... — начал он.

Да, пожалуйста, не ждите нас, — вырвалось у миссис Мей. — Как говорит Кейт, до Лейтон-Баззарда всего два шага...

— Я только хотел сказать, — бесстрастно продолжал мистер Зловрединг с порога, — что, поскольку дорога сюда такая узкая, а канавы полны воды, я поеду вперед и подожду вас у перекрестка. — Он принялся застегивать пальто. — Надеюсь, вы услышите гудок?

— Да, да, разумеется. Спасибо... конечно. Мы будем прислушиваться...

Когда дверь за мистером Зловредингом закрылась, Кейт схватила миссис Мей за руку и нетерпеливо потащила ее к очагу.

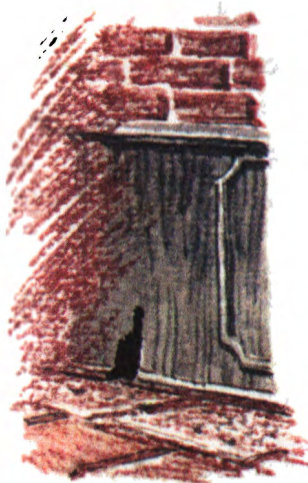
— Мне столько надо рассказать вам. Столько, столько...

— Мы не были грубы с мистером Зловредингом? — спросила миссис Мей. — Мы не прогнали его?

— Что вы, конечно, нет! Вы так красиво поблагодарили его. Но посмотрите сюда, — продолжала Кейт, — пожалуйста.

Отпустив руку миссис Мей, она кинулась вперед и, пытаясь от напряжения, оттащила от стены дровяной ларь, стоявший рядом с очагом; глазам открылось отверстие с остроугольным верхом в плинтусе под панелью.

— Вот где они жили!.. — вскричала Кейт.

Миссис Мей помимо воли почувствовала странное волнение; глядя вниз, на крысиную дыру, она сказала неуверенно:

— Не следует быть легковверными, Кейт. Я хочу сказать: нельзя верить абсолютно всему, что мы слышим. Ты же знаешь, что говорят о старом Томе.

— Где, в деревне? Да, знаю я, что они говорят: «Самый отъявленный лгун в пяти графствах». Но ведь говорить так стали из-за добываек; понимаете, вначале он всем рассказывал о них. Это было ошибкой. Он

думал: людям будет интересно. Но им. вовсе не было интересно... ни капельки; они просто не верили ему. — Кейт стала на колени и, тяжело дыша, заглянула в дыру. — По-моему, был только один человек, кроме Тома, который верил в добываек.

— Ты имеешь в виду миссис Драйвер, кухарку из Фирбэнка?

Кейт нахмурилась и, выпрямившись, села на пятки.

— Нет, вряд ли миссис Драйвер по-настоящему верила в них. Я знаю, что она их видела, но думаю, что она не поверила своим глазам. Нет, я говорю о другом человеке, о цыгане по прозвищу Кривой Глаз. Он вытряхнул их из ботинка на пол своего фургона. Он увидел их прямо у себя под носом. Какие уж тут сомнения? Он попробовал схватить их, говорит Том, но они ускользнули. Он хотел посадить наших добываек в клетку и показывать на ярмарке за деньги. Но Том их спас. Конечно, с помощью Спиллера.

— А кто этот Спиллер? — спросила миссис Мей. Она

еще словно замороженная смотрела на крысиную дыру.

Кейт удивленно взглянула на нее.

— Вы не слышали о Спиллере?

— Нет, — сказала миссис Мей.

— О! — вскричала Кейт, откидывая голову и полузакрыла глаза. — Спиллер — настоящее чудо!

— Не сомневаюсь, — сказала миссис Мей; она подтащила к себе стул с плетеным сиденьем и с трудом опустилась на него. — Но не забывай — вы с Томом разговариваете целыми днями... я не совсем в курсе событий... Кем он считался, этот Спиллер? Добывайкой?

— Он и был добывайкой, — поправила ее Кейт, — но — как бы вам сказать? — диким: жил под живыми игородами, одевался в старые кротовые шкуры и, если честно, никогда не мылся...

— Он не кажется мне таким уж *потрясающим* чудом.

— Ой, что вы! Он сбегал за Томом, и Том кинулся туда и спас их; схватил их с пола прямо из-под носа у цыган и спрятал у себя в кармане, а потом принес всех добываек сюда — всех четверых: Спиллера, Пода, Хомили и Арриэтту. И опустил их очень осторожно, одного за другим, — Кейт притопнула ногой по теплым каменным плитам пола, — на это самое место. И они, бедняжки, убежали за стену через эту крысиную дыру, — Кейт снова наклонила голову, пытаясь заглянуть внутрь, — и забрались по крошечной лестнице наверх, туда, где жили их родичи...

Неожиданно Кейт поднялась на ноги и, вытянув вверх руку, постучала по штукатурке возле очага.

— Их дом, этих родичей, был где-то здесь. Довольно высоко. Они жили на двух этажах между стенкой прачечной и этой стенкой. Том говорит, они пользовались водой из трубы, что идет от бака на крыше в прачечную; сделали в ней дырки с затычками. Арриэтте не нравилось там, наверху, и она каждый вечер спускалась потихоньку

сюда и болтала с Томом. Но наша семья — Куранты — недолго тут оставалась. Понимаете, произошла ужасная вещь...

— Рассказывай же, — поторопила ее миссис Мей.

— Нам не успеть. Мистер Зловрединг вот-вот начнет ворчать. Да и рассказывать про это должен старый Том, похоже, он все про них знает — даже то, что они говорили и делали, когда их никто не видел.

— Да, он прирожденный рассказчик, — сказала, смеясь, миссис Мей. — И разбирается в людях. Когда приходится бороться за жизнь, люди ведут себя одинаково — конечно, согласно своему характеру и темпераменту — независимо от роста и общественного положения. — Миссис Мей наклонилась вперед, словно желая получше рассмотреть плинтус. — Даже я, — добавила она, — могу представить себе, что чувствовала Хомили, лишенная домашнего крова и всего своего добра, стоя перед этой темной дырой... А наверху родственники, которые вовсе ее не ждут и которых она не видела уже тысячу лет.

Глава 2

Но миссис Мей ошибалась: она не представляла, какую радость испытывают добывайки, оказавшись в надежном убежище, где им ничто не грозит. Спору нет, проходя друг за другом через дыру в плинтусах, они немного волновались, им было не по себе, но потому лишь, что похожее на пещеру, пустое и темное пространство, в котором они очутились на первый взгляд казалось необитаемым: здесь пахло пылью и мышами, все звуки отдавались гулким эхом...

— О боже, — словно не веря сама себе, разочарованно пробормотала Хомили, — неужто они тут живут?

Постепенно ее глаза привыкли к полумраку, и неожиданно она наклонилась и что-то подняла.

Батюшки! — взволнованно шепнула она, обращаясь к Поду. — Ты знаешь, что это?

— Да, — ответил Под, — это кусок пера для чистки трубок. Брось его, Хомили, и пойдем. Спиллер нас ждет.

— Это носик от нашего чайника из чернильного ореха, — не отступалась Хомили, — вот что это такое. Я бы узнала его где угодно, и не спорь со мной... Значит, они на самом деле здесь, — удивленно бормотала она, идя следом за Подом в темноту, — и сумели как-то заполучить наши собственные вещи.

— Нам надо подняться, — сказал Спиллер, и Хомили увидела, что он стоит, держась рукой за приставную лестницу, которая уходила в высоту и терялась во тьме. Сделана она была из двух половин расщепленной вдоль тростинки с перекладинами из спичек, аккуратно приклеенными по бокам, и напоминала те подставки, что продаются в цветочных магазинах для вяющихся растений. Посмотрев вверх, Хомили содрогнулась.

— Я полезу первым, — сказал Под. — Лучше будем подниматься по одному.

Хомили со страхом смотрела ввысь, пока не услышала его голос.

— Все в порядке, — шепнул он откуда-то сверху — видеть его она не могла. — Поднимайся.

Хомили стала карабкаться следом, хотя колени ее тряслись, и наконец очутилась рядом с Подом на тускло освещенной площадке, похожей на воздушный причал. Когда Хомили на нее ступила, они тихонько заскрипела и даже, казалось, качнулась. Внизу была пустота и мрак, перед ними — открытая дверь.

— Ах, батюшки, — бормотала Хомили, — надеюсь, здесь не опасно... Не гляди вниз, — остерегала она дочь, поднимающуюся третьей.

Но Арризтта и не собиралась глядеть вниз: ее глаза были устремлены к освещенному дверному проему и движущимся теням за ним. До нее донеслись еле

слышные голоса и внезапный взрыв пронзительного смеха.

— Пошли, — сказал Спиллер, проскальзывая мимо них к двери.

Арриэтта на всю жизнь запомнила эту комнату: тепло, непривычную ей теперь чистоту, мерцающий свет свечи и запах горячей домашней пищи.

И так много голосов... так много добываек...

Постепенно словно из тумана перед ней стали всплывать отдельные лица: верно, это — тетя Люпи... та, что обнимает ее мать. Тетя Люпи, такая кругленькая и румяная; ее мать, такая тощая и грязная. Странно, с чего это они обнимаются и плачут, подумала Арриэтта. Они никогда не любили друг друга, кто этого не знает? Хомили считала Люпи заносчивой, потому что раньше, в большом доме, Люпи жила в гостиной и переодевалась к обеду (Арриэтта слышала, как об этом судачили). А Люпи презирала Хомили за то, что та жила под кухней и неправильно произносила слово «паркет».

А там, конечно, сам дядя Хендрири — этот мужчина с реденькой бородкой, который спрашивает у отца: «Неужто это Арриэтта? Быть того не может!» И отец гордо отвечает: «Она самая, собственной персоной». А эти три мальчика, должно быть, и есть ее двоюродные братьцы — имен их она не расслышала. Они выросли, но по-прежнему были все на одно лицо. А эта высокая, худенькая, не то девочка, не то девушка, похожая на фею, что застенчиво стоит со смущенной улыбкой на губах, — она кто? Неужели Эглтина? Да, верно, это она.

Сама комната, обставленная мебелью из кукольного домика самой разной формы, размера и цвета, казалась какой-то ненастоящей. Там были кресла, обитые бархатом и репсом: одни — слишком маленькие, чтобы в них уместиться, другие — слишком большие. Там были высоченные шифоньеры и низкие-пренизкие журнальные столики. Там был игрушечный камин с раскрашенными гипсовыми углями и каминными щипцами, вырезанными

нисте с решеткой. Там были два нарисованных окна с разными ламбрекенами и красными атласными занавесками. Из них открывался прекрасный, но также нарисованный вид: из одного — на швейцарские горы, из другого — на лесистое ущелье в Шотландии. («Это Эглтина, ее работа, — похвасталась тетя Люпи светским тоном. — Когда достанем еще занавеси, нарисуем третье — с видом на озеро Комо».) Там были торшеры и настольные лампы, отделанные оборками, фестонами и кистями, но Арриэтта заметила, что освещали комнату скромные самодельные свечи, которыми и они пользовались у себя дома.

Все выглядели такими чистыми и аккуратными, что Арриэтта еще больше сконфузилась. Они кинула быстрый взгляд на мать и отца и чуть не сгорела со стыда. Они не стирали одежду уже несколько недель и сами уже несколько дней как не мыли руки и не умывались. У Пода была дыра на колене, волосы Хомили торчали в разные стороны. А пухленькая тетя Люпи любезно просит Хомили снять свои вещи («будь добра, раздевайся») так, словно речь идет о боа из перьев, мантилье и свежечищеных лайковых перчатках.

И тут Арриэтта услышала утомленный голос матери.

— Бедняжка Люпи, — говорила она, — как тут заставлено... Кто тебе помогает убирать?

И, покачнувшись, Хомили упала в кресло.

Все кинулись ей на помощь — чего она и ожидала. Принесли воды и побрызгали ей в лицо. У Хендрири на глазах были слезы.

— Молодчина, она так героически держалась, — пробормотал он, качая головой. — Страшно подумать, что ей пришлось пережить...

Затем Куранты помылись и почистились на скорую руку, остальные быстренько осушили слезы, и все уселись за ужин. Ужинали они на кухне, которая была куда скромнее гостиной, зато тут горел настоящий огонь в прекрасной плите, сделанной из большого черного

дверного замка. Угли можно было мешать через замочную скважину — как красиво она светилась! — а дым (сказали им) через целую систему труб выходил в дымоход.

Длинный белый стол ломился от угощения. Это был наличник от старинного замка, снятый с двери гостиной, — покрытая белой эмалью и разрисованная незабудками медная пластинка, укрепленная на четырех огрызках карандашей, всунутых в отверстия от винтов. Острия грифеля чуть высывались над поверхностью стола. Один из карандашей был чернильный, и Курантов предупредили, чтобы они не дотрагивались до него, не то вымажут руки.

Какой только еды не было на столе: свежая и консервированная, настоящая и искусственная; пироги, пудинги, варенья и соленья, приготовленные руками Люпи, а также баранья нога и пирожные из гипса, заимствованные в кукольном домике. Там стояли три настоящих стакана, чашки из желудя и два графина зеленого стекла.

Вопросы — ответы, расспросы — рассказы.

У Арриэтты закружилась голова.

— А где Спиллер? — вдруг спросила она.

— Ушел, — неопределенно ответил Хендрири; он нахмурился и, чтобы скрыть неловкость, принялся постукивать по столу оловянной ложкой (одной из моей полудюжины, сердито подумала Хомили, интересно, много ли их осталось).

— Куда ушел? — спросила Арриэтта.

— Домой, наверно, — ответил Хендрири.

— Но мы же не поблагодарили его! — вскричала Арриэтта. — Спиллер спас нам жизнь.

Хендрири снова повеселел.

— Выпей капельку ежевичного ликера, — предложил он Поду. — Люпи сама его делала. Это нас подбодрит...

— Я — нет, — твердо сказала Хомили, прежде чем

Под успел ответить. — К добру это не приведет, мы убедились на собственном опыте.

— Но что Спиллер о нас подумает? — не отступалась Арриэтта, чуть не плача. — Мы даже не поблагодарили его.

Хендрири удивленно взглянул на нее.

— Спиллеру не нужны благодарности. Не волнуйся, все в порядке... — И он похлопал Арриэтту по руке.

— А почему он не остался к ужину?

— Никогда не остается, — сказал Хендрири. — Не любит большую компанию. Приготовит что-нибудь себе сам.

— Где?

— В той плите.

— Но это же так далеко отсюда!

— Для Спиллера такое расстояние — пустяк... Он привык. Часть пути проплывет.

— И ведь уже, наверно, темнеет, — горестно продолжала Арриэтта.

— Полно, о Спиллере тревожиться нечего, — сказал ей дядя. — Кончай свой пирог...

Арриэтта опустила глаза на тарелку (из розовой пластмассы, она помнила этот сервиз); у нее почему-то пропал аппетит. Она взглянула на Хендрири.

— А когда он вернется? — спросила она тревожно.

— Он нечасто сюда приходит. Раз-два в год — за новой одеждой. Или по специальному поручению Тома.

Арриэтта задумалась.

— Ему, должно быть, тоскливо одному, — заметила она наконец робко.

— Спиллеру? Нет, я бы этого не сказал. Некоторые добываяки такие с рождения. Одиночки. Иногда они попадаются среди нас. — Он взглянул через комнату — туда, где, выйдя из-за стола, сидела у огня Эглтина. — Эглтина тоже из них... Жаль, но что поделаешь? Им

никого не надо — подавай лишь человек. Прямо с ума по ним сходят, как поглядишь.

Как темно было в этом чужом доме — почти так же темно, как под полом кухни в Фирбэнке, ведь освещали его лишь самодельные восковые свечи, наколотые на острия кнопок. («Сколько человеческих жилищ, — вдруг подумала Арриэтта, — сгорело из-за беспечности добываек, снующих взад и вперед с горящими свечами в руках».) Как ни старалась Люпи навести чистоту, пахло сажей и тянуло из углов прогорклым сыром.

Братцы спали в кухне — ради тепла, объяснила Люпи; нарядной гостиной пользовались лишь по особым случаям. Снаружи от нее была неосвещенная площадка, с которой спускалась вниз шаткая лестница.

Над площадкой, скрытые в полумраке, были две комнаты, которые им отвела Люпи. Лестницу к этим комнатам смастерить еще не успели, и добраться до жесткого настила, сделанного Хендрири из крышки обувной коробки, можно было только цепляясь пальцами за дранку и вслепую нащупывая место для ноги.

— Ну, ты приведешь тут все в жилой вид, — сказала Люпи (она знала, что у Пода золотые руки), — а мы для начала одолжим вам кое-что из мебели.

— Для начала... — бормотала Хомили в то первое утро, поднимаясь, шаг за шагом, вслед за Подом по дранкам (в отличие от большинства добываек она боялась высоты и не увлекалась лазанием). — А потом что?

Ей было страшно взглянуть вниз. Она знала, что там была неустойчивая площадка, а от нее уходила еще дальше спичечная лестница, поблескивавшая, как рыба кость.

— Ладно, — утешала она себя, неуклюже нащупывая

место, куда поставить ногу, — пусть подъем и крутой, зато вход отдельный...

— Как тебе тут, Под? — спросила Хомили, просовывая наконец голову в круглый люк, прорезанный в полу; ну и странно же это выглядело — словно ее голову отделили от плеч.

— Здесь сухо, — ответил Под уклончиво и топнул несколько раз по полу, точно желая проверить его крепость.

— Ой, не топай так сильно, Под, — взмолилась Хомили, еле удерживаясь на ногах. — Это только картон.

— Знаю, — сказал Под. — Но дареному коню в зубы не смотрят, — добавил он, когда Хомили добралась до него.

— Дома под кухней, — сказала Хомили, осматриваясь, — мы по крайней мере были на твердой земле...

— С тех пор тебе пришлось жить в ботинке, — напомнил ей Под, — и в пещере на берегу. И ты чуть не умерла с голоду. И чуть не замерзла насмерть. И чуть не попала в руки к цыганам. Дареному коню в зубы не смотрят, — снова сказал он.

Хомили еще раз огляделась по сторонам. Две комнаты? Назвать их так можно было лишь с трудом. Кусок картона между двумя решетками дранки, разделенный книжным переплетом, где на темно-красном холсте тускло поблескивало вытесненное золотом название: «Разведение свиней. Ежегодник». В этой стене Хендрири вырезал дверь. Потолков вообще не было, и откуда-то сверху падал слабый свет. Верно, через щель между половицами и стеной в спальне лесника, подумала Хомили.

— Кто там спит? — спросила она Пода. — Отец этого мальчика?

— Дед, — ответил Под.

— Не удивлюсь, если он захочет нас поймать, — сказала Хомили, — наставит мышеловок и тому подобное.

— Спору нет, — сказал Под, — когда имеешь дело с

лесниками, надо сидеть тишком. Правда, он на целый день уходит из дому, и мальчик с ним... Да, здесь сухо, — добавил он, осматриваясь вокруг, — и тепло.

— Не очень-то, — возразила Хомили. Проходя вслед за Подом в проем между комнатами, она увидела, что дверь держится на холстине переплета, которую Хендрири оставил неразрезанной.

— Скоро обтреплется, вот увидишь, — заметила она, несколько раз закрывая и открывая дверь, — и что тогда?

— Я могу прошить холст, — сказал Под, — сапожными нитками. Пара пустяков. — Он прижал ладони к каменной кладке дальней стены. — Дымоход, — объяснил он, — теплый, да?

— Да, — хмыкнула Хомили, — когда прижмешься к нему.

— Что, если нам спать тут, рядом с трубой?

— На чем? — спросила Хомили.

— Они хотели одолжить нам кровати.

— Нет, лучше использовать дымоход для стряпни. — Хомили ощупала руками кладку и принялась выколупывать штукатурку из вертикальной трещины между камнями. — Тут можно добраться до жара.

— Но ведь мы будем питаться внизу вместе с ними, — сказал Под. — Мы же так договорились... и готовить будем вместе.

— Вместе готовить — вместе добывать, — сказала Хомили. — Но тебе, Под, добывать здесь будет нечего.

— Чепуха, — сказал Под. — С чего ты это взяла?

— А с того, что в таком небольшом доме, как этот, где живут всего двое человек — старик и мальчик, — не столько поживы, сколько в Фирбэнке. Попомни мои слова. Я разговаривала с Люпи: Хендрири и два старших парнишки вполне управляют здесь. А ты станешь у них хлеб отбивать. Вряд ли это им придется по вкусу.

— Так что же мне делать? — сказал Под.

Добывайка, лишенный возможности добывать, в осо-

ности такой мастер своего дела, как Под! Глаза у него
миллись, стали пустыми.

Займешься мебелью скорее всего.

Но они дадут нам ее взаймы.

Дадут взаймы! — прошипела Хомили. — Все, что у
нас есть, было нашим!

Полно, Хомили... — начал Под.

Хомили понизила голос до шепота:

— Все, до последней вещи. И это красное бархатное
кресло, и кухонный шкаф для посуды с нарисованными
фигурками, все, что мальчик принес нам из кукольного
мира...

— Но плита из замка их собственная, — вставил
Под. — и стол из дверного наличника. И этот...

— ...И гипсовая баранья нога
была наша, — прервала его
Хомили, — и блюдо с гипсовым
тортом. И кровати наши были,
и диван. И пальма в кадке...

— Послушай, Хомили, —
взмолился Под, — мы уже об-
суждали все это, вспомни. Как
говорится, что с воза упало, то
пропало, что нашел, то мое. Для
них мы тогда все равно что
умерли... ну, вроде как сквозь
землю провалились или в воду
канули. Все эти вещи им при-
несли в простой белой наволочке
и сложили у дверей. Понима-
ешь, что я хочу сказать? Вроде
как мы их оставили им в
наследство.

— Оставить что-нибудь Лю-
пи? Да ни за что! — воскликну-
ла Хомили.

— Право, Хомили, надо признать, что они были к нам добры.

— Да, — согласилась Хомили, — надо.

И грустно посмотрела вокруг.

Картонный пол был усеян кусками упавшей сверху штукатурки. Хомили рассеянно принялась подталкивать их ногой туда, где между ровным краем картона и бугристой обмазкой стены были небольшие отверстия. Обломки с шумом обрушились вниз, в кухню Люпи.

— Видишь, что ты наделала? — сказал Под. — Если нам дорога жизнь, мы не должны поднимать шума. Особенно вроде этого. Для человека, если что бухает или катится, значит — там мыши или белки. Сама знаешь не хуже меня.

— Прости, — сказала Хомили.

— Погоди-ка минутку, — сказал Под.

Все это время он пристально смотрел на луч света, падавший сверху, и сейчас, не успела Хомили отозваться, как Под быстро полез по драпке к щели, откуда он выбивался.

— Осторожней, Под, — шепнула Хомили.

Ей показалось, что он тащит какой-то предмет, но какой — от нее заслоняло его тело. Слышно было, как Под пыхтит от натуги.

— Не волнуйся, — сказал Под своим обычным голосом, начиная спускаться. — Там, наверху, сейчас никого нет. Принимай, — добавил он, передавая жене старую костяную зубную щетку, чуть подлиннее ее самой. — Первая добыча, — скромно произнес Под, и Хомили увидела, что он доволен. — Кто-то уронил ее там, в спальне, и она застряла между полом и стеной. Залезть туда, в комнату, — продолжал он, — проще простого: то ли стена немного отошла, то ли половицы усохли; подальше щель еще шире... Принимай еще, — добавил он, передавая ей довольно большую раковину, которую он вытащил из обмазки стены. — Ты подмети тут, — добавил

он, — а я снова поднимусь наверх. Самое время, пока там никого нет.

— Только осторожней, Под... — умоляюще произнесла Хомили с гордостью и беспокойством.

Она не сводила с него глаз, пока он взбирался по дранке, и лишь после того как Под исчез из виду, принялась подметать пол, используя раковину вместо щетки. К тому времени, когда снизу поднялась Арриэтта, чтобы сообщить, что их ждут к столу, на полу лежала неплохая добыча: донышко фарфоровой мыльницы (таз для умывания), вязанная тамбуром желтая с красным салфетка под блюдо, из которой мог выйти коврик, обмылок светло-зеленого мыла, длинная штопальная игла (чуть заржавевшая), три таблетки аспирина, пачка щеточек для чистки трубок и длинный кусок просмоленной бечевки.

— Я вроде бы нагулял аппетит, — сказал Под.

Глава 3

Они спустились по дранке на площадку и, держась подальше от ее краев, прошли в гостиную, а через нее на кухню.

— Ну, наконец-то! — воскликнула Люпи громким, сочным, «тетушкиным» голосом. Рядом с пухленькой, розовой от печного жара Люпи в пунцовом шелковом платье Хомили казалась еще более тощей и угловатой — форменная защипка для белья. — Мы уж собирались начинать без вас.

Кухня освещалась одной-единственной лампой — серебряная солонка с дырочками наверху, из которой торчал фитиль. Воздух был неподвижным, пламя горело ровно, но слабо, и фарфоровая столешница, белая, как лед, тонула в полумраке.

Эглтина, стоя у плиты, разливала суп. Тиммис,

младший мальчик, нетвердо держась на ногах, разносил его в желтых раковинах от улиток; вычищенные и отполированные, они выглядели очень мило. А Эглтина и Тиммис похожи друг на друга, подумала Арриэтта, оба тихие, бледные и как будто настороженные. Хендрири и два старших мальчика уже сидели за столом и жадно хлебали суп.

— Встаньте! — игриво вскричала Люпи. — Вы должны вставать, когда в комнату входит ваша тетя!

Мальчики неохотно поднялись и тут же плюхнулись обратно. «Уж эти Клавесины, — было написано у них на лицах, — им бы только хорошие манеры». Братцы были слишком молоды, чтобы помнить благословенные дни в гостиной большого дома — ромовые бабы, китайский чай, музыку по вечерам. Неотесанные, подозрительные, они почти не раскрывали рта. «Мы не очень-то им нравимся», — подумала Арриэтта, занимая свое место за столом. Маленький Тиммис, прихватив раковину тряпкой, принес ей суп. Тонкие стенки раковины были горячи, как огонь, и Арриэтта с трудом удерживала ее в руках.

Еда была простая, но питательная: суп и вареные бобы с каплей мясного соуса — по одному бобу на каждого. Ничего похожего на роскошное угощение, поданное на ужин, когда Люпи выставила на стол все свои запасы. Казалось, они с Хендрири посовещались и решили спуститься на более низкую ступень. «Мы должны начать, — так и слышался Арриэтте твердый, уверенный голос Люпи, — так, как собираемся продолжать».

Однако Хендрири и старшим братцам подали омлет из ласточкина яйца, приготовленный на жестяной крышке. Люпи сделала его собственными руками. Приправленный тимьяном и диким чесноком, он очень вкусно пахнул, шкварча на сковородке.

— Они сегодня выходили из дома, все утро искали добычу, — объяснила Люпи. — Выйти можно, только если открыта входная дверь, и бывает, что им не

покинуть обратно. Однажды Хендрири пришлось три ночи провести в деревянном сарае, прежде чем он смог вернуться.

Комили посмотрела на Пода, он уже прикончил свой обед и теперь глядел на нее как-то странно округлившими глазами.

— Под тоже кое-что добыл сегодня утром, — заметила она небрежно, — правда, он был не столько далеко, как обычно, но от этого не меньше живот подводит.

— Добыл? — удивленно спросил дядя Хендрири; его реденькая бородка перестала двигаться вверх и вниз, он больше не жевал.

— Так, кое-что, — скромно сказал Под.

— Но где? — спросил дядя Хендрири, не отрывая от него взгляда.

— В спальне старика. Она как раз над нами...

С минуту Хендрири молчал, затем проговорил:

— Что ж, прекрасно, Под, — таким тоном, точно это вовсе не было прекрасно. — Но мы должны действовать по плану. В этом доме не так-то много добычи, разбазаривать ее нельзя. Мы не можем все кидаться на нее, как быки на ворота.

Он положил в рот кусок омлета и принялся медленно жевать; Арриэтта как завороженная смотрела на его бороду и ее тень на стене. Проглотив то, что было у него во рту, Хендрири сказал:

— Я буду тебе очень благодарен, Под, если ты на время перестанешь ходить за добычей. Мы знаем здешнюю территорию, так сказать, и работаем здесь своими методами. Лучше мы пока что будем все вам давать взаймы. А еды на всех хватит, если вам не нужны разносолы.

Наступило молчание. Арриэтта заметила, что старшие мальчики, заглотав омлет, уставились в тарелки. Люпи гремела посудой у плиты. Эглтина сидела, глядя на свои руки, а Тиммис удивленно смотрел то на одного, то на

другого, и его широко раскрытые глаза казались еще больше на маленьком бледном личике.

— Как хочешь, — медленно произнес Под.

Люпи поспешила обратно к столу.

— Хомили, — весело сказала она, нарушая неловкое молчание, — если у тебя сегодня днем найдется свободная минутка, не поможешь ли ты мне с шитьем? Я шью летнюю одежду для Спиллера. Я была бы очень тебе благодарна.

Хомили подумала о неуютных комнатах наверху — ей так не терпелось за них взяться.

— Конечно, — сказала она, выдавливая улыбку.

— Я всегда кончаю ее к началу весны, — объяснила Люпи. — Время не ждет, завтра уже первое марта.

И она принялась убирать со стола. Все вскочили, чтобы помочь ей.

— Но где он сам, Спиллер? — спросила Хомили, пытаясь сложить раковины стопкой.

— Понятия не имею, — сказала Люпи. — Отправился куда-то, какая-нибудь новая затея. Никому не известно, где он. И что делает, если уж о том зашла речь. Я знаю одно, — продолжала она, вынимая затычку из трубы (как они сами делали в старом доме, вспомнила Арриэтта) и набирая воду для мытья посуды, — я шью ему кротовую одежду каждую осень и белую лайковую — каждую весну, и он всегда приходит, чтобы ее забрать.

— Какая ты добрая, что шьешь ему одежду, — сказала Арриэтта, глядя, как Люпи полощет раковины в хрустальной солонке и ставит их рядком сохнуть.

— Это только человечно, — сказала Люпи.

— Человечно? — воскликнула Хомили, удивленная и напуганная таким выбором слова.

— «Человечно» означает в этом случае «отзывчиво, внимательно», — объяснила Люпи, вспомнив, что Хомили бедняжка, не получила никакого образования, ведь

и кормили под кухней. — Это не имеет никакого отношения к человеку. Какая тут связь?

— Вот и я спрашиваю себя о том же... — сказала Хомили.

— К тому же, — продолжала Люпи, — Спиллер приносит нам за это разные вещи.

— Понятно, — сказала Хомили.

— Он охотится, а я копчу для него мясо — здесь, в дымоходе. Часть мы съедаем, часть он забирает. Что остается, я мелю и кладу в банки, а сверху заливаю маслом — хранится в таком виде чуть не год. Он приносит птичьи яйца, и ягоды, и орехи.. и рыбу с реки. Рыбу я тоже копчу или мариную. Кое-что засаливаю... А если нам нужна какая-то определенная вещь, надо только сказать Спиллеру — конечно, заранее, — и он добудет ее у цыган. Старая плита, в которой он живет, лежит рядом с выгоном, где они останавливаются. Дайте Спиллеру время, и он принесет от цыган все, что вы хотите. Он принес целый рукав от парусинового плаща... очень нам пригодился: когда однажды летом сюда налетели пчелы, мы все залезли в него.

— Какие пчелы? — спросила Хомили.

— Разве я не рассказывала вам о пчелах на крыше? Их больше нет, улетели. Но благодаря им мы запаслись медом — хватит на всю жизнь — и прекрасным прочным воском для свечей...

Хомили ничего не ответила — молчание ее скрывало зависть: она была ослеплена богатством Люпи. Наконец, вытерев последнюю раковину, она сказала:

— Куда их поставить, Люпи?

— В плетеный футляр для гребенки. Они не разобьются — положи на жестяную крышку и сбрось их туда...

— Должна сказать, Люпи, — заметила Хомили, не скрывая своего удивления, и принялась бросать раковины одну за другой в футляр (он имел форму рожка, сверху с него была петелька, чтобы вешать его на стену, и

вылинявший голубой бант), — ты стала что называется хорошая хозяйка.

— Пожалуй, да, если учесть, что я выросла в гостинной и за всю жизнь палец о палец не ударила.

— Ну, росла ты не в гостинной, — напомнила ей Хомили.

— Ах, те дни, что я жила в конюшне, совсем выветрились у меня из памяти, — беспечно сказала Люпи. — Я была так молода, когда вышла в первый раз замуж, совсем дитя... — И неожиданно повернулась к Арриэтте: — А ты о чем мечтаешь, мисс Тихоня?

— Я думала о Спиллере.

— Ага! — вскричала тетя Люпи. — Она думала о Спиллере! — И она опять рассмеялась. — Нечего тебе тратить свои драгоценные мысли на этого оборвыша. Придет время, и ты повстречаешься с кучей воспитанных добываек. Может быть, даже познакомишься с добывайкой, который вырос в библиотеке; говорят, они лучше всех: джентльмены все до одного и прекрасно образованны.

— Я думала о том, — ровным голосом сказала Арриэтта, стараясь не выйти из себя, — как странно, наверно, выглядит Спиллер в костюме из белой лайки.

— Ну, белым-то он остается недолго, — вскричала Люпи, — уж ты мне поверь! Поначалу он белый, потому что я шью его из белой бальной перчатки. Длинной, до самого плеча, — одна из немногих вещей, которую я захватила, когда мы покидали гостиную. Но Спиллер хочет только лайку и больше ничего... говорит, что она ноская. Конечно, она становится жесткой, как только он попадает под дождь или в речку, но он снова разнашивает ее; а к тому времени, — добавила она, — его одежда уже всех цветов радуги.

«Всех цветов радуги? Нет, — подумала Арриэтта, — радуга тут ни при чем». И она мысленно представила себе одежду Спиллера — это даже не цвета, а оттенки цветов, делающие его невидимым: мягкий желтовато-ко-

ручневый, палевый, тускло-зеленый, что-то вроде серого с красноватым отливом. Спиллер старался подладить свою одежду ко времени года. Он приводил ее в такой вид, чтобы он мог слиться с любым фоном, чтобы он мог стоять рядом с вами, чуть не дотрагиваясь до вас, а вы бы его не заметили. Спиллер обманывал животных, не только цыган. Спиллер обманывал ястребов, горностаев и лис... и хотя он не мылся, они не могли учуять его по запаху: от него пахло листьями, корой и травами и влажной, теплой от солнца землей; от него пахло лютиками, сухим коровьим навозом и ранней утренней росой...

— Когда он придет? — спросила Арриэтта.

Но тут же, не дожидаясь ответа, побежала к себе наверх. Там, скрючившись на полу возле мыльницы, она дала волю слезам.

Разговор о Спиллере напомнил ей про жизнь на открытом воздухе, про ту вольную жизнь, которой, верно, больше не видать. Их новое убежище между стен может скоро превратиться в тюрьму...

Глава 4

Мебель наверх занес Хендрири со старшими мальчиками. Под лишь принимал ее. Таким образом, Люпи дала им только то, что хотела дать, а не то, что они выбрали бы сами. Однако Хомили не ворчала, последнее время она стала очень тихой — хоть и медленно, она наконец осознала, в каком они оказались положении.

Иногда они оставались после еды внизу, помогали по хозяйству или болтали с Люпи. Но время, которое они там проводили, зависело от настроения Люпи: когда она начинала раздраженно винить их за какой-нибудь промах, виновата в котором была сама, они знали, что пора уходить. «Сегодня все у нас шло наперекосяк», —

говорили они, сидя без дела наверху на старых пробках от шампанского, которые Люпи раскопала где-то у себя и дала им в качестве стульев, — их собственных пробках. Сидели они обычно во внутренней комнате возле дымохода, где было теплее. Здесь у Поды и Хомили стояла двуспальная кровать из кукольного домика; Арриэтта спала в первой комнате — той, где был люк. Она спала на толстом куске войлока, добытом в старые дни из ящика с красками, и родители отдали ей почти все постельное белье.

— Не надо нам было сюда приходить, Под, — сказала как-то вечером Хомили, когда они сидели наверху одни.

— У нас не было выбора, — сказал Под.

— Нам надо уйти, — добавила она, не спуская с него глаз.

Под прошивал подошву сапога.

— Куда? — спросил Под.

В последнее время Поду стало немного легче: он отшлифовал ржавую иглу и занялся шитьем обуви. Хендрири принес ему шкурку ласки, одну из тех, что лесник прибил для просушки над дверью пристройки, и теперь Под мастерил всем новую обувь. Люпи была очень этим довольна и не так сильно командовала ими.

— Где Арриэтта? — внезапно спросила Хомили.

— Скорее всего внизу, — ответил Под.

— Что она там делает?

— Укладывает Тиммиса в постель и рассказывает ему сказку.

— Это я и сама знаю. Но почему она остается там так долго? Я вчера уже совсем засыпала, когда услышала, что она поднимается сюда...

— Они, верно, болтают, — сказал Под.

С минуту Хомили молчала, затем добавила:

— Мне не по себе. У меня снова мурашки...

Она говорила о неприятном чувстве озноба, которое

бывает у добываек, когда неподалеку оказываются люди. У Хомили оно начиналось с колен.

Под взглянул наверх, на половицы над головой, откуда пробивался тусклый свет.

— Старик ложится спать, вот и все.

— Нет, — сказала Хомили, вставая. — К этому я привыкла. Слышу, как он это делает, каждый вечер.

Она принялась ходить взад и вперед.

— Пожалуй, загляну-ка я вниз, — сказала она наконец.

— Зачем? — спросил Под.

— Посмотрю, там ли девочка.

— Уже поздно, — сказал Под.

— Тем более, — сказала Хомили.

— Где ей еще быть? — спросил Под.

— Не знаю, Под. У меня мурашки, и за последнее время они были у меня два или три раза.

Хомили уже привыкла к дранке и спускалась по ней проворней, чем раньше, даже в темноте. Но в тот вечер вдруг был сплошной мрак. Когда она добралась до площадки, ей почудилось, что она стоит на краю зияющей пропасти, откуда порывами дует ветер. Нашупывая путь к дверям в гостиную, Хомили старалась держаться подальше от края.

В гостиной тоже было непривычно темно, как и в кухне; там лишь тускло поблескивала замочная скважина в печи да раздавалось сонное дыхание.

— Арриэтта, — позвала Хомили тихонько, чуть не шепотом, не переступая порога.

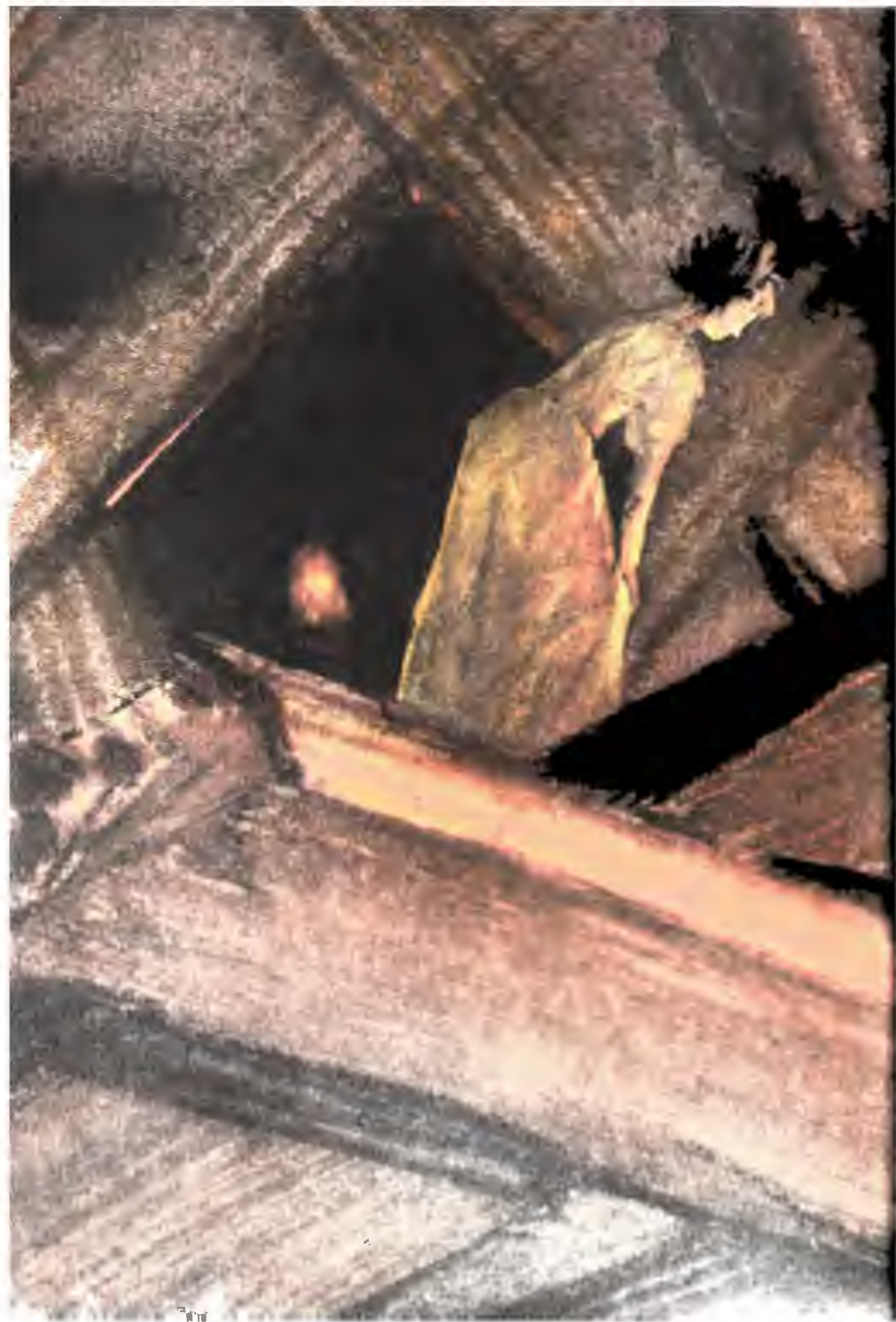
Хендрири всхрипнул и пробормотал что-то во сне; она слышала, как он перевернулся на другой бок.

— Арриэтта... — снова шепнула Хомили...

— Кто там?... — вдруг пронзительно вскричала Люпи.

— Это я... Хомили...

— Что тебе нужно? Мы все спим. У Хендрири был тяжелый день.

— Ничего, — пробормотала Хомили, — все в порядке. Я искала Арриэтту...

— Арриэтта давным-давно поднялась наверх, — сказала Люпи.

— О-о... — протянула Хомили и замолкла. Слышалось только дыхание спящих. — Ладно, — сказала она наконец. — Спасибо. Извини.

— И закрой за собой дверь на площадку, когда будешь выходить, — сказала Люпи. — Ужасный сквозняк.

Пробираясь ощупью к дверям по заставленной вещами комнате, Хомили увидела впереди тусклый свет; казалось, он отражался от площадки. «Неужели он падает сверху, — удивленно подумала Хомили, — из второй комнаты, где сидит за работой Под? Однако раньше его не было...»

Хомили боязливо ступила на площадку. И тут же поняла, что слабое свечение идет не сверху, а откуда-то из глубины; лестница была все еще на месте, и Хомили увидела, что верхние перекладины дрожат. После мгновенного колебания Хомили собралась с духом и заглянула вниз. Ее испуганные глаза встретились с испуганными глазами Арриэтты, взбиравшейся по лестнице и сейчас достигшей предпоследней ступеньки. Далеко внизу Хомили увидела островерхую дыру в плинтусе; казалось, она горит огнем.

— Арриэтта? — открыла рот от изумления Хомили.

Арриэтта молча выбралась на площадку, прижала палец к губам и шепнула:

— Мне нужно затащить сюда лестницу. Подвинься.

И Хомили словно в трансе отступила на несколько шагов, чтобы не мешать. Арриэтта — ступенька за ступенькой — подтянула лестницу наверх, приставила ее к стене у себя над головой, затем, напрягшись всем телом, осторожно опустила и положила вдоль дранки.

— Ну... — начала Хомили, ловя ртом воздух.

В неярком свете, струившемся снизу, они могли видеть лица друг друга — обьятое страхом лицо Хомили с

разинутым ртом и серьезное лицо Арриэтты, прижимающей палец к губам.

— Минутку, — шепнула она и снова подошла к краю площадки. — Все в порядке! — негромко крикнула она в пространство, наклонившись вниз.

Хомили услышала приглушенный стук, поскрипыванье, удар дерева о дерево... и свет внизу погас.

— Он поставил на место дровяной ларь, — шепнула Арриэтта в наступившей вдруг темноте. — Не волнуйся, — умоляюще проговорила она, — и не расстраивайся! Я так и так хотела вам все рассказать.

И, подхватив дрожащую мать под локоть, она помогла ей забраться наверх.

Под удивленно взглянул на них.

— В чем дело? — спросил он.

Хомили молча рухнула на кровать.

— Погоди, пока я подниму ей ноги, — сказала Арриэтта.

Она осторожно уложила мать и укрыла ее до пояса сложенным вчетверо пожелтевшим от стирки шелковым платком в чернильных пятнах, который Люпи дала им в качестве покрывала. Не открывая глаз, Хомили проговорила сквозь зубы:

— Она снова взялась за свое.

— За что? — спросил Под.

Отложив в сторону сапог, он встал с места.

— Разговаривала с человеком, — сказала Хомили.

Под пересек комнату и сел в ногах кровати. Хомили открыла глаза. Оба пристально смотрели на Арриэтту.

— С которым? — спросил Под.

— С молодым Томом, ясное дело, — сказала Хомили. — И поймала ее с поличным. Вот где она проводила все вечера, не сомневаюсь. Внизу думали, что она здесь, а мы думали, что она внизу.

— Но ты же знаешь, куда это нас приведет, — сказал

Под. У него сделался очень встревоженный вид. — С этого, дочка, начались все наши неприятности тогда в Фирбэнке...

— Разговаривать с людьми... — простонала Хомили, и ее лицо исказилось мукой. Внезапно она приподнялась на локте и грозно взглянула на Арриэтту. — Ты, гадкая легкомысленная девчонка, как ты посмела сделать это снова?!

Арриэтта смотрела на них, не опуская глаз, не то что с вызовом, но и без раскаяния.

— Но ведь я говорила только с Томом, — протестующе произнесла она. — Не понимаю, какое это имеет значение? Он же все равно знает, что мы здесь. Ведь он сам нас сюда принес! Ему ничего не стоило причинить нам вред, если бы он захотел.

— Как бы он добрался до нас? — спросила Хомили.

— Сломал бы стенку — это всего лишь дранка и штукатурка.

— Не говори таких вещей, дочка, — содрогнулась от ужаса Хомили.

— Надо смотреть правде в глаза, — сказала Арриэтта. — Но так или иначе, он уезжает.

— Уезжает? — переспросил Под.

— Они оба уезжают, — сказала Арриэтта, — и он, и его дедушка; дед в какое-то место, которое называется больница, а Том — в место, которое называется Лейтон-Баззард; он будет там жить у своего дяди, конюха. Что такое конюх? — спросила она.

Но и мать, и отец молчали и смотрели друг на друга отсутствующим взглядом. Казалось, они потеряли дар речи. Арриэтта не на шутку испугалась.

— Надо сказать об этом Хендрири, — проговорил наконец Под, — и побыстрей.

Хомили кивнула и опустила ноги с кровати. Не успела она прийти в себя после одного потрясения, как на нее обрушилось другое.

— Не стоит их сейчас будить, — сказал Под. — Завтра в первом деле спустись к ним.

— О боже, — вздохнула Хомили, — все эти несчастные детки...

— В чем дело? — спросила Арриэтта. — Что я такого сказала?

Ей вдруг стало страшно, она неуверенно переводила глаза с отца на мать, с матери на отца.

— Арриэтта, — проговорил Под, оборачиваясь к ней; лицо его было серьезным, — все, что мы рассказывали тебе про человек, — правда, но одно мы упустили из виду, а возможно, упомянули об этом только вскользь: мы, добывая, не можем без них существовать. — Он глубоко вздохнул. — Когда они запирают дом и уезжают, это — конец.

— Ни пищи, ни тепла, ни одежды, ни огня, ни воды... — запричитала Хомили.

— Голодная смерть, — закончил Под.

Глава 5

На следующее утро, после того как семейству Хендрири сообщили новости, было созвано совещание. Встревоженные, удрученные, они входили один за другим в гостиную и усаживались за большим столом на указанные Люпи места. Арриэтта повторила свой рассказ.

— Ты уверена в числах, Арриэтта?

Да, Арриэтта была абсолютно уверена.

— А в самих фактах?

— Да. Молодой Том с дедом уезжают через три дня в двуколке; повезет их серый пони по кличке Герцогиня, а править будет дядя Тома по имени Фред Тэрабоди, конюх, который живет в Лейтон-Баззард, а работает в гостинице «Лебедь»... («Что такое конюх?» — снова спросила себя Арриэтта.) И молодой Том очень встрево-

жен, потому что он потерял своего хорька, хотя у того на шее колокольчик и ошейник с именем Тома: хорек кинулся в кроличью нору два дня назад и не вернулся, и Том боится, что ему придется уезжать без хорька; даже если тот найдется, Том не уверен, что ему разрешат взять его с собой.

— Ну, это к делу не относится, — заметил дядя Хендрири, постукивая пальцами по столу.

Все были обеспокоены и в то же время держались на удивление спокойно.

Хендрири обвел взором стол.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, — сказал он мрачно и принялся поглаживать бороду.

— Под тоже может ходить за добычей, — сказала Хомили.

— И я, — вставила Арриэтта.

— И я, — неожиданно пропищал Тиммис.

Все, кроме Хендрири, обернулись к нему, а Люпи погладила его по голове.

— За добычей? — спросил Хендрири. — За какой? Нет, нам не добычки нужны, — он взглянул через стол, и Хомили, встретив его взгляд, неожиданно покраснела, — было бы что добывать. Они не оставят нам ни крошки, этот мальчишка и его дед, уж я-то знаю. Нам придется жить только на наши запасы.

— Пока их хватит, — хмуро проговорила Люпи.

— Пока их хватит, — повторил Хендрири, — таких, какие есть.

Глаза всех, кто был за столом, стали еще шире.

— ...А хватит их ненадолго, — продолжала Люпи.

Она взглянула на полки с

продуктами и быстро отвела глаза. Ее щеки тоже неожиданно вспыхнули.

— Насчет добычи... — заикаясь, проговорила Хомили, — я имела в виду — выходить из дома... на огород... за бобами и горохом... и в таком роде.

— Это все склюют птицы, — сказал Хендрири, — стоит человекам запереть дом и уехать. Птицы вмиг об этом узнают... И что еще важнее, — продолжал он, — в окрестных лесах водится больше хищников и всяких вредных тварей, чем во всем остальном графстве, — лиски, лисы, горностаи, барсуки, сорокопуты, сороки,istreбы-перепелятники, пустельга воробьиная, вороны...

— Хватит, Хендрири, — прервал его Под, — Хомили уже дурно...

— Ничего, ничего, — пробормотала Хомили.

Отпив глоток воды из желудевой чашки, она подперла рукой голову и уставилась на стол.

Хендрири, увлекшись, казалось, ничего не заметил.

— ...совы и канюки, — удовлетворенно закончил он свой длинный перечень. — Вы сами видели шкурки, прибитые над дверью в пристройку, и птиц, наколотых на шипы боярышника. Этот куст называется «виселица лесника». Когда старик здоров и обходит лес, все эти твари сюда носа не кажут. И мальчик ему помогает. Но когда их тут не будет!..

Хендрири поднял тощие руки и возвел глаза к потолку.

Все молчали. Арриэтта взглянула украдкой на Тиммиса; его лицо посерело.

— А когда они закроют ставни и запрут двери, —

вдруг снова заговорил Хендрири, — как, вы полагаете, мы выберемся наружу?

Он торжествующе обвел взглядом стол, словно привел неоспоримый довод. Хомили, по-прежнему не поднимая глаз, ничего не ответила. Она стала сожалеть о том, что вообще открыла рот.

— Ну, всегда можно найти выход из положения, — пробормотал Под.

— Какой? — налетел на него Хендрири. — Какой? — И не успел Под ответить, как Хендрири загремел: — В последний раз, что человеки уезжали отсюда, на дом напали полевые мыши... повсюду кишели здесь, внизу и наверху. Теперь, когда они запирают, то крепко И пауку не пролезть внутрь.

— И не вылезти наружу, — добавила Люпи.

— И не вылезти наружу, — согласился Хендрири и, словно устав от собственного красноречия, отпил глоток воды.

Несколько мгновений все молчали. Затем Под откашлялся и сказал:

— Ну, не навсегда же они уезжают

Хендрири пожал плечами

— Кто знает?

— Мне кажется, — сказал Под, — что без лесника здесь не обойтись. Скажем, этот уйдет, так пришлют другого. Дом недолго будет пустовать: он так удобно стоит, на самой опушке леса, и вода сюда проведена...

— Кто знает? — повторил Хендрири.

— Ваша задача, как я это понимаю, — продолжал Под, — продержаться здесь какое-то время.

— Именно, — подтвердил Хендрири.

— Но какое именно время, вы не знаете, так?

— Так, — подтвердил Хендрири.

— И чем больше вы сможете растянуть запасы, — развивал свою мысль Под, — тем дольше вы сможете продержаться...

— Разумеется, — сказала Люпи.

— И чем меньше у вас будет едоков, — продолжал Под, — тем надольше вам хватит еды.

— Верно, — сказал Хендрири.

— Скажем, — продолжал Под, — вас шестеро...

— Нас девять, — сказал Хендрири, обводя взглядом стол, — если быть точным.

— Мы не в счет, — сказал Под. — Хомили, Арриэтта и я... мы съезжаем с квартиры. — Настала гробовая тишина, а Под, обернувшись к Хомили, спокойно спросил: — Ты ведь согласна со мной, да?

Хомили вытаращила на него глаза, словно на сумасшедшего, и он в отчаянии толкнул ее под столом ногой. Судорожно проглотив комок в горле, она тут же закивала.

— Согласна... — с трудом проговорила она, хлопая ресницами.

Поднялся страшный шум: вопросы, советы, доводы, возражения.

— Ты сам не знаешь, что говоришь, Под, — снова и снова повторял Хендрири, а Люпи так же безостановочно спрашивала:

— Съезжаете с квартиры? Но куда?

Наконец Хендрири сказал:

— Нечего спешить, Под. Конечно, тебе решать, но мы попали в беду все вместе, и пока хватит наших запасов, — он посмотрел на всех сидящих за столом с таким видом, словно делал публичное заявление, — таких, какие есть, — что наше, то ваше.

— Это очень великодушно с твоей стороны, — сказал Под.

— Вовсе нет, — сказал Хендрири, пожалуй, слишком ровным голосом. — Это только справедливо.

— И человечно, — добавила Люпи; ей очень нравилось это слово.

— Но я вижу, — продолжал Хендрири, так как Под ничего не ответил, — что ты уже все решил.

– Верно, – сказал Под.

– В таком случае, – проговорил Хендрири, – нам остается одно: объявить собрание закрытым и пожелать вам успеха.

– Верно, – сказал Под.

– Желаю тебе удачи, Под, – сказал Хендрири.

– Спасибо, Хендрири, – сказал Под.

– И всем вам троем смельчакам – Поду, Хомили и крошке Арриэтте – удачи и хорошей добычи.

Хомили пробормотала что-то в ответ, и настало неловкое молчание – все отводили от них глаза.

– Пошли, старушка, – сказал наконец Под и, обернувшись к Хомили, помог ей встать с места.

– Ты нас извини, – сказал он Люпи, которая снова покраснела до корней волос, – но нам надо кое-что обсудить.

Все поднялись, и Хендрири проводил их до дверей.

– Когда ты думаешь уходить, Под? – озабоченно спросил он.

– Дня через два, – сказал Под, – когда там, внизу, путь будет свободен.

– Не к чему спешить, – сказал Хендрири. – И все, что надо в дорогу, к твоим услугам...

– Спасибо, – сказал Под.

– Ты только скажи...

– Хорошо, – пообещал Под.

На его губах мелькнула несмелая улыбка, и он вышел из комнаты.

•

Глава 6

Хомили молча взобралась по дранке, прошла во внутреннюю комнату и села на кровать. Ее била дрожь.

– Я не мог этого не сказать, – проговорил Под, – и, что еще важнее, мы должны это сделать.

Хомили кивнула.

— Ты же видишь, в каком мы положении?

Хомили снова кивнула.

— Можешь что-нибудь предложить? — спросил Под. — Какой-нибудь другой выход?

— Нет, — сказала Хомили, — нам надо уходить. А самое плохое, — добавила она, — нам в любом случае пришлось бы уйти.

— С чего ты это взяла? — сказал Под.

— Я не стала бы дольше жить с Люпи, — заявила Хомили, — даже если бы она посулила мне гору золота, что она вряд ли сделает. Я молчала, Под, ради Арриэтты. Все же ровесники ей для компании, думала я, и семейные связи. Я даже о мебели не закинулась...

— Да, это так, — подтвердил Под.

— Просто я очень испугалась, — сказала Хомили и снова задрожала, — когда Хендрири принялся говорить про диких зверей...

— Он никак не мог остановиться, — сказал Под.

— Лучше жить одним, — сказала Хомили.

— Верно, — согласился Под, — лучше жить одним...

И он обвел глазами комнату. Но вид у него был опечаленный, на круглом плоском лице была растерянность.

Когда Арриэтта поднялась вместе с Тиммисом наверх, было видно, что, несмотря на тревогу, она на седьмом небе.

— О, — сказала Хомили, — вот и вы.

И, словно не узнавая, посмотрела на Тиммиса.

— Он ни за что не хотел там оставаться, — сказала Арриэтта, крепко держа его за руку.

— Ладно, заведи его... в свою комнату. И расскажи ему какую-нибудь историю...

— Хорошо. Сейчас. Только сперва я хочу спросить...

— Потом, — сказал Под, — у нас куча времени. Мы поговорим обо всем позднее.

— Отец прав, — сказала Хомили. — Расскажи Тиммису что-нибудь.

— Только не про сов, — взмолился Тиммис. У него все еще был испуганный вид.

— Конечно, не про сов, — поддержала его Хомили. — Попроси Арриэтту рассказать тебе про кукольный дом. — Она взглянула на дочь. — Или про это место... как оно называется?.. Где есть гипсовые добывайки.

Но Арриэтта, казалось, не слышала ее.

— Вы правда думали то, что сказали? — вдруг вырвалось у нее.

Хомили и Под, удивленные и испуганные ее тоном, уставились на Арриэтту.

— Конечно, — сказал Под.

— О, — вскричала Арриэтта, — слава богу... слава богу! — И ее глаза вдруг наполнились слезами. — Снова жить под открытым небом... снова видеть солнце...

Подбежав к родителям, она обняла каждого из них.

— Все будет хорошо... Уверена, что будет. — Сияя от радости, она обернулась к Тиммису. — Пошли, Тиммис, я знаю замечательную историю... лучше, чем про кукольный домик... о целом городке, где полным-полно домов, это место называется Литл-Фордэм.

Литл-Фордэм был легендарным местом, рассказы о котором, особенно в последние годы, передавались добывайками из уст в уста. Откуда они о нем узнали, никто не помнил, возможно, из разговоров, подслушанных в чьей-нибудь кухне, гостиной или детской, но знали о нем добывайки все до одного. Литл-Фордэм был, как говорили, игрушечным поселком, который занимал целых пол-акра в саду построившего его человека. Там было все, как в настоящем городке: церковь с органом, школа, несколько магазинов и — поскольку сбоку сада протекала река — своя собственная гавань, пароходы и таможня. Все было

построено очень прочно и не боялось перемен погоды. Населяли Литл-Фордэм — во всяком случае, ходили такие слухи — гипсовые фигурки ростом с добываек, которые неподвижно, с деревянными лицами, стояли там и сям на улицах поселка или ездили по кругу в поездах. Добывайки знали также, что с раннего утра до вечера по асфальтовым дорожкам, надежно отгороженные цепями, по поселку бродят орды человеков. Они знали — как знают это птицы, — что человеки роняют на землю всякие остатки: куски вафельных стаканчиков от мороженого, крошки от бутербродов и булочек, орехи, недоеденные яблоки. («Конечно, нельзя питаться этим изо дня в день, — замечала Хомили, — такая еда быстро надоест...») Но больше всего добываек привлекали дома — множество уютных домов на все вкусы и любое число обитателей: обняки, дома на две семьи с отдельными входами, дома, стоящие вдоль улицы вплотную один к другому или окруженные собственным садом. Все они были прочно построены, с прочно крытыми крышами и прочно вкопаны в землю; как бы ни были любопытны человеки, они не могут без труда их открыть, как кукольный домик, и занести туда свой нос. Арриэтта слышала даже, что окна и двери этих домов просто нарисованы на стенках и вообще не открываются — в домах нет ни одного отверстия. Но этот недостаток легко устраним.

— Конечно, никто не стал бы открывать парадные двери, — объясняла она Тиммису, в то время как они лежали, свернувшись клубочком, в ее постели, — добывайки не так глупы; они бы прокопали туннель под полом... никто из человеков и не догадался бы, что там кто-то живет...

— Расскажи еще про поезда, — попросил Тиммис.

И Арриэтта продолжала рассказывать. Объясняла, придумывала, жила вместе с мальчиком в ином, сказочном, мире. Погрузившись в эту жизнь, она забыла, в каком они сейчас бедственном положении, забыла о

тревогах родителей и страхах дяди, забыла о пыльных, мрачных комнатах между стен, об опасностях, таящихся в лесах вокруг их дома, забыла даже то, что уже давно хочет есть.

Глава 7

— Но куда мы пойдем? — спросила Хомили двадцатый раз.

Прошло уже два дня после совещания; они были в комнате Арриэтты и собирали вещи в дорогу. На полу лежала куча разных предметов, часть они отбрасывали в сторону, часть откладывали, чтобы взять с собой. Они могли взять лишь то — тут Под был непреклонен, — что Люпи называла «ручная кладь». Она дала им рукав брезентового плаща, и они аккуратно разрезали его на квадраты.

— Я думал, — сказал Под, — сперва попробуем пойти в пещеру на склоне.

— Бряд ли мне там очень понравится, — сказал Хомили, — особенно без сапога.

— Но, Хомили, надо же нам куда-то пойти. И скоро весна.

Хомили обернулась и взглянула на Поду.

— А ты знаешь дорогу?

— Нет, — сказал Под, продолжая сматывать в клубок просмоленную нитку. — Это надо выяснить.

— Какая сегодня погода?

— Я попросил Арриэтту это узнать.

Понимая, что другого выхода нет, они, хотя и не без страха, отправили вниз Арриэтту поговорить с молодым Томом.

— Попроси его оставить нам какую-нибудь лазейку, — учил ее Под, — пусть самую крошечную, лишь бы выйти из дома. Если понадобится, мы распакуем вещи и

протащим их одну за другой. В самом крайнем случае я согласен даже на окно первого этажа, если снаружи будет на что прыгнуть. Но скорее всего они крепко-накрепко запрут окна и закроют ставни. И скажи, чтобы он отодвинул дровяной ларь от стены. Нам самим не справиться, даже если он будет пустой. В хорошеньком мы окажемся положении, да и семейство Хендрири тоже, если мальчишка укатит в Лейтон-Баззард и оставит нас заперти. Скажи ему, куда мы направляемся... на это поле, которое зовут Паркинс-Бек... но ни словечка о пещере на склоне... и пусть он напомним, как туда пройти и не сбиться с пути... Последнее время здесь, в доме, довольно прохладно, а ведь уже март, спроси, не выпал ли снег. Если выпал, мы пропали: нам придется ждать...

«Но разве мы можем ждать?» — спрашивал себя Под, неловко беря в руки шляпную булавку. Верно, в приступе великодушия Хендрири сказал: «Мы все вместе попали в беду... и что наше, то ваше». Но потом, обсуждая с Хомили их уход из дома, Люпи заметила: «Не считай меня жестокой, Хомили, но в такие времена каждый думает о своих. На моем месте ты сказала бы то же самое». Она, не скупясь, давала им разные вещи — Под прежде всего подумал о рукаве плаща, — подарила Хомили наперсток с колечком из рождественского пудинга, Хомили надела его на шею; но полки в кладовой вдруг оказались пусты; все припасы были забраны и спрятаны где-то в другом месте, а им Люпи выдала пятнадцать сухих горошин, которых, сказала Люпи, им, «надо надеяться, хватит». Они вымачивали их у себя наверху в мыльнице, а затем Хомили брала по три горошины вниз и варила их на плите.

Хватит, но на сколько? — спрашивал себя Под, счищая пятачком ржавчины со шляпной булавки. — Как новенькая, — подумал он, попробовав пальцем острое, — чистая сталь, и длинная, длиннее, чем он сам. Нет, придется им

уходить, как только путь будет свободен, не важно, выпал снег или нет...

— Кто-то идет! — воскликнула Хомили. — Должно быть, Арриэтта.

Они подошли к люку и помогли ей взобраться на пол; они заметили, что глаза девочки сияют, а щеки горят огнем. В одной руке она держала длинный стальной гвоздь, в другой — ломтик сыра.

— Это нам на сейчас, — еле переводя дух, сказала Арриэтта, — там, внизу, еще целая куча всякой всячины. Том засунул все через дыру за дровяным ларем. Ломоть черствого хлеба, сыр, шесть печеных каштанов и яйцо.

— Неужто куриное яйцо? — сказал Под.

— Да.

— О боже! — воскликнула Хомили. — Как нам закатить его сюда, наверх?

— И как сварить его? — добавил Под.

Хомили тряхнула головой.

— Я сварю его вместе с горохом там, у Люпи. Это наше яйцо, никто и словечка не скажет.

— Оно уже сварено, — прервала их Арриэтта, — вкрутую.

— Слава богу! — воскликнул Под. — Я возьму с собой вниз лезвие — мы можем занести его сюда по кусочкам. Так что ты узнала? — спросил он Арриэтту.

— Погода вовсе не плохая, — ответила она. — Том говорит, когда выходит солнце, совсем тепло и пахнет весной.

— Ты мне прежде всего скажи, — прервал ее Под, — как нам выбраться из дома.

— С этим тоже все в порядке. В самом низу входной двери есть дыра, там, где дверь толкали ногами — Том всегда так делает, когда у него полны руки сучьев. Но они ее заколотили дощечкой, чтобы в дом не забрались

полевые мыши. Двумя гвоздями — по гвоздю с каждой стороны. Это один из них, — показала она на принесенный гвоздь. — Все, что нам надо сделать, говорит Том, повернуть дощечку вверх на втором гвозде да закрепить чем-нибудь, и путь открыт — мы все сможем выйти наружу. А когда мы уйдем, дядя Хендрири и братцы снова ее прибьют... если захотят.

— Прекрасно, — сказал Под, — прекрасно.

У него был очень довольный вид.

— Конечно, они захотят, из-за мышей. И когда, он говорит, они уезжают — я имею в виду он и его дед?

— Как он и раньше сказал — послезавтра. Но он так и не нашел хорька.

— Прекрасно, — повторил Под; хорьки его не интересовали. — А теперь давайте быстренько нырнем вниз и поднимем сюда продовольствие, пока его никто не увидел.

Хомили и Арриэтта спустились вместе с Подом, чтобы ему подсобить. Они отнесли наверх хлеб, и сыр, и печеные каштаны, но яйцо решили не трогать.

— В курином яйце куча еды, — сказал Под, — и вся она чисто и аккуратно упакована, если так можно выразиться, в скорлупе. Мы возьмем яйцо с собой, когда уйдем отсюда, и возьмем в том виде, в каком оно есть.

Поэтому они закатали яйцо за стенную панель и спрятали в темном углу под стружками.

— Здесь оно нас и подождет, — сказал Под.

Глава 8

В день отъезда человекoв добывайки старались вести себя как можно тише. Собравшись вокруг стола, они с любопытством и волнением прислушивались к хлопанью дверей, глухим ударам, беготне вверх и вниз по лестнице. До них доносились голоса, которые они никогда раньше

не слышали, звуки, которые они не могли распознать. Они продолжали сидеть, притаившись, еще долго после того, как захлопнулась входная дверь и наступила тишина.

— Кто знает, — шепнул Поду Хендрири, — они еще могут за чем-нибудь вернуться.

Но постепенно безмолвие покинутого дома каким-то таинственным образом просочилось к ним сквозь штука-турку и дранку, и Под почувствовал, что дом действительно пуст.

— Думаю, все в порядке, — наконец отважился он сказать, — может, кто-нибудь из нас пойдет на разведку?

— Я пойду, — сказал Хендрири, поднимаясь на ноги. — Не трогайтесь с места, пока я не подам сигнал. Мне надо, чтоб было совершенно тихо.

И он ушел. Все молча сидели вокруг стола. Хомили не сводила глаз с трех небольших узлов, привязанных к шляпной булавке. Люпи одолжила Хомили свой кротовый жакет... который стал ей узок; на Арриэтте был шарф Эглтины; высокая, стройная девушка накинула его Арриэтте на шею и трижды обмотала, так ничего и не сказав. «Она хоть когда-нибудь говорит?» — спросила как-то Хомили у Люпи, воспользовавшись ее хорошим настроением. «Почти никогда, — сказала Люпи, — и не улыбается. Она стала такой после того, как еще девочкой убежала из дома. Не один год прошел с тех пор».

Но вот вернулся Хендрири и сказал, что путь свободен.

— Лучше зажгите свечи, сейчас позднее, чем я думал.

Один за другим они спустились по спичечной лестнице, больше не боясь шуметь. Дровяной ларь был далеко отодвинут от стены, и они гуськом вышли в комнату, высокую, как собор, огромную и тихую — лишь их голоса отражались от стен, — сами себе хозяева: ходи куда хочешь, делай что пожелаешь. Окно, как Под и предвидел, было закрыто ставнями, но через небольшое оконце, низко прорезанное в толстой стене, просачивались послед-

не бледные лучи заходящего солнца. Братцы и Арриэтта были вне себя: они носились взад и вперед между ножками стульев, обследовали пещеру под столом, где в свете свечей плясала висящая там паутина. А сколько было сделано открытий, сколько найдено сокровищ — под половиками, в щелях двери, между свободными камнями очага!.. Здесь булавка, там спичка; пуговица, старая запонка от воротничка, почерневшая монета, коралловая бусина, крючок без петельки, отломанный кончик грифеля от карандаша. (Арриэтта бросилась к нему и тут же спрятала в карман: ей не разрешили взять с собой дневник, пришлось оставить его вместе с прочими «не самыми важными» вещами, но кто знает...) Затем, оставив на пол свечи, они принялись взбираться кто куда — все, кроме Люпи, которая для этого слишком растолстела, и Пода с Хомили, стоявших у входных дверей. Хендрири решил залезть на висевшее на гвозде пальто, чтобы проверить карманы, но ему было далеко до Пода, и он повис на рукаве, еле переводя дыхание и обливаясь потом, — пришлось старшему сыну его помогать.

— Надо было забираться по петлям, — шепнул Под Хомили, — за них можно цепляться ногами, а карман подтащить к себе за материю. Никогда не надо лезть прямо к карману...

— Хоть бы они уgomонились, — шепнула в ответ Хомили, — пока мы не уйдем.

В обычное время она и сама получила бы удовольствие от этой игры «что нашел, то мое», где любые средства хороши — что лучше для добывайки, чем охота за добычей без помехи, — но сейчас все омрачала мысль о ждавших их испытаниях, и паясничанье родичей казалось ей глупым.

— Ну, а теперь, — неожиданно сказал Хендрири, приводя в порядок платье и направляясь к ним, словно он прочитал ее мысли, — давайте испробуем лазейку.

Он позвал старших сыновей, и, поплевав на руки, они ухватились за дощечку, прикрывавшую дыру в двери.

— Раз, два, три, ух! — произнес нараспев Хендрири.

Они изо всех сил толкнули дощечку вверх, и она медленно, со скрипом, повернулась на гвозде, открыв глазам похожее на арку отверстие.

Под взял свечу и выглянул наружу; он увидел травы и камни и, до того как ветер чуть не задул пламя мелькнувшую перед глазами тень. Под заслонил пламя свечи ладонью.

— Быстрее, Под, — еле дыша, произнес Хендрири, — эта деревяшка тяжелая...

Под опять посмотрел в дыру: ни травы, ни камней, струящийся мрак, еле слышное дыхание и неожиданное возникшие две огненные точки, как острия булавок, немигающие, неподвижные, беспощадные.

— Бросайте, — еле слышно сказал Под, не разжимая губ. — Быстрее, — еще тише проговорил он, так как Хендрири замешкался. — Ты что, не слышишь колокольчик? — И замер на месте, держа свечу перед собой.

Раздался глухой стук упавшей дощечки и одновременно с ним визг Хомили.

— Ты тоже видела его? — спросил Под, оборачиваясь.

Поставив свечу на пол, он, все еще тяжело дыша, вытер лоб рукавом.

— Видела его? — вскричала Хомили. — Да еще секунда, и он был бы тут, среди нас.

Тиммис заплакал, и Арриэтта подбежала к нему.

— Все в порядке, Тиммис, он ушел. Это был всего лишь хореk. Старый ручной хореk. Пошли, я расскажу тебе сказку.

Она отвела его под грубо сколоченный деревянный стол, под которым еще раньше заметила большую книгу. Арриэтта раскрыла книгу, поставила ее на стол, превратила в шалаш, и они забрались вдвоем под его уютные кровы.

Что это было? — спросила ничего не заметившая

Люпи.

— То самое, что сказала Арриэтта, — хорек, — ответил Под, — хорек Тома скорее всего. Если это так, он будет теперь день и ночь бродить вокруг дома, искать, как бы ему попасть внутрь... — Он обернулся к Хомилю. — О том, чтобы уйти сегодня, нечего и думать.

Люпи, стоявшая в очаге, где зола все еще не потеряла тепла, опустила на пустой спичечный коробок, тот грожающе закрипел.

— Был бы тут, среди нас, — чуть слышно повторила она, закрывая глаза, точно боясь увидеть это страшное жилище. И махнула несколько раз рукой, чтобы рассеять надвигавшееся облачко золы.

— Ну что ж, Под, — проговорил, помолчав, Хендрикс, — ничего не поделаешь.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Под.

— Этим путем вам не выйти. Хорек будет кружить возле дома неделю за неделей.

— Да... — согласился Под и замолчал. — Нам надо снова все обдумать.

Он тревожно посмотрел на закрытое ставнями окно; в маленьком окошечке стекло было вмуровано в стену, свет не давало, но не открывалось. Нет, здесь не пройдешь.

— Давайте взглянем на прачечную, — сказал Под.

Дверь туда, к счастью, была закрыта неплотно, и Под протиснулся в щель. Хендрикс и Хомили проскользнули следом, немного погодя за ними вошла туда Арриэтта. Она не терпелась увидеть прачечную, как и все прочие голки этого огромного человеческого жилья, которое находилось теперь в их владении. В неровном свете свечи она заметила, что очаг здесь находится там же, где висит за стеной очаг в комнате, а в очаге стоит закопченная кухонная плита; пол, как и там, выложен деревянными плитами. В одном углу виднелся старый стальной котел, в другом — медный котел для кипячения.

У стены под окном была каменная раковина. Окно плотно закрывали ставни. Дверь наружу была заперта на два засова и для крепости обита внизу листом оцинкованного железа.

— Нет, здесь ничего не выйдет, — сказал Хендрири.

— Да, — согласился Под.

Они вернулись в комнату. Люпи немного оправилась и слезла с короба, чуть не расплющив его. Она уже привела свою одежду в порядок и сейчас собирала добычу, готовясь подняться наверх.

— Пошли, детки, — звала она, — скоро полночь, завтра у нас будет целый день... — Увидев Хендрири, она сказала: — Пожалуй, пора пойти перекусить. — Она хихикнула. — Я немного устала... Этот хорек и все такое прочее.

Хендрири взглянул на Под.

— А вы как же? — И так как Под молчал, он обернулся к Люпи: — У них тоже был трудный день... этот хорек и все такое прочее... и сегодня им не выйти...

— Да? — сказала Люпи и уставилась на Под. Казалось, она захвачена врасплох.

— Что у нас на ужин? — спросил ее Хендрири.

— Шесть вареных каштанов... — Она приостановилась. — ...И по копченой рыбке тебе и старшим мальчикам.

— Может быть, откроем какую-нибудь банку? — предложил Хендрири после неловкой паузы.

Люпи не ответила, пауза затянулась.

— Да, конечно... — начала она в смятении, но тут ее прервала Хомили:

— Большое спасибо, это очень любезно с вашей стороны, но у нас самих есть три печеных каштана и яйцо.

— Яйцо? — удивленно повторила Люпи. — Какое яйцо?

— Куриное.

— Куриное яйцо? — снова повторила за ней Люпи так,

«Словно курица — это птеродактиль или какая-нибудь легендарная птица вроде феникса. — Где вы его взяли?»

— О, — сказала Хомили, — оно у нас давно.

— И мы хотели бы побыть немного здесь, внизу, — сказал Под, — если вы не возражаете.

— Нисколько, нисколько, — натянуто сказала Люпи. Она все еще ломала себе голову, откуда у них взялось это. — Пошли, Тиммис.

Прошло немало времени, пока все сошлись вместе. То дело мальчики возвращались за забытыми вещами, нашли друг друга, смеялись, ссорились, болтали.

— По одному, — не переставала повторять Люпи, когда все сгрудились под лестницей. — По одному, мои приятки.

Но вот они поднялись вверх и с площадки, откуда только доносился каждый звук, вошли во внутренние комнаты. Теперь до Арриэтты долетало лишь тихое шуршание голосов, приглушенные раскаты смеха и еле слышное попискивание.

«Для человека, верно, что мыши, что мы», — подумала Арриэтта, прислушиваясь. Но постепенно все замолкло, наступила тишина. Арриэтта обернулась и посмотрела на родителей, наконец они были одни.

Глава 9

— Между молотом и наковальней — вот мы где, — сказал Под с вымученной улыбкой, он цитировал изречение из календаря с пословицами и поговорками, где Арриэтта вела дневник.

Они сгрудились вместе на неостывших камнях очага, рядом валялся в золе железный совок, все еще слишком горячий, чтобы на него сесть. Хомили затащила сюда мятый спичечный коробок — при ее весе он вполне ей годился. Под и Арриэтта пристроились на обугленной

головешке; три зажженные свечи стояли между ними в золе. Огромная комната была погружена во мрак, и когда замерли все звуки (семейство Хендрири, наверно, село за ужин), Арриэтта почувствовала, что они все глубже погружаются в тишину.

Ее нарушило слабое звяканье колокольчика — казалось, он звучит совсем рядом, — затем раздалось царапанье и почти беззвучное сопенье. Широко раскрыв глаза, они дружно взглянули на входную дверь, но оттуда, где они сидели, ничего не было видно — она тонула в темноте.

— Он не может забраться сюда, да? — шепнула Хомили.

— Исключено, — сказал Под, — пусть себе царапается, сколько влезет... нам ничто не грозит.

Но Арриэтта все же окинула изучающим взглядом стенки дымохода: камни были неровные, если не останется другого выхода, по ним будет нетрудно вскарабкаться наверх. И вдруг высоко-высоко над собой она увидела квадрат темно-синего неба, а на нем яркую звездочку и, сама не зная почему, успокоилась.

— Насколько я понимаю, — начал Под, — мы не можем отсюда выйти и не можем оставаться здесь.

— Так именно понимаю это и я, — сказала Хомили.

— А что, — сказала Арриэтта, — если нам забраться по трубе — здесь, внутри, — на крышу?

— А дальше что? — спросил Под.

— Не знаю, — сказала Арриэтта.

— Там мы и останемся, — сказал Под.

— Да, там мы и останемся, — подтвердила Хомили жалобно, — даже если сможем туда забраться, в чем я сомневаюсь.

Несколько минут все молчали, затем Под хмуро сказал:

— Что ж, Хомили, нам не остается ничего другого...

— Кроме чего? — спросила Хомили, встревоженно

поднимая лицо, освещенное снизу, оно выглядело особенно худым, там и сям темнели пятна от золы.

Арриэтта, догадываясь, что он скажет, крепче обхватила колени руками и уставилась на совок, лежавший наискосок от нее.

— Кроме того, чтоб смирить свою гордость, — сказал Под.

— Что ты имеешь в виду? — еле слышно спросила Хомили, хотя она прекрасно это знала.

— Нам придется пойти к Люпи и Хендрири и прямо, без обиняков попросить у них разрешения остаться.

Хомили сжала худое лицо ладонями и молча посмотрела на Под.

— Ради девочки... — мягко проговорил Под.

Печальные глаза повернулись, как на шарнирах, к Арриэтте и снова уставились на Под.

— Несколько сухих горошин — вот все, что мы их попросим, — еще мягче продолжал Под, — только несколько глотков воды и несколько сухих горошин...

Хомили продолжала молчать.

— И мы скажем, чтобы они оставили себе нашу мебель, — предложил Под.

Только тут Хомили вышла из оцепенения.

— Она так и так достанется им, — хрипло сказала она.

— Ну, так как? — спросил, помолчав, Под, вглядываясь ей в лицо.

Хомили с загнанным видом оглянулась вокруг, посмотрела наверх, в дымоход, взглянула на золу у себя под ногами. Наконец она кивнула головой.

— Пойдем тогда сразу, — уныло предложила она, — пока они не кончили ужинать, и покончим с этим.

— Не возражаю, — сказал Под.

Он поднялся на ноги и протянул руку Хомили.

— Двинулись, старушка, — ласково сказал он.

Хомили медленно поднялась, и Под, подхватив ее под

локоть, обернулся к Арриэтте. Стоя рядом с женой, он вытянулся во весь свой рост.

— Есть два вида мужества, которые я знаю, — сказал он, — а возможно, их и больше, но сколько бы их ни было, твоя мать обладает всеми. Запиши это в своем дневнике, дочка...

Но Арриэтта не смотрела на него; побелев как мел, она устояла в темный угол между дровяным ларем и дверью в прачечную в глубине комнаты.

— Там что-то двигается, — шепнула она.

Под обернулся и взглянул туда, куда были устремлены ее глаза.

— Какое оно? — резко спросил он.

— Мохнатое...

Все замерли на месте. Затем Хомили с криком ринулась вперед. С удивлением и страхом они смотрели, как она неуклюже слезает с очага и бежит, раскинув руки, к дровяному ларю. Казалось, она смеется... или плачет... дыхание с трудом вырывалось у нее из груди.

— Милый мальчик, — всхлипывая, приговаривала она, — славный мальчик... благослови тебя Господь!

— Спиллер! — радостно завопила Арриэтта.

Она тоже прыгнула на пол вместе с Хомили вытащила его из темноты и потянула за собой на очаг; яркое пламя свечей осветило его кротовый костюм, сильно поношенный, слегка порванный, с коротковатыми штанинами. Босые ноги мальчика лоснились от грязи. Казалось, он подросток и раздался в плечах. Но волосы его были так же взлохмачены и торчали во все

стороны, а заостренное лицо было таким же загорелым, как раньше. Они и не подумали спрашивать его, откуда он явился, им было достаточно того, что он здесь. Арриэтте казалось, что Спиллер всегда возникает из воздуха и так же быстро растворяется в нем.

— Ой, Спиллер! — всхлипнула Хомили (а ведь Арриэтта считала, что мать не очень жалуется его). — В самый последний момент, самый последний-препоследний момент!

И она села на конец головешки — отчего другой конец подпрыгнул, подняв тучу золы, — и разразилась счастливыми слезами.

— Приятно видеть тебя, Спиллер, — сказал Под, улыбаясь и осматривая его с головы до ног. — Пришел ли летним платьем?

Спиллер кивнул; его блестящие глаза обшаривали комнату. Ничто не ускользнуло от его внимания: ни узлы, притороченные к шляпной булавке, ни отодвинутый от стены дровяной ларь, ни отсутствие привычных вещей и перестановка мебели, говорящие об отъезде Позяев. Но он ничего не сказал: сельские жители вроде Спиллера и Пода не торопятся с расспросами, даже если их что-нибудь удивляет, они помнят о хороших манерах и ожидают подходящего момента для объяснений.

— Я случайно знаю, что оно не готово, — продолжал Под. — Куртку-то она сделала, но вот штанины еще не сшиты вместе.

Спиллер снова кивнул и поискал глазами Арриэтту, которая, устыдившись своей радостной вспышки, сконфуженно спряталась за совок.

— Да, — наконец сказал Под, озираясь вокруг, словно только сейчас осознал, насколько странно выглядит все вокруг, — как видишь, мы попали в беду...

— Переезжаете? — небрежно спросил Спиллер.

— В некотором роде, — сказал Под. И в то время как

Хомили вытирала передником глаза и подкалывала волосы, он в нескольких неуклюжих словах обрисовал Спиллеру их положение. Спиллер слушал, подняв одну бровь, и рот его насмешливо кривился. Любимое выражение Спиллера, вспомнила Арриэтта, — о чем бы ей ни рассказывали. — Теперь тебе ясно, — сказал Под, пожимая плечами, — какие у нас тут дела?

Спиллер задумчиво кивнул.

— А хорек этот, — продолжал Под, — верно, сильно сейчас голодный, бедняга. Охотиться-то с колокольчиком он не может, кролики услышат его за версту. Бросьте врассыпную, только пятки засверкают. Но нас-то нашими короткими ножками он сразу поймает — неважно, есть на нем колокольчик или нет... А ты как сумел сюда попасть? — вдруг спросил Под.

— Как всегда, — ответил Спиллер.

— Как всегда?

Спиллер кивнул в сторону прачечной.

— Через водосток, как же еще, — сказал он.

Глава 10

— Какой водосток? — спросила Хомили, уставясь на него во все глаза.

— Тот, что идет от пола, — сказал Спиллер таким тоном, словно ей следовало бы это знать. — Который от раковины — не годится, у него двойной поворот. А на котле крышка.

— Я не видел на полу никакого отверстия... — начал Под.

— Оно под катком для белья, — объяснил Спиллер.

— Но... — продолжала Хомили, — я хочу сказать — ты всегда приходишь сюда по водостоку?

— И ухажу, — сказал Спиллер.

— И весь путь под — как бы это выразиться? — по-

крышей, — добавил Под, — где тебе ничто не грозит. Ни плохая погода...

— Ни лесные твари, — сказала Хомили.

— Верно, — согласился Спиллер, — через лес лучше не ходить. Только не через лес, — задумчиво повторил он.

— А где он кончается, этот водосток? — спросил Под

— Там, у чайника, — сказал Спиллер.

— Какого чайника?

— Его собственного чайника, — вставила Арриэтта нетерпеливо. — Того, что лежит на берегу реки...

— Верно, — сказал Спиллер.

Под задумался.

— А Хендрири и все остальные знают об этой трубе? Спиллер покачал головой.

— На ум не приходило сказать им, — ответил он.

Под помолчал немного, затем спросил:

— А кто-нибудь другой может воспользоваться этим ходом?

— Почему бы и нет, — сказал Спиллер. — Куда вы направляетесь?

— Мы и сами еще не знаем.

Спиллер нахмурился и почесал колено в том месте, где черная нашлапка грязи высохла от тепла.

— Думали когда-нибудь о городке? — спросил он.

— Лейтон-Баззарде?

— Нет! — презрительно воскликнул Спиллер. — О Литл-Фордэме.

Если бы Спиллер предложил им переселиться на Луну, они бы не так поразились. По лицу Хомили было ясно, что она не верит своим ушам и считает слова Спиллера бредом. Арриэтта застыла на месте — казалось, она даже дышать перестала. Под был само удивление.

— Так, значит, он существует на самом деле? — медленно сказал Под.

— Конечно, существует, — оборвала его Хомили, —

это всем известно, что никому не известно, так это где. И я сомневаюсь, что даже Спиллер это знает.

— Где? В двух днях пути вниз по реке, — сказал Спиллер, — при попутном ветре.

— О-о... — протянул Под.

— Ты хочешь сказать — туда надо плыть? — спросила Хомили.

— У меня есть барка, — сказал Спиллер.

— О господи... — пробормотала Хомили и опустилась на пол, словно из нее выпустили воздух.

— Большая? — спросил Под.

— Порядочная, — сказал Спиллер.

— Там будет место для пассажиров? — спросил Под.

— Будет, — ответил Спиллер.

— О боже... — снова пробормотала Хомили.

— В чем дело, Хомили? — спросил Под.

— Даже представить не могу себя в барке, — простонала Хомили. — Я хочу сказать — на воде, никак не могу.

— Ну, на суше от барки мало проку, — сказал Под. — Не рискнешь — не выиграешь, так уж оно ведется на этом свете. Нам надо найти какое-нибудь пристанище.

— Неужели нет такого места, куда можно пойти пешком? — произнесла с запинкой Хомили.

— Например?

— Ну, — удрученно проговорила Хомили, кидая быстрый взгляд на Спиллера, — ну, скажем... чайник на берегу реки.

— Вряд ли это очень удобное жилье, — сказал Под.

— Более удобное, чем ботинок, — возразила Хомили.

— Послушай, Хомили, — сказал Под с неожиданной твердостью, — да ты в чайнике и дня не проживешь. Не пройдет и недели, как ты примешься меня пилить, чтобы я переправил тебя в Литл-Фордэм. Тебе предоставляют

возможность иметь хороший дом и начать новую жизнь. И везут тебя туда без билета, а ты сходишь с ума из-за капли чистой проточной воды. Вот если бы ты возражала против водостока...

Хомили обернулась к Спиллеру.

— Какая она на вид, эта барка? — боязливо спросила она. — Понимаешь, если бы я могла ее представить...

Спиллер задумался.

— Она деревянная, — сказал он.

— Да?

Спиллер сделал еще одну попытку:

— Она похожа... да, можно сказать, что похожа на ящик для ножей и всякого такого.

— Сильно похожа? — спросил Под.

— Сильно, — сказал Спиллер.

— Говоря точнее, — торжествуя произнесла Хомили, — эта барка и есть деревянный ящик.

Спиллер кивнул.

— Верно, — признал он.

— С плоским дном? — спросил Под.

— С отделениями для ложек, вилок и ножей, да? — поставила Хомили.

— Верно, — кивнул Спиллер, отвечая им обоим.

— Просмоленная и провощенная на швах?

— Провощенная, — сказал Спиллер.

— Звучит неплохо, — сказал Под. — Ты как думаешь, Хомили? — Он видел, что она с ним согласна, но еще не готова признаться в этом. И он снова обратился к Спиллеру: — А что приводит ее в движение?

— Что?

— Как она движется — под парусом?

Спиллер покачал головой.

— Когда я спускаюсь с грузом вниз по течению — гребу, а когда иду вверх с балластом — отталкиваюсь шестом.

— Понятно, — сказал Под. Видно было, что слова Спиллера произвели на него впечатление. — Ты часто едешь в Литл-Фордэм?

— Частенько, — сказал Спиллер.

— Понятно, — снова сказал Под. — Ты правда можешь нас подвезти?

— Захвачу вас на обратном пути, — сказал Спиллер. — От чайника. Сойдет? Мне надо подняться по реке за грузом.

— Каким грузом? — спросила его в упор Хомили.

— Грузить барку, — сказал Спиллер.

— Это я понимаю, — сказала Хомили, — но что это за груз?

— Послушай, Хомили, — прервал ее Под, — это не наше дело. Касается одного Спиллера. Плавает вверх-вниз по реке, торгует. Всем понемножку. Да, Спиллер? Орехи, птичьи яйца, мясо, рыба... еда в основном — примерно то же, что он приносит Люпи.

— Зависит от того, в чем у них нехватка, — сказал Спиллер.

— У них? — воскликнула Хомили.

— Полно, Хомили, — принялся увещевать ее Под, у Спиллера есть свои покупатели. Это вполне понятно. Мы же не единственные добывайки на свете, вовсе нет...

— Но ведь про этих, что в Литл-Фордэме, говорят, будто они из гипса, — прервала его Хомили.

— Так оно и есть, — сказал Спиллер. — А сверху раскрашены. Все на одну колодку... Кроме одного.

— Один живой? — спросил Под.

— Ага, — сказал Спиллер.

— Вот уж это не по мне! — воскликнула Хомили. — Совсем не по мне: быть одним-единственным живым добывайкой среди кучи гипсовых кукол или как там их зовут. Это действовало бы мне на нервы.

— Они ему не мешают, — возразил ей Спиллер, — во

всяком случае не так, говорит он, как мешали бы настоящие добывайки, будь их много.

— Очень мило с его стороны, — возмутилась Хомили, — радушный же нас ждет прием, когда мы явимся туда без приглашения.

— Там полно домов, — сказал Спиллер, — никто вас не заставляет жить рядом с ним...

— И он там не хозяин, — напомнил ей Под.

— Это верно, — кивнула Хомили.

— Ну, так как, Хомили? — спросил Под.

— Я согласна, — сказала Хомили, — если мы будем жить недалеко от магазинов.

— В этих магазинах ничего нет, — нетерпеливо объяснил ей Под, — по крайней мере я так слышал, кроме бананов и других фруктов из гипса, слепленных вместе.

— Пусть нет, — сказала Хомили, — но уж очень приятно упомянуть об этом в разговоре с Люпи...

— Вряд ли ты будешь разговаривать с Люпи, — сказал Под. — Люпи даже не узнает, что мы ушли, пока не истанет завтра утром и не подумает, что придется предложить нам завтрак. Нет, Хомили, — серьезно продолжал Под, — нам надо забыть о торговых центрах и прочих глупостях; куда лучше спокойное местечко на берегу — ты же не хочешь с утра до ночи таскать в дом воду? А Спиллеру где ставить барку и разгружаться? Он же, наверно, станет регулярно приплывать к нам со всяким добром. Когда мы попадем туда, у нас будет достаточно времени, чтобы осмотреться и выбрать то, что нам по вкусу.

«Выбрать то, что нам по вкусу...» Внезапно Хомили ощутила магию этих слов — волнение, словно пузырьки от шампанского, вздымалось в ней все выше и выше, и наконец она радостно всплеснула руками. Вздвогнув от неожиданности, Под резко обернулся к ней.

— О, Под, — шепнула она, и глаза ее наполнились

слезами. — Ты только подумай... столько домов... мы можем пожить в каждом из них, если захотим. В каждом по очереди. Что нам помешает?

— Здравый смысл, — ответил Под и улыбнулся Арриэтте. — А ты что скажешь, девчушка? Магазины или река?

Арриэтта откашлялась.

— Река, — хрипло проговорила она; глаза ее сияли, по лицу бегали тени в трепетном свете свечи. — Хотя бы для начала...

Наступило молчание. Под взглянул на тюки, привязанные к шляпной булавке, затем наверх, на часы.

— Скоро половина второго, — сказал он. — Пора нам посмотреть на этот водосток. Ты как полагаешь, Спиллер, сможешь ты уделить нам минутку? Ввести нас, так сказать, в курс дела?

— О! — горестно воскликнула Хомили. — Я думала, Спиллер пойдет вместе с нами.

— Но, Хомили, — сказал Под, — это немалый путь, а Спиллер только что проделал его... Зачем ему сразу возвращаться?

— А что ему тут делать? Его летняя одежда еще не готова. Ведь ты за ней пришел, да, Спиллер?

— Не только, — сказал Под, — думаю, что он принес разные вещи для Люпи.

— Не важно, — сказал Спиллер, — я могу свалить их здесь, на полу.

— И пойдешь с нами? — вскричала Хомили.

Спиллер кивнул:

— Почему бы и нет?

Судя по его лицу, даже Под почувствовал облегчение.

— Это очень любезно с

твоей стороны, Спиллер, — сказал он, — право, очень любезно. — Он обернулся к Арриэтте. — Ну-ка, девочка, возьми свечку и сходи за яйцом.

— О, не стоит с ним возиться, — сказала Хомили.

Под укоризненно взглянул на нее.

— Сходи за яйцом, Арриэтта. Закати его в прачечную, будь поосторожней со свечой возле стружек. Хомили, возьми мою свечу, а я занесу багаж.

Глава 11

Пройдя в прачечную через неплотно закрытую дверь и очутившись на каменных плитах пола, они снова слышали хорька. Но теперь Хомили не боялась.

— Царапайся, царапайся, — с вызовом сказала она; но ей хорек, когда у них есть возможность уйти отсюда. Но когда они наконец собрались все вместе под бельевым катком и заглянули в водосточную трубу, вновь обретенное мужество ей изменило. — О боже, — вздохнула она.

Водосток казался глубоким и темным, труба, как колодец, уходила под пол. Квадратная решетка, обычно закрывавшая ее, лежала наискосок рядом, и в зияющей глубине отражалось пламя их свеч; оттуда тянуло промозглым воздухом, доносился кислый запах хозяйственного мыла, несвежих дезинфицирующих средств и спитого чая.

— Что там, на дне? — спросила Хомили, вглядываясь в глубину. — Вода?

— Слизь, — сказал Спиллер.

— Мыльный кисель, — быстро проговорил Под.

— И нам придется по нему идти?

— Там неглубоко, — сказал Спиллер.

— Это ведь не канализационная труба, — успокаивающе сказал Под, стараясь, чтобы его слова звучали убедительно. — Но убей меня, не могу понять, —

продолжал он, обращаясь к Спиллеру, — как тебе удастся сдвигать с места эту решетку.

И Спиллер ему показал. Опустив в трубу свечу, он ткнул пальцем вниз, оттуда поднимался прислоненный к стенке и упертый на дне колодца в камень небольшой медный прут вроде тех, на которые вешают шторы. Верхушка прута чуть-чуть выступала наружу. Когда решетка лежит на месте, объяснил Спиллер, она ничем не прикреплена. Навалившись снизу на прут всем телом, он может приподнять один угол — так прачка поднимает подпоркой веревку с бельем. Затем он ставит нижний конец прута на камень, и все сооружение держится на месте само собой. А он вылезает из трубы на куске веревки, пропущенной через дырочки решетки, «всего в два раза длиннее меня». Веревка, как понял Под, была закреплена намертво. Двойную петлю между двумя отверстиями в тонкой железной решетке было невозможно заметить сверху, а сама веревка, когда ею не пользовались, уходила вниз, в водосток. Если Спиллеру надо было полностью отодвинуть решетку, как, например, сейчас, он, выбравшись в щель, сделанную при помощи медного прута, вытаскивал следом за собой веревку, перекидывал ее через перекладину между ножками бельевого катка у себя над головой и принимался ее тянуть и дергать. Иногда, объяснил Спиллер, решетка легко соскальзывала с места, иногда опускалась одной стороной вниз и застревала под углом. В таком случае он доставал небольшой, но тяжелый болт, который хранился специально для этой цели, привязывал его к свободному концу веревки и садился на него верхом, болт опускался под его тяжестью и приподнимал решетку.

— Прекрасно придумано, — не устал повторять Под.

Со свечой в руке он зашел под каток, потрогал мокрую веревку, подергал узлы и наконец, словно желая проверить, тяжелая ли она, толкнул решетку — она легко скользнула вперед по стертым каменным плитам.

Толкать-то легче, чем поднимать, — заметил он.

Посмотрев вверх, Арриэтта увидела огромные тени на потолке прачечной — они возникали, приближаясь и удаляясь, и вновь исчезали в мерцающем свете свечей: теса, ручки, валки, кружащиеся спицы... как будто огромный каток, под которым они стояли, вдруг каким-то образом бесшумно заработал.

На полу возле водостока она увидела знакомый предмет — крышку алюминиевой мыльницы, той самой, которой Спиллер пустил ее волчком вниз по реке, той, которой он обычно удил. Сейчас она была чем-то нагружена и покрыта куском старой шкуры — возможно, лисицей, — обвязанной вместе с грузом веревкой. Из щели, просверленной в борту с одного конца, свисал такой кусок веревки.

— Я тащу ее сюда волоком, — объяснил Спиллер, заметив, куда глядит Арриэтта.

— Я понимаю теперь, как ты попадаешь сюда, наверх, — сказала Хомили, уныло глядя на дно колодца, — меня волнует другое — как попасть вниз.

— О, просто прыгнуть, — сказал Спиллер и, взяв конец веревки, потащил мыльницу к двери.

— Все будет хорошо, Хомили, — поспешно сказал Под, — мы спустим тебя на болте.

Он обернулся к Спиллеру.

— Куда ты? — спросил он.

Не желая привлекать внимания к водостоку, Спиллер, по-видимому, решил разгрузиться в комнате. Теперь, когда все люди уехали, а дровяной ларь был отодвинут от стены, не было нужды подниматься к Люпи: он мог оставить все, что он принес, у дыры в плинтусе.

Пока Спиллер распаковывал свой груз, Под коротко наметил план действий.

— Если Спиллер будет согласен, — вежливо повторял он каждый раз, уступая ему первое место.

Спиллер был со всем согласен, вернее, не имел

никаких возражений. Сперва они опустили на дно колодца пустую крышку от мыльницы, затем кинули в нее яйцо, подкатив его к краю водостока; словно огромный футбольный мяч, Под изо всех сил пнул его ногой, оно полетело, вертясь волчком, и с треском грохнулось в крышку. Однако это их не испугало, ведь оно было сварено вкрутую.

Вслед за яйцом спустили вниз Хомили. Сидя верхом на болте и не переставая ахать и охать, она одной рукой цеплялась за веревку, в другой держала зажженную свечу. Когда она перелезла с болта в мыльницу, та быстро заскользила вперед, и на один тревожный миг Хомили скрылась из глаз. Однако, перебирая руками веревку, Спиллер подтащил мыльницу обратно, и все увидели, что Хомили благополучно сидит позади яйца, хотя и ворчит потихоньку, держа в руке все еще горящую свечу.

— В крышке хватит места для двоих, — заявил Спиллер, и Арриэтту осторожно, чтобы не погасла свеча, спустили на дно колодца таким же торжественным манером (а ей так хотелось самой прыгнуть вниз!). Она села напротив матери по другую сторону качающегося яйца.

— Вы обе — хранительницы огня, — сказал Под. — Ваше дело сидеть спокойно и — держите яйцо! — светить туда, куда мы скажем...

В мыльнице послышалось шарканье ног, и она угрожающе закачалась; это Хомили, которая никогда не любила ездить, как сказали бы люди, спиной к движению, встала, чтобы поменяться местами с Арриэттой.

— Крепче держи веревку, — умоляла она Спиллера, пока они проделывали этот маневр.

Но вот уже они с Арриэттой снова сидят лицом к лицу, зажав яйцо коленями, и у каждой в руке свеча. Все это время Арриэтта не переставала смеяться.

— Я вас сейчас немного сдвину с места, — предупредил

Спиллер и отпустил потихоньку несколько дюймов верев-

Мыльница заскользила под сводами туннеля, блестя от сырости в свете их свеч, и тут же остановилась. Арриэтта протянула руку и коснулась пальцем блестящей поверхности: ей показалось, что это — обожженная стена.

— Ничего здесь не трогай, ничего, — прошипела Хомили, и ее передернуло от отвращения. — И не дыши... Не то что не сможешь удержаться.

Опустив пониже свечу, Арриэтта стала внимательно смотреть на дно трубы.

— Рыбья кость, — заметила она, — и жестяная пышечка от пузырька. И шпилька... — добавила она спокойным тоном.

— Даже не смотри, — снова судорожно дернулась Хомили.

— Шпилька могла бы нам пригодиться, — сказала Арриэтта.

Хомили закрыла глаза.

— Хорошо, — согласилась она; она так старалась себя перебороть, что у нее перекосило лицо. — Подними ее быстренько и сразу брось на дно лодки. И вытри руки о мой фартук.

— Мы можем вымыть ее в реке, — напомнила Арриэтта.

Хомили кивнула, она старалась не дышать.

Поверх плеча матери Арриэтте был виден колодец подстока; сверху что-то спускалось. Это был их багаж, обернутый в брезент и надежно привязанный к шляпной булавке. С легким плеском он упал на дно и закачался на жиже. Чуть погодя следом за узлами плюхнулся вниз сам Под. За ним Спиллер. Несколько секунд, и они погрузились по колено в мыльную слизь.

Спиллер снял медный прут с камня и поставил его в незаметное местечко в шахте колодца. Прежде чем

спуститься, они с Подом, должно быть, передвинули поудобней решетку, когда Спиллер ловко дернул веревку, решетка тут же стала на место — они слышали глухой металлический звук, гулко разнесшийся по всему туннелю. Хомили уставилась во тьму, словно хотела проследить его полет.

— О боже, — вздохнула она, когда звук замер вдалеке, она внезапно почувствовала себя в заточении.

— Ну, — бодро проговорил Под, подходя к ним сзади и положил руку на край мыльницы, — в путь!

Глава 12

Чтобы удобнее было вести мыльницу на буксире, Спиллер смотал почти всю веревку, оставив лишь короткий кусок. Хотя выражение «вести на буксире» не совсем точно передает то, что он делал. Водосток шел под уклон, и Спиллер скорее служил якорем и использовал веревку, чтобы тормозить движение.

— Двинулись, — сказал Под и слегка подтолкнул мыльницу.

Придерживаемые Спиллером, они заскользили вперед по студенистой массе. Дрожащий свет свечей танцевал на сводчатом потолке и сочащихся влагой стенах. Студень, по которому они двигались, был такой густой и мыльный, что казалось — Под не тащит за собой тюки, а лишь управляет их движением. Порой даже казалось, что они тащат его вперед.

— Эй, вы там! — кричал он тогда. — Тпру!

Он был в прекрасном настроении... с того самого момента, заметила Арриэтта, как спустился в водосток. У нее тоже было легко на душе: она двигалась навстречу рассвету с двумя самыми дорогими для нее существами и Спиллером в придачу. Водосток не пугал Арриэтту, он вел на свободу, прочь от пыли и тусклого света свечей,

ждала впереди жизнь, где ночью с неба будет светить луна, а днем — солнце.

Только она обернулась, чтобы посмотреть вперед, как слева от нее показалось большое круглое отверстие, струя промозглого воздуха чуть не загасила пламя свечи. Арриэтта быстро заслонила ее ладошкой, Хомили

Здесь подходит труба от раковины, — сказал Спиллер, — и от котла из прачечной.

Ему попалось по пути еще не одно отверстие — другие трубы, которые уходили в темноту и поднимались наверх. Там, где они присоединялись к главному водостоку, лежали груды самых разнообразных предметов, через которые им приходилось перетаскивать мыльницу. В таких случаях Хомили и Арриэтта выходили из лодки, чтобы легче было тянуть. Спиллер знал все эти трубы по названиям домов, от которых они шли, знал, где именно находится каждый дом. Только теперь Арриэтта поняла, насколько широко было поле его деятельности.

— Правда, не во все дома можно попасть, — объяснил ей Спиллер. — Я не против, когда у трубы двойной поворот, но при такой трубе в дырке для стока обычно бывает медная решетка или что-нибудь в этом роде. — Один раз он сказал, кивнув на вход в круглую пещеру: — Холмкрофт, там, наверну... ничего кроме воды от ванны последнее время.

И действительно, эта труба из блестящего фаянса кремового цвета — Арриэтта заглянула в нее, проплывая мимо, — была гораздо чище всех прочих; после того как они ее миновали, запах спитого чая в воздухе стал куда слабее.

Время от времени они натыкались на торчащие веточки ясеня или остролиста — лодка с трудом их обходила. Арриэтта заметила, что они находятся почти на равных расстояниях друг от друга.

— Хоть убей, не могу понять, как эти штуки попали

в трубу, — раздраженно проговорила Хомили, когда чуть ли не в пятый раз пришлось, держа в руках свечи, вылезать из мыльницы и стоять по лодыжки в наваленном сюда мусоре, дожидаясь, пока Под со Спиллером повернут ее в сторону, чтобы провести осторожно мимоветки.

— Я сам их сюда заколотил, — сказал Спиллер, держа лодку, чтобы им было удобней в нее залезть.

В этом месте водосток стал круче спускаться вниз. Когда Хомили села напротив Арриэтты, мыльница вдруг рванулась вперед, увлекая за собой Спиллера; но хотя он скользил и чуть не падал, ему каким-то чудом удавалось держаться на ногах. Внезапно они уткнулись в завалы возле одного из «деревьев», поставленных Спиллером на дне трубы, и Арриэтта от неожиданности уронила свечу за борт.

— Так вот они для чего! — воскликнула Хомили, прикрывая чуть не погасшую свечу рукой, чтобы та разгорелась и Арриэтта могла зажечь от нее свою.

Но Спиллер ответил не сразу. Он протолкнул лодку мимо преграды и остановился, чтобы подождать Поду, лишь тогда он сказал:

— Может, и так.

У догнавшего их наконец Поды был усталый вид. Он запыхался и скинул куртку — она болталась у него на плечах.

— Последний кусок пути всегда самый длинный, — сказал он.

— Может, хочешь поехать в мыльнице? — спросил Хомили. — Я выйду, а ты садись.

— Нет, мне лучше идти пешком, — сказал Под.

— Тогда дай мне куртку, — сказала Хомили.

Она сложила ее аккуратно у себя на коленях, легонько погладила, словно куртка (подумала Арриэтта, глядя на мать) устала, как и Под.

И они снова пустились в путь по бесконечному

туннелю между уходящими вдаль круглыми стенами трубы. Вскоре Арриэтта задремала, голова ее упала на колени, и она прижалась к яйцу. В последний миг, перед тем как погрузиться в сон, она почувствовала, что Хомили вынимает свечу из ее разжавшихся пальцев и укрывает ее отцовской курткой.

Когда Арриэтта проснулась, вокруг было все то же: и блики, играющие на мокром потолке, узкое лицо идущего рядом Спиллера, неуклюжая, еле видная фигура позади — отца.

Заметив недоумение в ее глазах, Хомили улыбнулась.

— Забыла, где ты? — спросила она.

Арриэтта кивнула. Мать держала по свече в каждой руке, они почти догорели.

— Верно, скоро утро? — спросила Арриэтта. Она еще совсем проснулась.

— Вполне возможно... — сказала Хомили.

Стены скользили мимо, ничто не нарушало их однообразия, кроме возникающих через равные промежутки утолщений там, где одно колено трубы соединялось с другим. Когда они разговаривали, их голоса гулко разносились по туннелю.

— Я не вижу больше боковых труб, — сказала Арриэтта немного погодя.

Спиллер покачал головой.

— Их больше нет, Холмкрофт — последний дом...

— Но это было сто лет назад... Мы, наверно, скоро будем на месте?

— Уже подходим, — сказал Спиллер.

Арриэтта задрожала и плотнее натянула на плечи отцовскую куртку, ей показалось, что воздух стал более свежим и, как ни странно, потерял всякий запах. «Но возможно, — подумала она, — мы просто привыкли». Было совершенно тихо, слышалось лишь слабое шуршание дна мыльницы по жиже да хлюпанье под ногами Спиллера и Пода. Но слой жижи, казалось, стал тоньше; время от

времени под днищем раздавался хруст, словно лодка шла по песку.

Вдруг Спиллер остановился.

— Тихо, — сказал он.

Все застыли, но единственное, что до них доносилось, это дыханье Пода да мелодичный перезвон капель где-то впереди.

— Пошли дальше, — неожиданно сказала Хомили прерывая напряженное молчание. — Свеч надолго не хватит.

— Тише! — снова воскликнул Спиллер.

И тут они услышали слабый монотонный гул, не более чем колебание воздуха.

— Что бы это могло быть? — спросила Хомили.

— Холмкрофт, что ж еще, — сказал Спиллер. Он стоял как вкопанный, подняв одну руку, и внимательно прислушивался. — Но кто станет принимать ванну в такое время? — спросил он, оборачиваясь к Поду.

Под покачал головой.

— Уже утро, — сказал он, — наверно, шестой час.

Гул делался все громче, все менее ровным, больше походил на грохот водопада; он приближался все стремительней.

— Спасайтесь! — крикнул Спиллер.

Не выпуская веревки из рук, он развернул мыльницу и побежал по туннелю. Мыльница с шумом неслась позади. Хомили и Арриэтту кидало из стороны в сторону, от стены к стене. Казалось, они вот-вот разобьются. Но панически боясь остаться в темноте, обе они старались, чтобы свечи не потухли. Свободную руку Хомили протянула Поду, тот успел ухватиться за нее в тот самый миг, когда сзади на него налетели связанные вместе тюки и сбили его с ног. Под упал на тюк, не выпуская руки Хомили, и стремительно заскользил вслед за остальными.

— Лезьте наверх! — крикнул Спиллер из темноты, и

они увидели поблескивающие прутья, крепко вколоченные в свод тоннеля.

— Бросьте пожитки! — крикнул он. — Быстрее наверх!

Каждый из них схватился за прут и, подпрыгнув, плотно прижался к своду. Брошенные свечи, оплавая, лежали в лодке, слышался рев несущейся воды. В неровном свете свечей они увидели первые перламутровые пузыри, а следом — покачущую серебряную стену, надвигающуюся на них.

Вмиг — и их захлестнула, не давая вздохнуть, густая тьма.

Но когда прошли первые секунды, объятая паникой Арриэтта заметила, что она снова может дышать, а прутья держатся крепко. Ее залил поток горячей ароматной воды, смочив насквозь платье; он то поднимался, то спадал, танцевал у самых плеч, забрызгивая лицо и волосы, кружил у талии и щекотал ноги.

— Держись! — заорал Под, перекрывая шум воды.

— Скоро утихнет! — крикнул Спиллер.

— Ты тут, Арриэтта? — задыхаясь, позвала Хоми-ли.

Они все были здесь, никто не захлебнулся, и прямо у них на глазах уровень воды стал падать, скорость ее замедлилась. Когда погасли слабые язычки пламени, темнота уже не была такой густой, казалось, от воды поднимается серебристая дымка; поток бежал теперь далеко от них и, судя по ровному журчанию, был безобиден, как ручей.

Подождав еще немного, они спустились вниз, погру-

жившись по лодыжки в теплую воду. На фоне темных стен туннеля она казалась полупрозрачной.

— Вроде бы стало светлей, — удивленно сказал Под.

Ему почудилось во мгле какое-то движение: 310
Спиллер бродил по воде в поисках вещей.

— Нашел что-нибудь? — спросил Под.

— Ничего, — сказал Спиллер.

Их имущество исчезло — яйцо, крышка мыльницы и все прочее, — унесенное водой.

— Что же нам теперь делать? — уныло спросил Под.

Но Спиллер не волновался.

— Подхватим все позднее, — сказал он. — Ничего страшного. И тащить не надо.

Хомили потянула носом воздух.

— Сандал! — вдруг воскликнула она, обращаясь к Арриэтте. — Любимое мыло твоего отца.

Но Арриэтта, ухватившись рукой за прут, чтобы не сбил с ног теплый поток, покрывавший ей лодыжки, ничего не ответила: она глядела прямо вперед, в уходящую под уклон трубу. Там во мраке висела бусинка света. На секунду Арриэтта подумала, что каким-то таинственным образом уцелела одна свеча, но затем увидела, каким круглым и неподвижным было светлое пятно. А вместе с запахом сандалового дерева до нее донеслись другие запахи — мяты, травы, земли...

— Утро! — объявила она, словно сама себе не веря — Мало того, — продолжала она, глядя как зачарованная на далекую жемчужину света, — вон конец водостока.

Глава 13

Постепенно вода от ванны перестала их согревать, и остаток пути они мерзли. Светлый кружок впереди становился все больше и ярче, он так сверкал, что слепил глаза.

«Взошло солнце», — решила Арриэтта. Приятная мысль, ведь они промокли до нитки; все ускорили шаг. От бурного потока осталась тонкая струйка, труба сверкала чистотой.

Арриэтте казалось, что и она прошла своего рода очищение, словно с нее самой, не говоря уж об одежде, были смыты все следы старой жизни в пыли и мраке. Хомили, видно, подумала о том же.

— Ничего лучше для стирки, чем сильная струя горячей воды... ни тереть, ни выжимать не надо, одно осталось — повесить сушить.

Наконец они вышли наружу. Арриэтта, опередив Хомили, выбежала на полоску песка, которая спускалась вниз к реке. Конец водостока прятался под крутым берегом, поросшим травой и камышами; укромный безветренный уголок под прямыми лучами солнца — здесь все обещало раннее лето.

— Хотя трудно сказать наверняка, — заметила Хомили, рассматривая исторгнутые из трубы остатки различных предметов. — Особенно в марте.

Они нашли свой багаж у самого выхода из водостока, там, где булавка застряла в песке. Крышка от мыльницы валялась боком за торчащий корень, а яйцо, как обнаружила Арриэтта, скатилось в реку; оно лежало на дне, покрытое серебристой рябью, и казалось почему-то расплюснутым. Но когда они со Спиллером вытащили его на песок, они увидели, что причиной тому было преломление света в воде, яйцо сохранило свою обычную форму, пострадала лишь скорлупа — она вся была в трещинах. Арриэтта и Спиллер вкатили яйцо на берег, туда, где Под распаковывал намокшие сверху узлы: ему не терпелось узнать, помогли ли куски брезента, в которые он их завернул. И теперь он с торжеством одну за другой вынимал вещи и клал их на теплый песок. «Сухие, как порошок», — приговаривал он.

Хомили взяла из дому по смене белья для каждого

из них. Теплые фуфайки, хоть и чистые, были сильно поношенны и растянуты; она сама их связала на штопальных иглах, когда они жили под кухней в Фирбэнке — как давно это было! Арриэтта и Хомиль разделись, зайдя в трубу, но Спиллер, хотя ему и предложили взять что-нибудь из вещей Пода, не захотел менять свой наряд и ускользнул за поворот реки посмотреть, в порядке ли чайник.

Когда все переоделись и повесили мокрое платье сушиться, Хомиль сняла скорлупу с верхушки яйца. Под обтер свое драгоценное лезвие бритвы, смазанное маслом, чтобы оно не заржавело, и отрезал каждому по ломтю. Они сидели на солнышке, любуясь рябью, и с аппетитом ели. Вскоре к ним присоединился Спиллер. Усевшись у самой воды, он задумчиво жевал; под горячими солнечными лучами от его мокрой одежды шел пар.

— Где именно он стоит, твой чайник? — спросил Под. Спиллер дернул головой в сторону:

— Там, за поворотом.

Под захватил с собой из дома наперсток, и они напились свежей воды. Затем снова запаковали вещи и, оставив свое платье сушиться, пошли следом за Спиллером за излучину реки.

Перед ними возник еще один песчаный пляж, более открытый, чем первый; чайник стоял у самого берега в дальнем конце. Он немного наклонился в сторону — так Спиллер его и нашел, — застряв среди веток и сучьев, принесенных течением. В этом месте река делала поворот, и все, что по ней плыло, цеплялось за выступавший углом берег. Арриэтта заметила, что течение здесь быстрое, а дно круто уходит вниз.

Над водой свисали ветви куманики, росшей на берегу возле чайника, — среди рыжевато-коричневых мертвых листьев зеленели молоденькие листочки; некоторые из старых побегов опускались прямо в воду, и в туннеле под ними Спиллер держал свою барку.

Арриэтте хотелось первым делом посмотреть на барку, Под стал обследовать со всех сторон чайник; с одного конца у самого дна он увидел довольно большое круглое отверстие, проеденное ржавчиной.

— Вход? — спросил Под.

Спиллер кивнул.

Под посмотрел вверх. Он заметил, что крышка закрыта неплотно, а к шишечке посередине нее привязана веревка, перекинутая через поднятую ручку.

— Пошли внутрь, — сказал Спиллер, — я вам все покажу.

Они вдвоем зашли в чайник, а Арриэтта и Хомили остались греться на солнце. Однако не успели они укрыться, как Спиллер снова появился у входа.

— Убирайся! Чтоб духу твоего здесь не было! — сердито крикнул он и поддал босой ногой пятнистой желтой лягушке.

Один прыжок, и та скатилась в воду. За ней последовали две мокрицы (когда они свернулись шариком, Спиллер поднял их с пола и выбросил наружу).

— Больше ничего нет, — заметил он, с улыбкой глядя на Хомили, и вновь исчез.

Помолчав немного, Хомили шепнула Арриэтте:

— Не очень-то мне хочется спать там этой ночью.

— Мы можем устроить генеральную уборку, — шепнула в ответ Арриэтта. — Вспомни ботинок.

Хомили грустно кивнула.

— Когда, ты думаешь, он отвезет нас в Литл-Фордэм?

— Как только сплавает за грузом. Ему нужна полная луна, — шепнула Арриэтта.

— Почему?

— Он плавает большей частью по ночам.

— А-а... — протянула Хомили; по ее растерянному лицу было видно, что она совсем сбита с толку.

Их внимание привлек металлический звук, доносившийся с верхушки чайника; они увидели, что крышка

поднимается и опускается, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Зависит от того, что вам надо... — услышали они голос Спиллера.

— Ловко придумано, — раздался в ответ второй голос, он звучал как из бочки.

— Совсем не похоже на Пода, — шепнула Хомили испуганно.

— Это потому, что он в чайнике, — объяснил Арриэтта.

— А-а... — снова протянула Хомили. — Лучше бы они вышли.

И не успела она закончить, как Под и Спиллер действительно вышли. Стоя на плоском камне, служившем Спиллеру порогом, Под выглядел на редкость довольным.

— Видела? — спросил он у Хомили.

Хомили кивнула.

— Ловко придумано, да?

Хомили снова кивнула.

— А теперь, — весело продолжал Под, — мы взглянем на барку. Какие у тебя на ногах туфли?

На Хомили были ее старые туфли, сшитые Подом.

— А что, — спросила Хомили, — там очень грязно?

— Понятия не имею. Но когда садишься на корабль, можешь и поскользнуться. Лучше иди босиком, как Арриэтта...

Глава 14

Хотя издали казалось, что барка стоит вплотную к берегу, между нею и песком была полоска холодной как лед воды, которую им пришлось перейти вброд. Забравшись на нос, Спиллер помог им подняться на борт. Неуклюжая (как подумала Арриэтта, залезая внутрь под

навес, сделанный из гетры) барка оказалась просторной, благодаря плоскому дну — и устойчивой. Это был, как и угадала Хомили, ящик для ножей, вилок и ложек: очень длинный и длинный, с отделениями разной величины.

Его скорее можно назвать баржей, — сказал Под, разглядывая все вокруг, он заметил посредине барки длинную ручку, к которой была прибита гетра.

Не дает гетре сползти, — объяснил Спиллер, подвывая навес над головой, — если, скажем, захочешь сдвинуть ее с боков.

Рюмные отсеки (отделения ящика) были пусты, за исключением самого узкого. В нем Под увидел вязальную спицу янтарного цвета длиной во все судно, сложенное вчетверо обтрепанное по краям красное одеяло, тонкий острый нож из черненого серебра и свою собственную рукоятку ножниц — одно лезвие с ручкой.

Значит, они все еще у тебя? — сказал он.

Частенько идут в ход, — сказал Спиллер. — Осторожно, — добавил он, видя, что Под взял ножницы в руки. — Я их немного подточил.

— Не отказался бы получить их обратно, — проговорил Под с завистью, — если, скажем, ты когда-нибудь найдешь другие.

— Не так легко их найти, — сказал Спиллер и, словно желая сменить тему, тронул десертный нож. — Нашел его здесь... застрял в щели сбоку... хорошее вышло весло.

— То, что надо, — сказал Под.

С сожалением кладя ножницы обратно, он заметил, что все щели, стыки и пазы были чем-то зашпаклеваны.

— Где ты наткнулся на этот ящик, вот ты мне что скажи.

— Лежал на дне, там, вверх по течению. Был полон ила, когда я его заметил. Пришлось попотеть, пока я его поднял. Неподалеку от выгона, где останавливаются цыгане, вот где он был. Скорее всего кто-то слямзил серебро, а ящик бросил в воду.

— Скорее всего так, — сказал Под. — Значит, ты его наточил? — продолжал он, глядя на лезвие ножниц.

— Верно, — сказал Спиллер и, наклонившись, поднял с полу красное одеяло. — Возьмите, — сказал он, — но то ночью замерзнете.

— А как же ты? — спросил Под.

— Обо мне не беспокойтесь, берите.

— Ой! — воскликнула Хомили. — То самое одеяло, что было у нас в ботинке... — И тут она вдруг покраснела. — Если я не ошибаюсь.

— То самое, — подтвердил Спиллер. — Лучше возьмите его.

— Что ж, спасибо, — сказал Под и перекинул одеяло через плечо.

Он снова посмотрел кругом, он догадался, что гетра служила и для защиты от дождя и солнца, и для маскировки.

— Ты немало тут потрудился, Спиллер. Я хочу сказать... в такой барке и жить можно... хоть в ветер, хоть в дождь.

— Верно, — согласился Спиллер и принялся вытаскивать из-под гетры вязальную спицу; первой показалась шишечка на тупом конце.

— Не хочу вас торопить, — сказал он, — но...

Хомили обомлела.

— Как, ты отправляешься? — запинаясь, спросил она.

— Чем скорее он уедет, тем скорее вернется, — сказал Под. — Пошли, Хомили. Все на берег!

— Но когда же он вернется?

— Как ты думаешь, Спиллер? Приблизительно **хот** бы, — спросил Под. — Сколько тебе надо? Два дня? Три? Четыре? Неделю?

— Может быть, меньше, может быть, больше, — сказал Спиллер, — зависит от погоды. Ночи четыре, если будет луна.

— А вдруг мы все будем тогда спать? — спросила Хомили.

— Какое это имеет значение, Хомили? Спиллер к нам идет.

Под крепко взял ее под руку.

— А теперь пошли. Все на берег... и ты тоже, Арриэтта.

В то время как Под помогал Хомили спускаться в воду, Арриэтта прыгнула с борта на берег; она заметила, что сырой песок был испещрен чьими-то крошечными лапами.

Взяв друг друга под руки, они отступили на несколько шагов, чтобы посмотреть, как будет отчаливать Спиллер. Он поднял якорь и, держа в руке весло, вывел барку кромой вперед из-под ветвей куманики. Выскользнув на открытое место, она вдруг стала невидимой, слилась с ландшафтом: ее можно было принять за колечко коры или кусок дерева.

Лишь тогда, когда Спиллер отложил весло и начал отталкиваться от дна спицей, они смогли его разглядеть. Добываяки следили из-за ветвей куманики, как медленно, старательно налегая всем телом на шест, он ведет свой корабль вверх по течению. Когда Спиллер поравнялся с ними, они выбежали из-под кустов, чтобы им было лучше видно. Держа туфли в руках, они пересекли полосу скала, где стоял чайник, и, чтобы не отставать от Спиллера, зашли за поворот и вышли на отмель у родостока. Здесь, в самом ее конце, у древесного корня, входящего глубоко в воду, они помахали ему на прощанье.

— Ах, лучше бы он не уплывал, — сказала Хомили, и то время как они брели по песку обратно ко входу в трубу, где сушилась на солнце их одежда.

Когда они подошли поближе, с верхушки яйца поднялось переливчатое облако, похожее на стаю птиц.

— Навозные мухи! — закричала Хомили, устремляясь им навстречу, но тут же, успокоившись, замедлила шаг:

она увидела, что это чистые, словно отполированные речные мушки в синюю с золотом полоску. Яйцо с виду казалось нетронутым, но Хомили обдула его со всех сторон и обмахнула своим передником.

— Кто знает... — объяснила она.

Под, ворошивший всякую всячину, вынесенную воду из трубы, вытащил из кучи круглую пробку, и Хомили села.

— Да, так мы и сделаем, — пробормотал Под задумчиво.

— Как — так? — спросила лениво Арриэтта.

Из ямки, где лежала пробка, выбежал жук, и, наклонившись к нему, Арриэтта ухватила его за панцирь. Ей нравились жуки, их блестящая, четко очерченная броня, их механические сочленения. И ей нравилось поддразнивать их, ничего не стоило удержать их за жесткий край надкрылья, в то время как они норовили удрать.

— Когда-нибудь они тебя укусят... — пригрозила ей Хомили, складывая одежду; даже высохнув, она все еще чуть-чуть пахла сандалом. — Или ужалят, или ущипнут, или что там они делают — и поделом.

Арриэтта выпустила жука.

— Да они на самом деле не сердятся, — сказала она, глядя, как покрытые шипами ноги поспешно бегут вверх по склону, а из-под них сыплются песчинки.

— Вы только взгляните! Шпилька! — воскликнул Под.

Это была та самая шпилька, которую Арриэтта нашла в трубе, сверкающая после мытья.

— Знаете, что мы сделаем? — продолжал он. — То есть пока мы здесь?

— Что? — спросила Хомили.

— Станем приходить сюда каждое утро и смотреть, что вынесла из трубы вода.

— Вряд ли мы тут что-нибудь найдем, — сказала Хомили, кончая складывать белье.

— А как насчет золотого кольца? Не одно золотое кольцо — во всяком случае так говорят — потерялось, упав в водосток... Да и от английской булавки ты тоже не откажешься.

— Лучше уж булавка, чем кольцо, — сказала Хомили, — при нашем-то образе жизни.

Они отнесли узлы за излучину и сложили у чайника. Хомили забралась на гладкий камень у входа и заглянула в дыру внутрь. Сверху, через приоткрытую крышку, падал холодный свет, пахло ржавчиной, и было очень уютно.

— Что нам нужно успеть до захода солнца, — сказал Хомили, — это раздобыть хорошей, сухой травы, чтобы растелить здесь на дно. Одеяло у нас есть...

Он посмотрел по сторонам — как бы им забраться на склон? — и увидел неподалеку идеальное место, словно заданное для добываек: с кромки крутого берега позади свисал пучок спутанных корней. В былые времена, спускаясь из берегов, река вымыла между ними землю, и теперь они спускались вниз кистями и гроздьями, пушистые, но надежные. Под и Арриэтта ловко карабкались по ним наверх, там были кольца для рук, там были упоры для ног, там были качели, лестницы, платформы... настоящий гимнастический зал для добываек, и Арриэтта была разочарована, когда они — слишком скоро — добрались до верхнего края.

Здесь, среди бледно-зеленых копий свежей весенней травы, попадались пучки тонких, как волосы, прошлогодних травинок, выгоревших до светло-желтого цвета. Под Хомили их лезвием бритвы, а Арриэтта связывала из них копейки и бросала вниз. Хомили собирала копейки и относила к чайнику.

Когда дно чайника было устлано толстым слоем травы, Хомили и Арриэтта слезли со склона. Арриэтта заглянула

внутри через дыру, теперь в чайнике пахло сеном. Солнышко садилось, воздух посвежел.

— Что нам всем не повредило бы сейчас, — заметил Хомили, — это чашечка горячего чая, перед тем как лечь в постель...

Но поскольку вскипятить его было невозможно, они довольствовались тем, что вытащили яйцо. Осталось еще больше половины, и каждый из них получил по толстому ломтю, украшенному сверху листом щавеля.

Под размотал просмоленную веревку, завязал один конец узлом, а второй продел через середину пробки и туго затянул.

— Для чего это? — спросила Хомили, подходя к нему и вытирая руки передником (слава богу, сегодня не надо было мыть посуду; она просто отнесла скорлупки к реке и бросила их в воду).

— А ты не догадываешься? — спросил Под.

Теперь он, тяжело дыша, обрезал пробку со всех сторон и скашивал ее края.

— Чтобы заткнуть дыру?

— Именно, — сказал Под. — Когда заберемся внутрь, засунем ее туда вроде затычки, закроемся наглухо.

Арриэтта снова вскарабкалась по корням наверх. Родители видели ее на гребне склона. Там было более открытое место, и ветер развеивал ей волосы. Вокруг нее на фоне темнеющего неба колыхались высокие травинки.

— Ей нравится жить на открытом воздухе, — нежно сказала Хомили.

— А тебе? — спросил Под.

— Ну, — ответила, помолчав, Хомили, — насекомые не в моем вкусе, Под, я их никогда не любила. Да и суровая жизнь тоже не по мне. Но сегодня, — она посмотрела вокруг, — сегодня у меня вроде бы хорошо на душе.

— Вот это разумные слова, — продолжая орудовать лезвием бритвы, сказал Под.

Но возможно, — продолжала Хомили, глядя на него, — я так себя чувствую благодаря этой пробке.

Где-то далеко заухала сова — глухой звук плавно и мелодично долетал к ним из полутьмы. Глаза Хомили расширились от страха.

— Арриэтта! — пронзительно позвала она. — Быстро! Скорее спускайся сюда!

В чайнике было уютно, а с закрытым входом и опущенной крышкой к тому же вполне безопасно. Опустить крышку уговорила их Хомили.

— Смотреть нам ночью не на что, — объяснила она Арриэтте и Поду, — а воздуха сюда попадет достаточно через носик.

Когда они проснулись на следующее утро, солнце уже поднялось, и стенки чайника сильно нагрелись. Но какая радость — поднять крышку, подтягивая постепенно веревку, и увидеть безоблачное небо! Под выбил ногой пробку, выбрались через дыру наружу, и перед ними снова был берег...

Завтракали они на воздухе. Яйцо понемногу уменьшалось, но оставалось еще две трети.

— А солнечный свет — та же еда, — заметил Под.

После завтрака, взяв шляпную булавку, Под отправил к трубе посмотреть, что вынесла вода; Хомили повесила проветрить красное одеяло, затем занялась в чайнике уборкой, а Арриэтта снова залезла по корням наверх, чтобы обследовать склон.

— Не уходи далеко, — предупредил Под, — и время от времени подавай голос. Нам не нужны сейчас никакие происшествия... по крайней мере до возвращения Спиллера.

— И после его возвращения — тоже, — ввернула Хомили.

Но она казалась непривычно спокойной и умиротво-

ренной; делать ей было нечего — только ждать, — никакой работы по дому, никакой готовки, никаких поисков добычи, никаких планов...

«Можно в кои веки понежиться», — подумала она и устроилась поудобнее на красном одеяле под горячими лучами солнца. Под и Арриэтта решили, что она задремала, но они ошибались: Хомили строила воздушные замки. Она рисовала себе их будущий дом, с окнами и парадной дверью — настоящий семейный очаг. Иногда он виделся ей маленьким и уютным, иногда — в четырех этажа высотой. «А не поселиться ли нам в особняке?» — спросила она себя.

По какой-то непонятной причине мысль об особняке напомнила ей о Люпи: «Интересно, что она подумала, спустившись вниз из этих своих темных комнатенок? Что мы растворились в воздухе... провалились сквозь землю... так это для них и выглядит». Хомили представил удивленное лицо Люпи, громкие возгласы, предположения... И, улыбаясь про себя, она прикрыла глаза. «Они в жизни не догадаются, что мы ушли по водостoku, — подумала она. — А уж мысль о Литл-Фордэме им и в голову не придет, для этого у них слишком бедная фантазия».

Прошло два безмятежных солнечных дня, а на третий день пошел дождь. Уже с утра начали сгущаться тучи, и к полудню лило как из ведра. Сперва Арриэтта, желая остаться на воздухе, укрылась среди корней под нависающей кромкой берега. Но вскоре дождь усилился, ветер кидал ей брызги в лицо, а сверху на нее текли целые потоки; корни сделались скользкими и грязными. Все трое кинулись бежать к водостoku.

— Во всяком случае, — заметила Хомили, когда они уселись, скорчившись, в начале трубы, — отсюда нам все видно, не то что в чайнике.

Однако им пришлось отсюда уйти, когда Под услышал далеко в трубе нарастающий шум.

Холмкрофт! — воскликнул он, прислушиваясь. —
Скорей выходите... Бежим.

Но, глядя на серую пелену дождя, Хомили продолжала сидеть. Если уж им суждено промокнуть до нитки, заявила она, горячая вода приятней холодной.

Глава 15

Они все же ушли оттуда, и хорошо сделали: река поднялась почти до самого обрыва, который им надо было обогнуть, чтобы добраться до чайника. Песчаную кромку берега уже залило, и им пришлось разуться и идти носиком. Вода была мутная и коричневая от ила. Мелкую волну сменили упругие, стремительные волны, и когда добываяйки бежали к чайнику, они увидели, что поток несет огромные ветви, то скрывающиеся в глубине, то вновь взлетающие на гребнях волн.

— Спиллер не сможет плыть по такой воде... — пристонала Хомили в то время, как, добравшись до чайника, они переодевались в сухую одежду.

Голос ее, хотя она кричала во все горло, был едва слышен из-за грохота дождя, барабанившего по крышке. Снизу, так близко, словно это было в подвале их дома, доносился рев разлившейся реки. Но чайник, стоящий на каменном фундаменте и накрепко застрявший в откосе берега, казалось, был несокрушим. Носик у него глядел в подветренную сторону, крышка не пропускала внутрь ни одной капли.

— Двойной ободок, — объяснил Под. — Эти старомодные чайники сделаны как надо...

Рассчитывая на то, что скоро появится Спиллер, они съели остаток яйца. Они все равно не наелись и горестно смотрели через входную дыру, как поток пронес мимо них полбуханки хлеба.

Наконец совсем стемнело; они закрыли вход пробкой и приготовились ложиться.

— Во всяком случае, — сказал Под, — здесь сухо и тепло. И конечно же, скоро прояснится...

Но на следующий день по-прежнему шел дождь. И на следующий...

— Он не сможет вернуться в такую погоду, — стонал Хомили.

— Для Спиллера нет невозможного, — сказал Под. — Этот ящик — вполне надежное судно, и навес у него крепкий. Течение здесь, под куманикой, идет у самого берега. Вот почему он выбрал этот уголок. Помяни мои слова, Хомили, он может появиться в любой момент. Спиллер не из тех, кто пугается капли воды.

Разговор этот был в их «банановый» день. Под отправился на разведку по скользкой корке грязи под куманикой. Таща вперед ее свисающие ветки, вод ровным и сильным потоком шла через укрытие, где Спиллер держал свою барку. В ветвях застряла наполовину пустая пачка промокших насквозь сигарет, мокрых лоскут и перезревший банан.

Когда Под принялся через входную дыру протискивать его дюйм за дюймом в чайник, Хомили отчаянно завизжала. Она не поняла сперва, что это такое, а когда узнала банан, стала смеяться и плакать одновременно.

— Успокойся, Хомили, — печально глядя на нее, сказал

Под втолкнув наконец весь банан, он заглянул внутрь. —
Попытайся себя в руки.

Что она и сделала... почти что сразу.

— Ты должен был нас предупредить, — протестующе
сказала она, все еще тихонько всхлипывая и вытирая
пальцем глаза.

Я звал вас, — сказал Под, — но дождь так грохочет...

Они досыта наелись бананом — все равно он перезрел
долго хранить его было нельзя. Под нарезал его попе-
к вместе со шкуркой, чтобы удобней было держать.
Дождь так барабанил по крышке, что вести беседу было
нельзя.

— Льет еще сильнее, — сказал Под.

Хомили наклонилась к нему.

— Ты не думаешь, что с ним случилась беда? —
спросила она, стараясь говорить как можно громче.

Под покачал головой.

— Он вернется, когда перестанет лить. Надо запастись
терпением, — добавил он.

— Чем запастись? — крикнула Хомили, перекрывая
шум ливня.

— Терпением, — повторил Под.

— Я тебя не слышу...

— Терпением! — во все горло заорал Под.

Дождь стал попадать в носик чайника. Пришлось
зажечь одеялом. Хомили закинула его в носик, и
в чайнике вскоре стало очень душно.

— Может, и через месяц не перестанет, — проворчала
Хомили.

— Что? — крикнул Под.

— И через месяц, — повторила Хомили.

— Что — через месяц?

— Дождь не перестанет! — крикнула Хомили.

Разговаривать было невозможно, и они замолчали:
игра не стоила свеч. Все трое зарылись в сено и
попытались уснуть. Так как животы у них были полны,
а в чайнике было тепло и душно, они вскоре задремали.

Арриэтте снилось, будто она вышла в море на бар Спиллера — ее слегка покачивало; сперва это нравилось Арриэтте, но затем барка стала вращаться. Она вращалась все быстрее и быстрее, вот она превратилась в колесо, оно вертелось... вертелось... Арриэтта ухватила за спицы, но они обернулись соломинами и сломались в ее руках. Она ухватила за обод, но он с разгоном отбросил ее. Арриэтта услышала, как чей-то голос вновь и вновь повторяет:

— Проснись, дочка, проснись...

Арриэтта открыла глаза; голова у нее кружилась, в мерцании полусвета кружилось и все вокруг. «Утро», — догадалась Арриэтта; и кто-то вытащил из носика одеяло. У себя за спиной она разглядела отца; вид у него был странный: казалось, каким-то необъяснимым образом он приклеился к стенке чайника. Напротив она увидела мать, раскинув руки в стороны, словно фея с поднятыми крыльями, она стояла, так же плотно прижавшись к стенке. Сама Арриэтта, пытаясь подняться с пола, почувствовала, что ее крепко держит какая-то таинственная сила.

— Мы на плаву, — крикнул Под, — и нас вертит!

И Арриэтта заметила, что их не только вращает, но и раскачивает из стороны в сторону.

— Мы дрейфуем, плывем по воле волн, — продолжал Под, — нас несет вниз по течению.

— О господи! — простонала Хомили, поднимая глаза; это было единственное движение, которое она могла сделать, ведь она приклеилась к чайнику, как муха к липкой бумаге.

Но она еще не закончила, как скорость, с какой несся вперед чайник, замедлилась, он стал не так быстро кружиться, и на глазах у Арриэтты мать медленно соскользнула вниз и с хлюпаньем села на пропитанное водой сено.

— О господи! — снова проговорила Хомили.

Арриэтта заметила, что без труда слышит ее: дождь наконец затих.

Хочу поднять крышку, — сказал Под.

Когда чайник перестал вращаться, он, упав сперва на бок, медленно поднялся, держась за стенку, так как на дне еще качало.

— Помоги мне, Арриэтта.

Они вместе уцепились за веревку. Через вход, несмотря на пробку, просочилась вода и по дну плавало какое-то сено. Ноги у них скользили, но постепенно, рывок за рывком они подняли крышку и увидели над головой круг ярко-голубого неба.

— О господи! — не переставая, стонала Хомили, иногда добавляя: — Боже мой!

Но она помогла им собрать в кучу узлы.

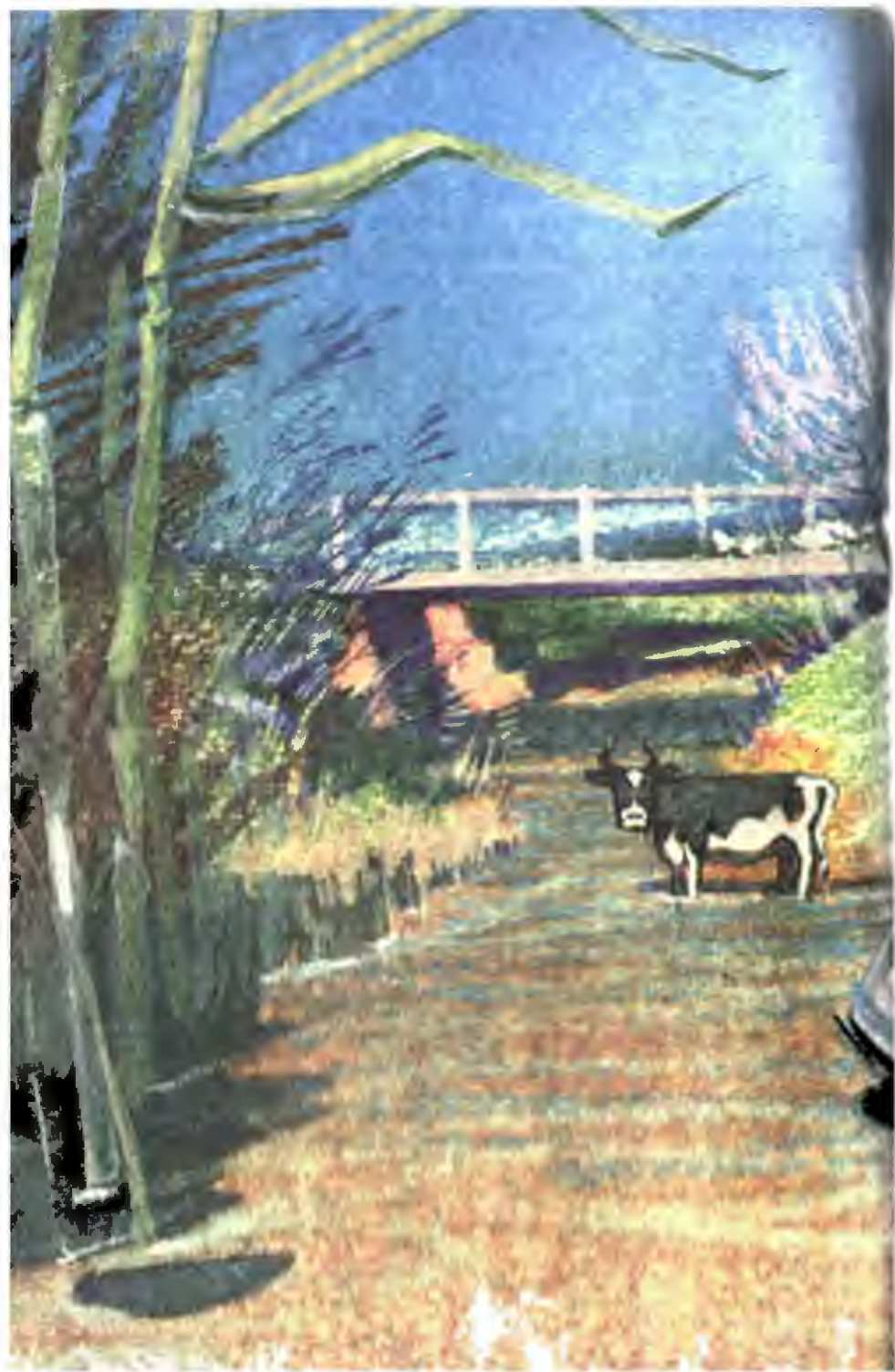
— Нам надо подняться, так сказать, на палубу, — настойчиво повторял Под, — здесь, внутри, мы пропадем.

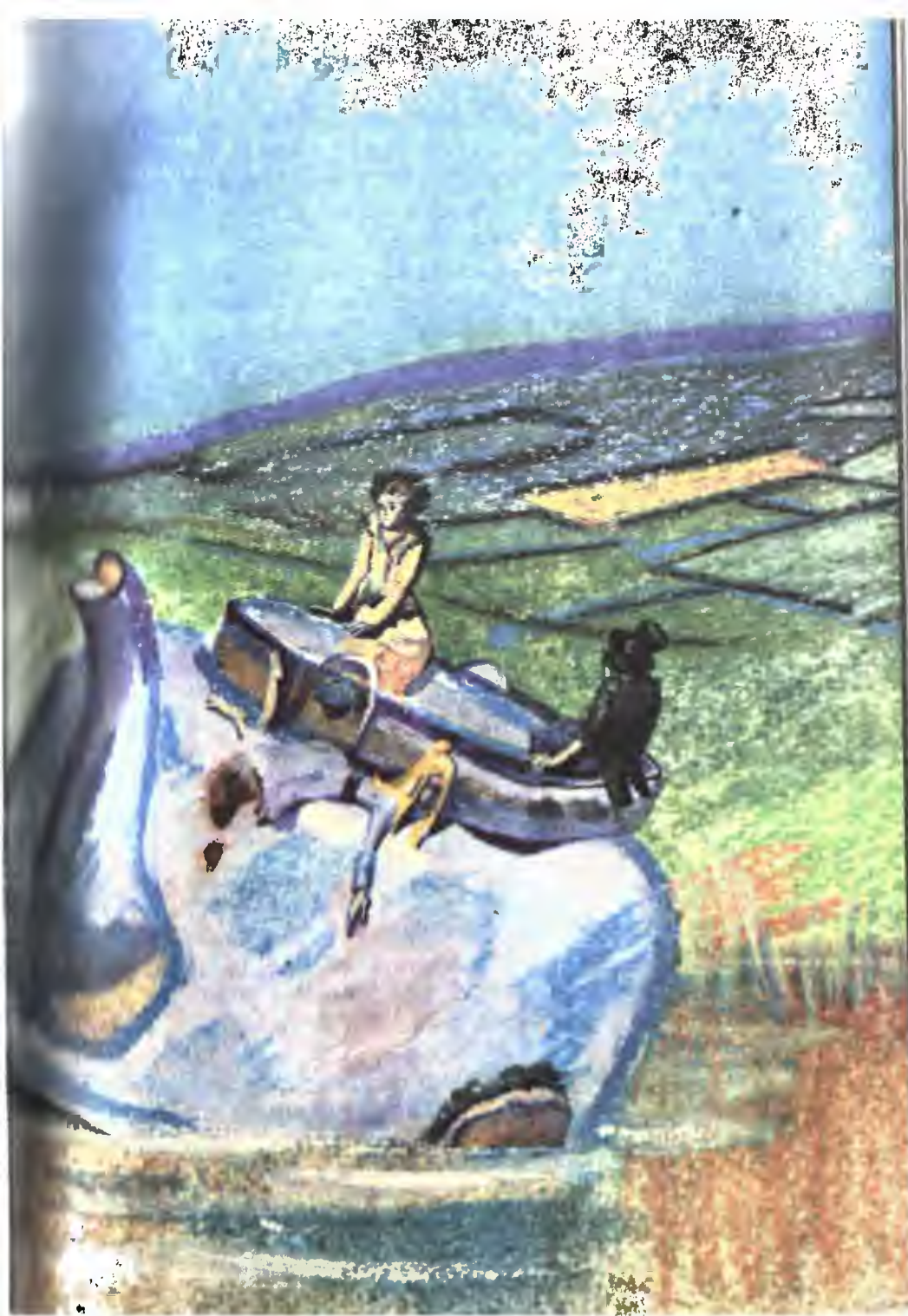
Выкарабкаться наружу оказалось нелегко. Все было устроено в ход: веревка от крышки, шпилька, остатки обшивки, узлы, и наконец, сами не зная как, они выбрались наверх круто накренившегося чайника — навстречу яркому солнцу и безоблачному небу. Сев на край обшивки, Хомили изо всех сил уцепилась за ручку чайника; ноги ее свисали внутрь; Арриэтта сидела рядом с ней, держась за ободок. Чтобы убрать лишний вес, Под разрезал веревку и толкнул крышку за борт, и теперь они смотрели, как она удаляется от них.

— Зря пропадет... — сказала Хомили.

Глава 16

Чайник не спеша плыл вниз по течению, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Солнце стояло высоко в сияющем голубизной небе — было позднее, чем они думали. Вода после недавней бури казалась желтой и

мутной и кое-где заливала берега. Справа от них лежали открытые поля, слева склон порос ивняком и возвышаясь над ним лещиной. Трепетали на фоне неба сережки орешника, ровными рядами шли в воду полчища камыша.

— С минуты на минуту мы уткнемся в берег, — с надеждой сказал Под, глядя вниз. — Одним боком или другим, — добавил он. — Чайник не может до бесконечности плыть по течению.

— Надеюсь, что нет, — сказала Хомили.

Она уже не так крепко держалась за ручку и вопреки собственному желанию с любопытством озиралась вокруг.

Вдруг они услышали велосипедный звонок, и через несколько секунд над кустами проплыл шлем полисмена.

— О боже! — шепнула Хомили. — Значит, там пешеходная тропа...

— Спокойно, — сказал Под.

Но бросив быстрый взгляд на отца, Арриэтта увидела, что он тоже встревожен.

— А если бы он посмотрел в нашу сторону... — прошептала Хомили.

— Все в порядке, — сказал Под. — Он укатил. А «если» не считается.

— А как быть со Спиллером? — продолжала Хомили.

— Со Спиллером?

— Ну да, он же теперь не найдет нас.

— Почему не найдет? — сказал Под. — Он увидит, что чайник исчез. Насчет Спиллера можешь не волноваться. Нам надо одно: запастись терпением и спокойно ждать... когда мы окажемся на суше.

— А если чайник не остановится и нас пронесет мимо Литл-Фордэма?

— Спиллер тоже проплывет мимо него и разыщет нас.

— А если чайник остановится среди всех этих человеков?

— Каких? — спросил Под устало. — Из гипса?

— Нет, среди человек, которые ходят там стадами по дорожкам.

— Право, Хомили, хватит. Что толку терзаться раньше времени.

— Раньше времени?! — воскликнула Хомили. — А когда, по-твоему, когда мы попадем в беду?

Она посмотрела на дно чайника, на пропитанное водой дно.

— Еще немного, и чайник будет полон воды.

— Нет... ведь пробка разбухла, — сказал Под. — Чем она мокрей, тем плотнее закрывает дыру. Все, что тебе надо сделать, Хомили, это сидеть и крепко держаться, а когда подойдем к суше — быть готовой прыгнуть на берег.

Говоря это, Под не переставал ладить «кошку» из щипальной булавки и обвязывать куском веревки ее шовку.

Все это время Арриэтта лежала плашмя на чайнике и смотрела в воду. Она была счастлива; потрескавшаяся эмаль нагрелась от солнца, и, обхватив ручку чайника, она чувствовала себя в полной безопасности. Один раз Арриэтта различила в воде неясные очертания огромной рыбы — она шевелила еле заметными плавниками, развернувшись против течения.

Иногда им попадались небольшие леса из водорослей, где шныряли темные рыбешки, а один раз мимо чайника, чуть не перед носом у Арриэтты, быстро проплыла водяная крыса; девочка закричала от восторга, словно увидела кита. Даже Хомили едва не свернула шею, глядя на крысу и восхищаясь пузырьками воздуха, которые, точно лунные камушки, поблескивали на ее влажной шкурке. Добываяки все трое встали на ноги, чтобы разглядеть, как крыса выбирается на берег и поспешно отряхивается, подняв облако брызг, прежде чем убежать в траву.

— Чудеса, да и только, — сказала Хомили. — Явление природы, — добавила она задумчиво.

И тут, подняв глаза, она увидела корову. Коровы стояла неподвижно рядом со своей огромной тенью, уйдя выше бабок в пахучую грязь, и не издавала ни звука. Хомили оцепенела от ужаса, и даже Арриэтта была рада, что их разделяет полоска воды, а чайник уносит все дальше. Она бесстрашно смотрела на корову — чего ей бояться, они были так близко к ней и вместе так далеко, — и тут чайник неожиданно попал в водоворот, и он бросило чуть не к самому берегу.

— Не бойся! — крикнул Под, увидев, что Арриэтта отпрянула назад. — Она тебя не тронет...

— О господи! — прошептала Хомили и шевельнулась, словно намереваясь спрятаться внутрь.

Чайник накренился.

— Осторожно! — испуганно закричал Под. — Не раскачивай его!

Чайник быстро скользил по направлению к берегу, Под откинулся всем телом в сторону, уцепившись за ручку.

— Приготовься!.. — крикнул он, в то время как чайник, резко свернув, стал приближаться к кромке грязи. — Держись!

Чайник мчался прямо на корову, и она отступила на два шага. Опустила голову, помотала ею из стороны в сторону, словно в замешательстве, и затем, с шумом втянув носом воздух, снова неуклюже отступила назад.

Подгоняемый потоком чайник несколько раз ударился об истоптанный коровами берег и закачался на волнах, ходя ходуном. Ухватившись одной рукой за ободок и свесившись наружу, Под оттолкнулся шляпной булавкой от камня; чайник подпрыгнул, отскочил от берега и поплыл по течению.

— Слава тебе, господи! — воскликнула Хомили. — Слава тебе, господи... слава тебе, господи... О боже, боже мой!

Она сидела белая как мел, вцепившись в ручку чайника, и дрожала всем телом.

Ничего. бы она тебе не сделала, — сказал Под, в время как они выплывали на середину реки, — корова-то. Нипочем не сделала.

Могла на нас наступить, — тяжело дыша, проговорила Хомили.

Ист, когда бы увидела нас, не наступила бы.

Так она же нас видела! — вскричала Арриэтта, назад. — Она и сейчас на нас смотрит...

них отлегло от сердца, и, позабыв обо всем вокруг, во все глаза уставились на корову. Никто из них не готов к тому, что затем произошло. Глухой удар, и, рыв равновесие, Хомили с криком летит на усталнное

сеном дно чайника, Под хватается за ручку, а Арриэтта цепляется за Пода. Помогая Арриэтте подняться, Под повернул голову и увидел, что чайник врезался в похожее на гнездо скопление веток и сучьев на самой середине реки. Чайник дребезжал, ударяясь о преграду,

легкая рябь разбивалась, как настоящие волны, об всплывшую водорослями шаткую массу.

— Вот теперь мы застряли, — сказал Под, — что и говорить. Ни туда ни сюда.

— Под, вытащи меня наверх... скорей, — услышали они снизу голос Хомили.

Они помогли ей вылезть наружу и показали, что случилось. Вглядываясь в глубину пестрого вороха, Под разглядел обломок столба от ворот и клубок ржавой проволоки, в которой запутался всякий хлам, принесенный течением, — нечто вроде островка, все части которого намертво переплелись между собой.

Что толку отталкиваться шляпной булавкой? Их прибило к «острову» вплотную, и с каждым новым ударом чайник заклинивало все сильнее.

— Могло быть и хуже, — заметила, на удивление

Поду и Арриэтте, Хомили, когда она наконец отдышалась.

Она оценивающим взглядом осмотрела похожее на гнездо сооружение; некоторые прутья, выступающие из воды, уже высохли на солнце. На ее взгляд, все вместе это походило на сушу.

— Я хочу сказать, — продолжала Хомили, — здесь и ноги размять есть где. По правде говоря, мне тут пожалуй, нравится больше, чем в чайнике... Лучше, чем плыть без конца вперед, пока не очутишься в Индийском океане. И Спиллеру нетрудно будет нас тут найти... прямо посредине реки.

— В этом что-то есть, — согласился Под.

Посмотрев на берег, он заметил, что река здесь расширяется. На левом берегу среди низкорослого ивняка, за которым скрывался бечевник, склоняла над водой ветви высокая лещина; справа к воде сбегали по склону луга и возле истоптанного коровами выгона росла купа крепких ясеней. Два самых высоких дерева — лещина и ясень — стояли, как стражи, на обоих берегах реки. Да, Спиллер должен хорошо знать это место. Такому месту, подумал Под, люди даже могли дать название. С двух сторон от «острова» река казалась темной и глубокой — вымытые течением заводи... да, это такое место, решил Под, и его пробрала дрожь, куда летом люди, возможно, приходят купаться. А затем, посмотрев вперед, Под заметил мост.

Глава 17

Мост был небольшой, деревянный, поросший мхом, с одним поручнем, но для них в их положении даже самый скромный мостик представлял опасность: мост — это дорога для людей, с него далеко в обе стороны видна река.

Как ни странно, когда Под показал его Хомили, та не

тревожилась; прикрыв глаза от солнца, она некоторое время смотрела на него.

— Никто из людей, — сказала она наконец, — не разберет, что тут такое на этих ветках, — слишком далеко...

— Могут и заметить, — сказал Под, — если мы будем двигаться. Застанут нас врасплох...

— Не застанут. Мы заметим их первыми. Пошли, Под, надо разгрузить чайник и положить вещи на просушку.

Они спустились вниз и, переложив балласт, сумели сильно наклонить чайник набок. Когда наклон оказался достаточным, Под взял веревку и привязал ручку к проволоке под водой. Теперь чайник не мог сдвинуться с места, и им было легко залезать в него через верхнее отверстие. Скоро все их пожитки уже лежали на солнце, — сами добывайки, усевшись рядом на обсохшей ветке ольхи, с аппетитом ели банан.

— Могло быть во много раз хуже, — проговорила Хомили с набитым ртом, озираясь по сторонам.

Она была рада тишине и неподвижности. Правда, внизу между переплетенными ветками поблескивала темная вода, но она казалась такой спокойной, до нее было так далеко, что о ней можно было забыть.

Поев, Арриэтта спустилась к самой кромке «острова», куда, где играла мелкая рябь, и, сняв чулки и туфли, свесила вниз ноги.

Ей казалось, что вокруг звучат приглушенные голоса, без умолку, без остановки слышится несвязный лепет, рокот, ропот, журчанье, бормотанье — невнятный, таинственный говор реки... Вскоре Арриэтта перестала прислушиваться, как, бывало, переставала слушать мать, когда та без конца рассказывала ей одно и то же. Однако шум реки по-прежнему стоял в ее ушах, и ей подумалось, что он заглушает все остальные звуки. Под его покровом на «остров» может незаметно влезть кто угодно и

неожиданно на них напасть. И тут до ее сознания дошло, что попасть к ним можно только по воде. В тот же миг на веточку рядом с ней опустилась синица. Склонив сторону голову, она уставилась на банановую кожу, оставшуюся от ломтя банана, съеденного Арриэттой на завтрак. Арриэтта подняла ее и кинула в синицу — тут же улетела.

А Арриэтта вновь забралась наверх. Время от времени она слезала с верхних сухих веток на мокрые понизже. В причудливых пустотах между ними, то освещенных солнцем, то тонущих в тени, было за что ухватиться руками и куда поставить ногу. Над ней на фоне ясно неба перекрещивались сучья и ветки. Один раз Арриэтта спустилась внутрь, к темной воде, и, пренебрегая опасностью, склонилась над ней, всматриваясь в свое отражение, которое глядело на нее из глубины. Она нашла улитку, прилепившуюся к листу, опустила одну ногу в воду, распугала головастика — многочисленное лягушачье потомство. Арриэтта попыталась вытащить водоросль, но скользкий стебель не поддавался ее усилиям — слегка растянувшись, как кусок эластичной резины, он неожиданно вырвался из рук.

— Ты где, Арриэтта? — позвала сверху Хомили. — Вылезай оттуда, там сыро...

Но Арриэтта будто не слышала. Она нашла куриное перо, пучок овечьей шерсти и половинку мяча для пинг-понга, все еще пахнувшего целлулоидом. Наконец Арриэтта вышла наружу, чтобы похвастаться своей добычей. Родители не поверили своим глазам. Хомили тут же сделала из овечьей шерсти подушку, засунула ее в половинку мяча и села на нее.

— Очень удобно, — с жаром сказала она, слегка покачиваясь.

Один раз на мосту показались человеки — два деревенских мальчика лет девяти-десяти. Они дурачились, хохотали, лазали по перилам и бросали в реку камни.

Когда мальчики повисли на перилах, чтобы посмотреть, как плывут по течению кинутые ими ветки, добываяки замерли, вперив взгляд в их спины.

— Хорошо, что мы с этой стороны моста, — пробормотал Под, не разжимая губ.

Солнце садилось, река сверкала, как жидкое золото. Арриэтта прищурилась — от блеска было больно глазам.

— Даже если они увидели нас, — шепнула она, не сводя взора с моста, — им сюда не добраться, тут для них слишком глубоко.

— Возможно, — сказал Под, — но пойдут разговоры...

Наконец мальчики ушли. Однако добываяки по-прежнему не шевелились, они вглядывались в кусты, стараясь расслышать сквозь шум реки, не доносятся ли с тропинки за ними человеческие голоса.

— Думаю, они пошли напрямик через поле, — сказал Под — Ну-ка, Арриэтта, помоги мне управиться с брезентом.

До того как на мосту появились мальчишки, Под устраивал убежище на ночь в продолговатой выемке, где уложены были рядом четыре ветки, кусок плаща, затем их сухая одежда, комок овечьей шерсти вместо подушки, красное одеяло и поверх всего — еще один кусок брезента. Прекрасная защита от дождя, и росы, и от чужих глаз на берегу — уютное, теплое гнездышко.

Высокая вода начала спадать, и «остров», казалось, поднимался все выше. Взору открылись невидимые

раньше глубины; внутри мотка ржавой проволоки они обнаружили разбухший от воды башмак.

— Нет, тут пожить нечем, — сказал Папоразмыслив. — Разве что шнурками...

Хомили тоже присоединилась к ним и теперь любопытством оглядывалась кругом. Ей пришлось призвать всю свою смелость, чтобы спуститься в такую глубину, о которой она не знала, куда ей ступить. Некоторые ветки сгнили и рассыпались от прикосновения, другие, которые закрепились не так крепко, уходили у нее из-под ног, все сооружение дрожало, то тут, то там что-то рушилось в воду. Все это напоминало гигантскую гору бирюлек, которую игроки пытаются ее разобрать. Хомили вдруг осознала, что их «остров» не разваливается окончательно на составные части лишь потому, что каждый листик, прутик, пучок водорослей переплетен с другими. И все же по пути вверх она отщипнула молодой побег боярышника, на котором заметила почки.

— Будет нам на ужин вроде бы салат, — объяснила она Арриэтте. — Нельзя же до скончания века питаться только яйцом и бананом.

Глава 18

Ужинали они на той стороне «острова», которая была против течения; у самых их ног плескались мелкие волны. Вода больше не доставала до лежавшего на боку, крепко привязанного чайника; уровень реки быстро падал, поднятая со дна муть оседала.

Их ужин — последний кусочек липкого банана — нельзя было назвать сытным. Добываяки по-прежнему были голодны, даже когда прикончили почки боярышника и запили их холодной водой. Они мечтательно вспоминали о Спиллере и его барке, доверху груженной добычей.

— А что, если мы его прозеваем? — спросила Хомили. — Вдруг он проплывет здесь ночью?

Я сегодня не лягу, — сказал Под.

— О, Под, — воскликнула Хомили, — но тебе требуется восемь часов сна!

— Не этой ночью, — возразил Под, — и не завтрашней. Нам нельзя спать, пока стоит полная луна.

— Но мы можем дежурить по очереди, — сказала Хомили.

— Сегодня караулить буду я, — сказал Под, — а там посмотрим.

Хомили не ответила — она не сводила глаз с воды. Вперед был сказочный: взошла луна, однако яркие краски хотя и приглушились, еще не совсем погасли, все вокруг, казалось, светится изнутри.

— Что это? — вдруг сказала Хомили, вглядываясь в — Что-то розовое...

Под и Арриэтта посмотрели вниз. Под самой поверхностью воды что-то извивалось, стоя против течения.

— Червяк, — сказала Арриэтта.

Хомили задумчиво воззрилась на него.

— Ты был прав, Под, — немного помедлив, сказала, — я переменялась...

— В каком смысле? — спросил Под.

— Глядя на этого червяка, — продолжала Хомили, — подумала... — Она умолкла на мгновение. — Ну, я подумала... пожалуй, я бы его съела... Конечно, если его скрести и отмыть добела, чтобы он был чистый, как стеклышко.

— Что, сырым? — воскликнул Под.

— Нет, естественно, тушеного, — сердито ответила Хомили, — с диким чесноком.

Она снова посмотрела вниз.

— За что он зацепился?

Под наклонился вперед.

— Мне плохо видно...

Неожиданно на лице его отразился испуг, напряжен-

но-внимательный взгляд устремился по невидимой кри-
к поросшему кустами берегу.

— В чем дело, Под? — спросила Хомили.

Он медленно поднял глаза — в них застыл ужас.

— Кто-то удит, — чуть слышно шепнул он.

— Где? — так же тихо спросила Хомили.

Под кивнул на ивняк.

— Там, под кустами...

Только тут, посмотрев наконец вверх, Хомили уви-
ла леску. Арриэтта тоже. Тонкая, как волос, лес-
спускалась прямо к ним, лишь местами проступая на
фоне воды. Вот она пропала из виду, слившись с кустам-
но добывайки представляли, куда она ведет.

— Никого не вижу, — шепнула Хомили.

— Само собой, нет, — оборвал ее Под, — не забыва-
у рыб есть глаза, как и у нас с тобой...

— Ну, не в точности, как у нас с тобой,
запротестовала Хомили.

— Когда удишь рыбу, — продолжал Под, — нельзя
показываться.

— В особенности если ты браконьер, — вставила
Арриэтта.

«Почему мы шепчемся? — подумала она. — Река все
равно заглушает наши голоса».

— Правильно, девочка, — сказал Под, — в особенности
если ты браконьер. А он и есть браконьер, по-моему.

— Что такое браконьер? — шепнула Хомили.

Под поднял руку, прося ее быть потише.

— Тсс... — А затем добавил: — Это что-то вроде
человека-добывайки.

— Человека-добывайки? — в недоумении повторила
Хомили — одно противоречило другому.

— Тише, Хомили, — умоляюще произнес Под.

— Он нас не услышит, — сказала Арриэтта, — оттуда,
с берега. Ой! — воскликнула она. — Смотрите — червяк
исчез.

Червяк действительно исчез — вместе с леской.

— Погодите минутку, — сказал Под, — он сейчас снова забросит. Увидите сами.

Игриваясь в полумрак, они разглядели на воде леску, а чуть поглубже — розовое пятно: это несло мимо червяка. В том же месте, что и раньше, у самых их ног, червяк остановился — леска удерживала его против течения. Внизу, у подножия «острова», вихрем мелькнула какая-то тень, поворот, рывок — и от червяка осталась одна четверть.

— Рыба? — шепнула Арриэтта.

Под кивнул.

Хомили наклонилась вперед: рыбная ловля захватила ее целиком.

— Погляди, Арриэтта, теперь уже и крючок виден.

Арриэтта не успела его рассмотреть — крючок почти что сразу исчез.

— Он почувствовал рывок, — сказал Под, имея в виду рыболова, — и думает, что у него клюнуло.

— Но у него на самом деле клюнуло, — сказала Арриэтта.

— Да, клюнуло, но рыба-то ушла... Смотрите, снова выныривает...

Появился новый червяк, более темного цвета.

Хомили передернуло.

— Вот этот мне совсем не нравится, как бы его ни

приготовить.

— Спокойно, Хомили, — сказал Под.

— Знаете что! — воскликнула Хомили. — Знаете, что можно было бы сделать... если бы у нас был огонь? Мы могли бы снять рыбу с крючка, и сварить ее, и съесть.

— В том случае, если бы рыба была на крючке, — заметил Под, глядя на кусты.

Внезапно он пригнулся и с громким криком прыгнул в сторону, закрыв лицо руками.

— Берегись! — заорал он, как безумный.

Но было поздно: крючок вместе с червяком вонзил в юбку Хомили. Под и Арриэтта кинулись к ней схватили с обеих сторон, чтобы ее не утащило; ди вопли Хомили разносились по всей реке.

— Расстегни юбку, Хомили! Скинь ее! Быстрее!

Но Хомили не могла... или не желала это сделать. Возможно, причина крылась в том, что ее нижняя юбка была короткая и красная — в прошлом юбка Арриэтты, — и Хомили боялась, что будет иметь не очень приличный вид, а возможно, она просто потеряла голову от страха. Она вцепилась в Поду, а когда ее вырвало из его рук, ухватилась за Арриэтту. И пока ее тащило воде, цеплялась за все ветки и прутья по пути.

Когда леска на миг ослабла, они вытащили Хомили из воды, и Арриэтта попыталась расстегнуть янтарную бусинку, служившую пуговицей для юбки. Затем леска снова натянулась. Крепко обхватив Хомили за плечи, Под углом глаза увидел, что рыбак поднялся на ноги.

Он стоял на самой кромке берега — здесь ему было легче закидывать удочку; резкий взмах, и Хомили, воп во все горло, взлетает вверх тормашками в воздух, Под и Арриэтта, вцепившись в нее с двух сторон, вместе с ней. Но тут янтарная пуговка отскочила, юбка вместе с червяком исчезла, а добывайки свалились в одну кучу обратно на «остров». Под их тяжестью ветки чуть прогнулись и, спружинив, вновь распрямились, смягчив удар от падения.

— Мы были на волосок от гибели, — сказал, тяжело дыша, Под, вытаскивая ногу, застрявшую между ветками.

Арриэтта, упавшая на спину, так и продолжала лежать, она не пострадала, только перепугалась. Хомили, скрестив на груди руки, поглаживала плечи; на щеке у нее краснела царапина, из нижней юбки был вырван неровный клочок.

— Как ты себя чувствуешь, Хомили? Все в порядке?

Хомили кивнула, узел волос на затылке медленно

...рутился, и она машинально стала нащупывать...
...Бледная, дрожащая, она не сводила глаз с...

А ветки выдержали, — сказал Под, рассматривая...
...рапанную голень, и слегка покачал ногой. —
...ломил нет, — сказал он.

Хомили будто и не слышала, она сидела и как...
...арованная в упор смотрела на рыболова.

Это Кривой Глаз, — наконец мрачно сообщила она.

Под быстро обернулся и прищурил глаза. Арриэт-

та встала, чтобы лучше ви-
деть. Кривой Глаз, цы-
ган... да, эту похожую на
гориллу фигуру, насуплен-
ные брови, копну седеющих
волос нельзя было не уз-
нать.

— Мы пропали, — про-
шептала Хомили.

Несколько мгновений
Под молчал.

— Сюда ему не добрать-
ся, — сказал он, — мы на
самой середине реки, здесь
глубоко и с той стороны от
нас, и с этой.

— Он может дотянуться
рукой с мелкого места, —
сказала Хомили.

— Сомневаюсь, что ему это удастся.

— Он нас знает, и он нас видел, — сказала Хомили
тем же бесцветным голосом. Она прерывисто вздох-
нула. — И, помяни мое слово, он не намерен снова нас
упустить.

Наступила тишина, лишь река лепетала что-то свое.

Говорливое журчанье, непрерывное, ровное, вдруг показало им враждебным и жестоким.

— Почему он не двигается? — спросила Арриэтта.

— Размышляет, — сказала Хомили.

Немного погодя Арриэтта снова робко спросила:

— О том, сколько он будет брать за показ и всякое такое, когда посадит нас в клетку?

— О том, как поступить сейчас, — сказала Хомили.

Несколько секунд все трое молча следили за Кривым Глазом.

— Смотрите, — сказала Арриэтта.

— Что еще он задумал? — спросил Под.

— Он снимает с крючка мамину юбку.

— И червяка тоже, — сказал Под. — Осторожней! вскричал он в то время, как рука рыболова взлетела вверх.

«Остров» внезапно дернулся и резко закачался из стороны в сторону.

— Он закидывает сюда крючок! — крикнул Под. — Хочет нас поймать. Нам лучше укрыться внутри.

— Нет, — сказала Хомили, когда их перестало качать, она смотрела, как ветка, выдернутая крючком, сносится вниз течением. — Если ему удастся растащить по частям эту кучу, безопаснее быть наверху. Пойдем лучше в чайник...

Но не успела она закончить, как вновь заброшенный крючок впился в пробку, затыкавшую вход. Чайник, привязанный к веткам и прутьям, какое-то время сопротивлялся тянувшей его уде, но ветки стали уходить из-под ног добываек, и они в панике прижались один к другому. Затем пробка вылетела и усакала на конце танцующей лески. «Остров» снова качнуло; расцепив руки и отойдя друг от друга, они с ужасом слышали, как в чайник, булькая, льется вода.

В четвертый раз крючок попал в ту ветку, на которой они стояли. Они видели, что крючок крепко вонзился в

...видели, как дрожит леска, натянутая, как струна. Под подошел поближе и, откинувшись назад всем телом, попытался ослабить ее напряжение. Но все было напрасно — леска оставалась такой же тугой, а крючок так же прочно сидел в древесине.

— Разрежь леску, — раздался голос, перекрывая треск и скрежет. — Разрежь ее... — снова прозвучал тот же голос, на этот раз почти не слышный; казалось, это просто журчит река.

— Так дай мне лезвие бритвы, — еле переводя дух, сказал Под, и Арриэтта, кинувшись за ним со всех ног, тут же принесла его. Послышался звенящий звук, и рассеченная леска взлетела в воздух; добывайки низко ринулись.

— Ну почему я сам, — воскликнул Под, — не подумал об этом первым делом?

Он взглянул на берег. Кривой Глаз сматывал леску; легкая, без крючка, она летела, подгоняемая ветром.

— Он не очень-то доволен, — сказала Хомили.

— Да, — согласился Под, садясь с ней рядом. — И неудивительно.

— Не думаю, чтобы у него был еще один крючок, — сказала Хомили.

Они смотрели, как цыган разглядывает конец лески, встретили его злобный взгляд, когда, сердито подняв голову, он пристально всматривался в их «остров».

— Очко в нашу пользу, — сказал Под.

Глава 19

Добывайки устроились поудобнее на прутьях — им предстояла бессонная ночь. Хомили сунула руку за спину, туда, где лежали постельные принадлежности, и вытащила красное одеяло.

— Глянь-ка, Под, — сказала она, укутывая одеялом

колени, — он что-то еще придумал. Интересно — чи

Они пристально смотрели, как Кривой Глаз, взяв руку удочку, двинулся к кустам.

— Вряд ли он решил отступить, как по-твоему? добавила она, когда Кривой Глаз исчез из виду.

— На это надеяться нечего, — сказал Под. — Ведь он видел нас и знает, что мы здесь, — надо только до него добраться.

— Здесь ему нас не поймать, — сказала Хомили, — мы же на самой глубине. А скоро совсем стемнёт.

Как это ни странно, она казалась спокойной.

— Пожалуй, — сказал Под, — хотя взгляни — лунка поднимается все выше. А утром мы все еще будем здесь. — Он взял в руки бритву. — Придется избавиться от чайника: только лишний вес.

Он перерезал веревку, и чайник медленно пошел на дно. Печальное это было зрелище.

— Бедный Спиллер, — сказала Арриэтта, — по-моему он любил этот чайник...

— Что ж, он сослужил нам хорошую службу, — сказал Под.

— Давайте сделаем плот, — вдруг предложила Хомили.

Под взглянул на прутья и ветки вокруг, на веревку у себя в руках.

— Почему бы и нет? — сказал он. — Но это займет немало времени. А когда он торчит тут поблизости... — Под кивнул в сторону ивняка. — Нет, не стоит, здесь не опаснее, чем в любом другом месте.

— Здесь даже лучше, — сказала Арриэтта, — здесь нас легче увидеть.

Хомили обернулась и удивленно посмотрела на нее.

— Зачем нам, чтобы нас увидели? — спросила она.

— Я думаю про Спиллера, — сказала Арриэтта. — При такой луне и при такой погоде он вполне может появиться этой ночью.

— Скорее всего так, — подтвердил Под.

— О боже, — вздохнула Хомили, плотнее натягивая на себя одеяло, — что он может подумать? Я хочу сказать, когда встретит меня в таком виде — в Арриэттиной юбке?

— Прекрасная юбка, особенно цвет, — сказал Под, — сразу кинется ему в глаза.

— Прекрасная? Она села и стала короткая. Да еще дыра на боку, — горестно проговорила Хомили.

— Но красной-то она осталась, — сказал Под, — хороший ориентир. И я теперь жалею, что мы потопили чайник. Спиллер сразу бы его приметил. Но что толковать, слезами горю не поможешь.

— Смотрите, — шепнула Арриэтта, глядя на берег.

Там стоял Кривой Глаз. Казалось, он стоит совсем рядом. Он прошел вниз по реке по бечевнику и снова вышел на берег у лещины. В ярком свете луны они ясно видели его горевший яростью единственный глаз, видели тычки на его удочке, прищепки для белья и моток веревки в корзине, висевшей в него на сгибе локтя. Они были прямо у него под боком. Будь между ними суша, четыре шага — и они оказались бы в его руках.

— О боже, — бормотала Хомили, — что же теперь?

Прислонив удочку к лещине, Кривой Глаз поставил корзинку на землю и вынул оттуда две крупные рыбыны, связанные вместе за жабры. Затем тщательно завернул рыбу в листья щавеля.

— Радужная форель, — сказала Арриэтта.

— Откуда ты знаешь? — спросила Хомили.

Арриэтта заморгала.

— Знаю, и все, — сказала она.

— Том — вот от кого она это знает, — сказал Под. — Скорее всего так. Ведь его дед — лесник. И про браконьеров от него, да, Арриэтта?

Арриэтта не отвечала, она внимательно следила, как Кривой Глаз прячет рыбу в корзину. Он старательно

уложил ее на самое дно под прищепки для белья, а сверху прикрыл двумя мотками веревки.

Арриэтта рассмеялась.

— Будто, — презрительно шепнула она, — они переворошат всю его корзинку.

— Тихо, Арриэтта, — сказала Хомили, не отрывая взгляда от Кривого Глаза; тот, глядя на них в упор, подошел к самой воде. — Смеется тот, кто смеется последним...

На берегу Кривой Глаз уселся и, не выпуская добычу из виду, принялся расшнуровывать ботинки.

— Ах, Под, — вдруг закричала Хомили, — видишь эти ботинки? Это те самые, да? Подумать только, что мы жили в одном из них! В котором, Под? В правом или левом?

— В том, на котором заплата, — сказал Под, настороженно смотря на Кривого Глаза. — Нет, задумчиво прибавил он, — у него ничего не выйдет. Сюда ему вброд не подойти.

— Подумать только, что на нем ботинок, который ты чинил, Под!

— Спокойно, Хомили, — умоляюще сказал Под.

Кривой Глаз уже разулся и теперь закатывал штанины.

— Приготовьтесь к отходу.

— А я уже было полюбила этот ботинок! — еле слышно воскликнула Хомили.

Она как зачарованная смотрела на ботинки, аккуратно поставленные на траву.

Уцепившись за склоненную к воде ветку лещины, Кривой Глаз вступил в воду. Она дошла ему всего до лодыжек.

— О господи, — шепнула Хомили, — здесь мелко. Лучше отойдем подальше...

— погоди, — сказал Под.

Еще шаг, и вода покрыла Кривому Глазу колени, замочив подвернутые штаны. Он растерянно остановился, все еще держась за ветку.

— Спорю, что вода холоднющая, — шепнула Арриэтта. Кривой Глаз прикинул расстояние до «острова», затем, переплывшись, посмотрел на берег. Перехватив рукой ветку, он шагнул вперед и очутился в воде по самые плечи. Добывайки видели, как он вздрогнул от холода и взглянул на ветку над головой. Она уже сильно нагнулась; двигаться дальше было небезопасно. Затем его свободная рука протянулась к ним, и он стал наклоняться вперед...

— О боже, — застонала Хомили, когда смуглое лицо нависло над ней. Жадно вытянутые пальцы неотвратимо приближались. Еще немного и...

— Не бойтесь, — сказал Под.

Казалось, цыган его услышал. Черный зрячий глаз слегка расширился, кривой безучастно смотрел в сторону. Река тихо струилась вперед, штаны Кривого Глаза намокали все больше. До них долетело его тяжелое дыхание.

Под откашлялся.

— Тебе сюда не добраться, — проговорил он.

И снова зрачок цыгана расширился, челюсть отвисла. Но сказать он ничего не сказал, лишь дышать стал еще глубже и снова посмотрел на берег. Затем стал неуклюже пытаться назад, цепляясь за ветку и нащупывая, куда поставить ногу на топком дне. Под его тяжестью ветка угрожающе скрипела, и, выйдя на мелкое место, он тут же ее отпустил и пошлепал по воде к берегу. Там, мокрый до пояса, он остановился, тяжело дыша и угрюмо глядя на них. Лицо его ничего не выражало. Но вот он сел на землю и, по-прежнему не сводя с них глаз, трясущимися руками свернул себе сигарету.

Глава 20

— Я вам говорил, что у него ничего не выйдет, — сказал Под, — ему до нас еще шага два было, не меньше... Он похлопал Хомили по руке.

— Нам всего-то и надо — продержаться до полночи темноты. А там Спиллер нас заберет.

Они сидели рядком на одной ветке лицом к верхнему течению реки. Чтобы видеть Кривого Глаза, им надо было слегка повернуться налево.

— Посмотри на него, — шепнула Хомили, — он все еще размышляет.

— Пусть, — сказал Под.

— А вдруг Спиллер приплывет прямо сейчас? — сказала Арриэтта, с надеждой обшаривая глазами водную гладь.

— Сейчас Спиллеру ничего не удастся сделать, — сказал Под, — у него под носом. Даже если Спиллер сейчас приплывет... он увидит, что с нами все в порядке и спрячется где-нибудь поблизости, пока не стемнеет. А потом подведет барку с той, противоположной, стороны и возьмет всех нас на борт. Уверен, что именно так он и сделает.

— Пока не стемнеет? Какая темнота при полнолунии? — запротестовала Арриэтта.

— Полнолуние или нет, — сказал Под, — Кривой Глаз не будет сидеть здесь всю ночь. Он скоро проголодается. Притом он думает, что мы, так сказать, связаны по рукам и ногам и он вполне может оставить нас тут до утра. А когда рассветет, он снова сюда заявится со всем снаряжением.

— А что это за снаряжение? — тревожно спросила Хомили.

— Я надеюсь, — сказал Под, — что утром нас здесь не будет, и нам не придется это узнать.

— Откуда ему известно, что мы не умеем плавать? — спросила Арриэтта.

— Оттуда же, откуда нам известно это про него; если бы умел, приплыл бы сюда. То же самое относится к нам.

— Глядите, — сказала Арриэтта, — он снова поднялся... достает что-то из корзинки!

Они напряженно смотрели, как Кривой Глаз, не выпуская изо рта сигареты, принялся нащупывать что-то среди прищепок.

— О боже! — сказала Хомили. — Видите, что он делает? Он вытащил моток веревки. Мне это не нравится, Под. Сдается мне, — она судорожно вздохнула, — что это и есть снаряжение.

— Сиди спокойно и ничего не упускай из виду, — сказал Под.

Кривой Глаз осторожно отмотал часть веревки, затем, в руку ее конец, стал всматриваться в ствол де-

Я знаю, что он собирается делать, — прошептала Хомили.

— Спокойно, Хомили... мы все знаем. Но, — Под прищурился, пристально глядя, как Кривой Глаз привязывает веревку к одной из верхних ветвей, — но я не совсем понимаю, что это ему даст...

Спустившись с узловатого корня на землю, Кривой Глаз изо всех сил дернул веревку, проверяя, крепкий ли узел. Затем, повернувшись к ним лицом, поглядел на другой берег. Добываяйки обернулись, чтобы увидеть, на что он смотрит.

— Он хочет перебросить веревку на ту сторону, — вздохнула Хомили и инстинктивно пригнулась, когда моток, пролетев у них над головой, упал на противоположном берегу.

Свободная часть веревки, чуть не задев их «остров», протянулась по воде.

— Хорошо бы нам ее подцепить, — сказала Хомили, но не успела она закончить, как течение отнесло веревку прочь. Сам клубок, видно, зацепился за колючки куманики, росшей у подножия ольхи.

Кривой Глаз куда-то исчез. Наконец они снова его увидели — в конце бечевника, почти у самого моста.

— Не представляю, что он задумал, — сказала Хомили, в то время как Кривой Глаз, по-прежнему босой, бежал

по мосту. — Зачем ему было бросать туда веревку? Ч
он станет делать — ходить по канату или что?

— Не совсем, — сказал Под, — скорее наоборот, по
канатом. Он ладит что-то вроде моста над головой
двигаешься вперед, перебирая руками. Сам так один раз
перелезал с кресла на столик.

— Ну для этого нужны обе руки! — воскликнул
Хомили. — Я хочу сказать, ему трудно будет схватить
нас по пути. Разве что ногой.

— И ему вовсе ни к чему переправляться на другую
сторону, — устало объяснил ей Под. — Ему только надо
за что-то держаться, за такое, что длиннее, чем ветка
лещины, и достаточно прочно. Чтобы было легче сюда
подойти и безопасней нагнуться... ведь он был очень
близко от нас в прошлый раз. Помнишь?

— Да... — тревожно сказала Хомили, глядя, как Кривой
Глаз с трудом пробирается по левому берегу к ясеню. —
На этом поле одна стерня, — злорадно добавила она,
помолчав.

Веревка взлетела в воздух, окропив их брызгами, когда
Кривой Глаз подтащил ее и привязал к дереву. Она
дрожала у них над головой, роняя редкие капли, — туго
натянута, прямая и на вид очень крепкая.

— Выдержит двоих таких, как он, — сказал Под.

— О господи! — прошептала Хомили.

Они не сводили взгляда с ясеня: конец веревки свисал
вдоль ствола до земли, все еще слегка покачиваясь.

— Знает, как завязать узел... — заметила Хомили.

— Да, — кивнул Под с еще более мрачным видом. —
В два счета его не развяжешь.

Обратно Кривой Глаз шел вразвалку. Остановился на
мосту и посмотрел на реку, словно хотел полюбо-
ваться своей работой. Он не спешил, так он был уверен
в себе.

— Ему видно нас оттуда? — спросила Хомили,
прищуриваясь.

— Сомневаюсь, — сказал Под. — Нет, если мы не сойдемся. Разве заметит твою юбку...

— Впрочем, это уже не важно, — сказала Хомили.

— Да, теперь не важно, — согласился Под. — Пош- добавил он, в то время как Кривой Глаз спустился с моста и двинулся в их сторону по бечевнику за кустами. — Я думаю, нам лучше перейти на тот край «острова» и порознь сесть верхом на хороший, крепкий прут, такой, чтобы можно было на нем удержаться. Не важно, получится у него что-нибудь или нет, мы, все трое, должны не терять головы и положиться на счастливый случай. Ничего другого нам не остается.

Каждый из них выбрал себе прут — крепкий и гибкий, чтобы он держался на плаву, с отростками, за которые можно было уцепиться. Под помог Хомили удержаться; она так отчаянно дрожала, что с трудом поддерживала равновесие.

О, Под, — простонала она, — я сама не своя, сидя одна-одинешенька. Лучше бы мы сели все вместе.

— Мы будем рядом, — успокаивал ее Под. — А Кривой Глаз, может, и не сумеет близко к нам подобраться. Ты, Хомили, ухватись покрепче и, что бы ни случилось, не отпускай рук. Даже если попадешь в воду.

Арриэтта сидела на своем пруте как на велосипеде: были две выемки для ног и сучки, чтобы взяться руками. Как ни удивительно, она совсем не волновалась. Она чувствовала, что если ее прут и оторвется от «острова», она все равно не утонет — будет держаться руками и бить ногами, как веслами.

— Ты же видела, — объяснила она матери, — как плавают водяные жуки...

Но Хомили, куда больше, чем Под или Арриэтта, похожая на водяного жука, была безутешна.

Под уселся на узловатую ветку бузины.

— И двигайся к тому берегу, — сказал он, кивая головой на ясень, — если вообще сможешь куда-нибудь

двигаться. Видишь конец веревки, который там болтался. Можно будет за него ухватиться. Или за куманику, там где ветки спускаются в воду... Зависит от того, где окажешься...

Они были так высоко, что Хомили могла со своей «наседа» позади прутьев и веток следить за Кривой Глазом.

— Двинулся, — зловеще сказала она.

Ее глухой, ничего не выражающий голос звучал спокойно, но это было спокойствие отчаяния.

На этот раз Кривой Глаз обеими руками взялся за веревку и более смело спустился с берега вниз. Делая осторожных шагов, и он уже стоял по бедра в воде; тут он приостановился.

— Еще один шаг, и все, — сказал Под.

Кривой Глаз убрал правую руку с веревки и наклонившись вперед, протянул ее к ним. Пальцы его слегка шевелились — он старался рассчитать расстояние. Натянутая прежде веревка под его тяжестью провисла, зашелестели листья лещины. Кривой Глаз снова оглянулся назад, как и в первый раз, дерево казалось гибким и крепким, и это, видимо, ободрило его, но с того места, где они находились, добываяки не могли рассмотреть выражение его лица, так как становилось все темней. Где-то во мгле печально замычала корова, затем послышался велосипедный звонок. Ах, если бы наконец приплыл Спиллер...

Скользнув вперед пальцами по веревке, Кривой Глаз сомкнул их крепкой хваткой и, стараясь не потерять равновесия, сделал еще один шаг. По-видимому, там было глубоко, но он подошел так близко, что ветки наполовину скрывали его. Добываяки больше не видели протянутых к ним пальцев, хотя слышали треск сучьев и ощущали, как движется «остров», в то время как Кривой Глаз тащит его к себе.

— Ах, Под, — воскликнула Хомили, чувствуя безжа-

...ную силу невидимой руки и слыша под собой скрип
скрежет, — ты был так добр ко мне! Всю жизнь. А я
...тогда тебе не говорила, Под, ни одного раза, каким
...рошим мужем ты всегда мне был...

Она замолчала, не докончив фразы, и в ужасе
...енилась в свой пруттик, «остров» резко накренился.
...завался глухой хруст, две крайние ветки медленно
...гнулись с места и, качаясь, поплыли вниз по реке.

— У тебя все в порядке, Хомили? — позвал ее Под.
— Пока что да, — ответила она, судорожно глотая
...здох.

А дальше все произошло одним махом. Хомили
...видела, как, наклонившись вперед, чтобы схватить их
...остров», Кривой Глаз — ну и удивленный же у него был
...ид! — падает лицом в воду. Оглушительный плеск, и
...обывайки погружаются вместе с ним, хотя Хомили
...дится, что не они идут вниз, а, напротив, вода
...нимается им навстречу. Она было открыла рот, чтобы
...кричать, но вовремя закрыла его. Мимо нее неслись
...путьрьки воздуха, цеплялись за тело усики водорослей.
Холодная как лед вода была полна шума и движения. Не
...успела Хомили выпустить свой сучок, чтобы он, как ей
...подумалось, не утянул ее на дно, как «остров» обрел
...свободу и устремился вверх. Кашляя и ловя ртом воздух,
Хомили всплыла на поверхность; она снова увидела
деревья, восходящую луну и глубокое вечернее небо. Она
громко позвала Под.

— Я здесь, — откликнулся сдавленный голос где-то
...зади. Раздался кашель. — И Арриэтта тоже. Держись
...репче, как я тебя учил. Мы на плаву...

Удерживаемый одним концом проволоки, «остров»
медленно вращался вокруг своей оси, двигаясь по кривой
к берегу, где рос ясень. Хомили догадалась, что, падая,
Кривой Глаз столкнул с места все сооружение.

Они остановились почти у самого берега. Хомили
увидела побеги куманики и ствол ясеня со свисающей

веревкой. Под и Арриэтта уже спустились на ближний берегу край «острова» и теперь, повернувшись к ним спиной, что-то внимательно там рассматривали. Когда скользя и оступаясь на мокрых ветках, Хомили пробилась к ним, она услышала, как, схватив отца за руку, Арриэтта взволнованно повторяет:

— Это она, это она...

Хомили подошла поближе, и Под обернулся, чтобы помочь ей перебраться через завал. Вид у него был озадаченный, казалось, он теряется в догадках. Со спиной у него, как скользкий хвост, свисал длинный кусок водоросли.

— Что с тобой, Под? У тебя все в порядке?

Позади них раздались вопли ужаса — это Кривой Глаз, вынырнув из глубины, пытался нащупать ногой дно. Напуганная Хомили схватила Поду за локоть.

— Не бойся, — сказал он, — ему не до нас. Во всяком случае, сегодня...

— Что случилось, Под? Вербка лопнула или что? А может, сломалось дерево?

— По-видимому, — сказал Под, — веревка. Но я не пойму как. Послушай, что говорит Арриэтта. — Он кивнул на берег. — Она говорит — там стоит барка Спиллера.

— Где?

— Там, под куманикой.

Хомили, уцепившись за Поду, чтобы не упасть, вытянула вперед шею. Берег был совсем рядом — какой-нибудь один человеческий шаг.

— Это она, я знаю, что она, — снова вскричала Арриэтта, — вот та штука, похожая на бревно!

— Она похожа на бревно, — сказал Под, — потому что это и есть бревно.

— Спиллер! — позвала Хомили, повышая голос, и еще внимательнее стала всматриваться в куманику.

— Пустое дело, — сказал Под. — Мы уже звали. И если бы там была его барка, он бы ответил. Спиллер! —

Снова позвал он громким шепотом, — Ты здесь?

Ответа не было.

А это что? — воскликнул Под, обрачиваясь.

На противоположном берегу, где возле бечевника, мелькнул огонек.

— Кто-то едет, — шепнул он.

Хомили услышала шорох велосипедных шин, затем скрип тормозов. Велосипед остановился. Кривой Глаз перестал ругаться и отфыркиваться и молчал, хотя все еще был в воде. Воду нарушал лишь плеск реки. Только было Хомили открыла рот, как Под предостерегающе схватил ее за руку.

— Шш, — шепнул он.

Человек на противоположном берегу продирался сквозь кусты. Снова вспыхнул огонек, описал круг. Он слепил Хомили, полумрак стал мраком.

— Хелло... хелло... — раздался голос.

Это был молодой голос, строгий и вместе с тем веселый. Голос показался Хомили знакомым, хотя чей — она пока сказать не могла. А затем она вспомнила последний день в Фирбэнке под полом кухни, вспомнила, что творилось наверху и что им пришлось пережить. Ну конечно же, это голос старинного врага миссис Драйвер, полисмена Эрни Ранэйкра.

Она обернулась к Поду.

— Шш, — опять прошептал он.

Круг света от фонарика задрожал на воде. Под знал: если они не будут двигаться, их трудно будет разглядеть среди веток. Вдруг Хомили громко перевела дыхание.

— Ой, Под! — воскликнула она.

— Тише, — настойчиво повторил Под, крепко сжимая ей локоть.

— Наши ножницы, — не отступалась Хомили, понижая голос до еле слышного шепота. — Погляди же, Под, на ясене, посередине ствола...

Да, это было его собственное лезвие от ножниц; оно висело, поблескивая на фоне коры, держась каким-то таинственным образом на свободном конце веревки, которую оставил болтаться Кривой Глаз.

— Значит, это все-таки барка Спиллера, — взволнованно шепнула Арриэтта.

— Спокойней, не шевелитесь, — умоляюще произнес Под, почти не разжимая губ, — пока он не перестанет сюда светить.

Но, по-видимому, Эрни Ранэйкр, стоявший на другом берегу, не замечал ничего, кроме Кривого Глаза.

— Эй! — услышали они его напористый голос, типичный голос полисмена. — Что тут происходит?

И луч света скользнул в сторону и остановился на цыгане.

Под облегченно вздохнул.

— Так-то лучше, — сказал он своим обычным тоном и немного расслабился.

— Где же Спиллер? — не могла успокоиться Хомили. Зубы ее стучали от холода. — Может быть, с ней случилась беда?

— Но он же был на ясене, — горячо прервала ее Арриэтта, — спускался по коре на землю, а лезвие висело у него на плече.

— Ты что — видела его?

— Нет, Спиллера увидеть нельзя. Только если он сам захочет.

— Он вроде бы слился с корой, — объяснил Под.

— Но если вы его не видели, — спросила, помолчав, Хомили, — как вы можете быть уверены, что он там был?

А мы и не уверены в этом, — сказал Под.

Хомили еще сильнее растревожилась:

— Вы думаете, Спиллер разрезал веревку?

— Похоже на то, — сказал Под. — Влез по свободному концу на дерево — ведь он спускался донизу, — как, Хомили, я лазал дома по тесьме?

Хомили уставилась на куманику.

— Но, послушай, если там, под ветками, и правда есть его барка — в чем я сомневаюсь, — почему он не идет и не заберет нас?

— Я уже говорил тебе, — устало произнес Под, — он боится темноты. Подумай сама, Хомили. Спиллеру нужна эта река... она дает ему средства к жизни. Верно, он мог вызволить нас. Ну а вдруг бы Кривой Глаз его убил? С той минуты все цыгане стали бы его преследовать... его и барку. Понимаешь, что я хочу сказать? Глаз бы не спускали с реки. Порой, — продолжал Под, — ты такое городишь, словно ты не добывайка. И ты и Арриэтта — обе вы. Словно вы и не слышали о таких вещах, как укрытие, и в этом духе, не говоря уж о том, что для нас значит, если нас увидят. Вы ведете себя так, словно обе вы — человеки.

— Право, Под, — запротестовала Хомили, — совсем не к чему браниться.

— Но я и правда так думаю, — сказал Под. — К тому же Спиллер знал, что с нами все в порядке и можно подождать до темноты. Раз мы отрезали крючок.

Они замолчали, прислушиваясь к плеску воды у другого берега. Привлеченная звуком знакомого голоса, Хомили отошла от Пода, желая узнать, что там происходит.

— Ну-ка вылезай, — говорил Эрни Ранэйкр, — ставь ногу на этот корень. Так. А теперь дай мне руку. Рановато для купанья, я бы сказал. Я бы лично в воду не полез. Скорей уж попробовал бы поудить... конечно, если бы мне было наплевать на запрещение... Ну, что там, давай

шевелись. — У него прервалось дыхание, точно он тонул в какую-то тяжесть. — Раз, два, три — хоп! Вот мы и здесь! Ну-ка взглянем, что в этой корзинке...

Чтобы лучше их разглядеть, Хомили влезла на борт и тут почувствовала ладонь Пода у себя на плече.

— Смотри! — в волнении вскричала она, хватая за пальцы. — Он сейчас найдет эту рыбу — его добычу! Зеркальную форель, или как там она называется...

— Пошли, — шепнул Под.

— Одну минутку, Под...

— Но нас ждет Спиллер, — настойчиво сказал Под. Он говорит, что лучше отчалить сейчас, пока они занимаются корзинкой... и что от света фонарика на берегу река кажется темней.

Хомили медленно обернулась. Рядом, рукой подталкиваемая, колыхалась на волнах барка Спиллера. А сам он вместе с Арриэттой стоял на корме. В лунном свете были ясно видны их лица, бледные на темном фоне листвы. Было тихо, лишь журчала река.

Словно во сне Хомили начала спускаться.

— Спиллер... — еле слышно сказала она.

И, оступившись, чуть не свалилась на Пода.

Бережно поддерживая прильнувшую к нему жену, Подовел ее до воды. Помогая ей подняться на борт, он сказал:

— Вы с Арриэттой лучше идите под навес. Тесновато сейчас из-за груза, но тут уж ничего не попишешь...

Но Хомили задержалась, она молча смотрела на Спиллера, столкнувшись с ним на корме. Она не могла найти слов благодарности и не решалась пожать ему руку. У него вдруг сделался отчужденный вид — перед ней был начальник, капитан. Она просто стояла и смотрела на него, пока, насупившись от смущенья, он не отвернулся.

— Пошли, Арриэтта, — хрипло сказала Хомили; и они покорно скользнули под гетру.

Глава 21

Забравшись на груз, выпирающий там и сям буграми, Арриэтта и Хомили прижались друг к другу, чтобы согреть последние остатки тепла. Когда Под опустил гетры и Спиллер оттолкнулся от берега веслом, Хомили громко вскрикнула.

— Все в порядке, — успокоила ее Арриэтта, — мы уже плывем, нас качнуло в последний раз.

Барка плавно скользила по волнам, искусно меняя курс при каждом повороте. На корме, за аркой, обрамленной задним концом гетры, словно в рамке виднелись Под и Спиллер. «О чем они разговаривают?» — спросила себя Арриэтта. Как бы ей хотелось их слышать!

— Под простудится до смерти, — простионала Хомили, — и мы тоже.

Луна становилась все ярче, фигуры на корме покрылись серебром. Ничто не шевелилось, кроме весла в руке Спиллера; ловко, даже небрежно, он вел барку вниз по течению. Один раз до них донесся смех Пода, другой раз он воскликнул: «Провались я на этом месте!»

— Не будет у нас никакой мебели и ничего другого, — сказала, помолчав, Хомили, — только платье, что у нас на плечах, если это можно назвать платьем. Четыре стены — вот все, что у нас будет, четыре стены...

— И окна, — сказала Арриэтта. — И крыша над головой, — мягко добавила она.

Хомили громко чихнула.

— Да, если мы выживем, — фыркнула она, нашаривая платок.

— Возьми мой, — сказала Арриэтта, протягивая ей промокший комочек, — твой улетел вместе с юбкой.

Хомили высморкалась и подколола сырые волосы; затем, еще тесней приникнув друг к другу и глядя на силуэты на корме, они снова замолчали.

— К тому же твой отец потерял ножовку, — сказала она наконец.

— А вот и папа, — заметила Арриэтта, когда фигура заслонила выход на корму. И, схватив руку матери, воскликнула: — Все будет хорошо, я знаю. Посмотри, он улыбается...

Под залез на груз и подполз к ним на четвереньках.

— Подумал: стоит тебе сказать, — начал он, слегка понизив голос, — Спиллер говорит, у него в трюме столько всякого добра, что нам вполне хватит на обустройство.

— Какого добра? — спросила Хомили.

— Продукты в основном. И кое-какие инструменты и прочее, чтобы возместить нам лезвие от ножниц.

— Одежда — вот чего нам не хватает.

— Спиллер говорит, в Литл-Фордэме полно всякой одежды: перчатки, носовые платки, шарфы, вязаные вещи, — бери что хочешь. Дня не проходит, чтобы кто-нибудь что-нибудь не потерял.

Хомили молчала.

— Под, — сказала она наконец, — я так и не поблагодарила его.

— Ничего страшного. Он не любит благодарностей.

— Но, Под, должны же мы что-то для него сделать.

— Я уже об этом подумал, — сказал Под, — как только мы устроимся, так сказать, под своей крышей, мы сможем много чего для него добывать. Скажем, каждый вечер станем обходить все улицы после закрытия. Понимаешь, о чем я толкую?

— Да, — неуверенно сказала Хомили.

Ей трудно было представить себе Литл-Фордэм.

— Пустите-ка меня, — сказал Под, протискиваясь мимо них. — Спиллер говорит, там, на носу, у него лежит куча овечьей шерсти. Раздевайтесь да залезайте в нее. Можете поспать. Спиллер говорит, мы доберемся туда только к рассвету...

— А ты как же, Под? — спросила Хомили.

— Со мной все в порядке, — сказал Под из темноты. — Спиллер дает мне на время свой костюм. А-а, вот она, шерсть, — добавил он и начал передавать ее Хомили.

— Костюм? — удивленно переспросила Хомили. — Какой костюм?

Она принялась механически складывать овечью шерсть в кулак. Пахла шерсть не очень-то приятно, но зато ее было много.

— Его летнюю одежду, — сказал Под смущенно.

— Значит, Люпи дошила ее?

— Да, он за ней вернулся.

— Ах! — воскликнула Хомили. — А про нас он им что-нибудь рассказывал?

— Ни слова. Ты же знаешь Спиллера. Рассказывали они ему. Говорит, Люпи очень расстроена. Ты, мол, была ее лучшим другом. Больше чем другом — сестрой, говорит она. Похоже, она надела траур.

— Траур? По кому?

— По нам, я думаю, — сказал Под.

Он слегка улыбнулся и стал расстегивать жилет.

Некоторое время Хомили молчала. Затем тоже улыбнулась — по-видимому, мысль о Люпи в трауре польстила ей.

— Подумать только! — сказала она и, внезапно оживившись, принялась расстегивать блузку.

Арриэтта разделась еще раньше и закуталась в овечью шерсть.

— Когда Спиллер увидел нас в первый раз? — сонно спросила она.

— Заметил нас в воздухе, — сказал Под, — когда мы были на крючке.

— Господи... — пробормотала Арриэтта. Борясь с дремотой, она попыталась вернуться мысленно к тому моменту. — Вот почему мы не видели его.

— И Кривой Глаз тоже. Слишком большая суматоха.

Спиллер, не мешкая, воспользовался этим: подвел бара как можно ближе и загнал ее под куманику.

— Странно, что он нас не позвал.

— Он звал, — сказал Под, — но он все же не был нас под самым носом. А река так шумела...

— Шш, — шепнула Хомили. — Девочка засыпает.

— Да, — продолжал Под, понизив голос, — он-то не звал, да мы-то его не слышали. Кроме того одного раза конечно.

— Когда? — спросила Хомили. — Я ничего не слыхал.

— Когда Кривой Глаз в четвертый раз закинул удочку, — прошептал Под, — и крючок вонзился в нашу ветку. Ту, на которой мы стояли. Помнишь? И я старался выдернуть его. Спиллер заорал тогда во все горло: «Перережь леску!» А я подумал, что это ты кричишь...

— Я?.. — сказала Хомили.

В полумраке послышался какой-то шорох.

— Но это был Спиллер, — сказал Под.

— Ну и ну... — проговорила Хомили.

Голос ее звучал глухо; скромность не позволяла ей раздеваться у всех на глазах, и она зарылась в овечью шерсть. Наконец оттуда вынырнула голова и одна тощая рука, держащая скатанное в узел белье.

— Как ты думаешь, можно его где-нибудь развесить на просушку?

— Оставь его здесь, — сказал Под. В это время он, кряхтя, влезал в костюм Спиллера. — И Арриэттино тоже. Я спрошу у него... Полагаю, мы найдем какой-нибудь выход. По-моему, — продолжал он, натянув на живот куртку и подтянув штаны, — в нашей теперешней жизни, что бы ни случилось, всегда есть выход из положения. Так было и скорей всего так будет. Вот что я думаю. Может быть, мы нанижем одежду на спицу и выставим наружу, чтобы ее продуло ветром...

Хомили молча смотрела, как он собирает вещи.

— Может быть, — сказала она.

— Скажем, закрепим острие и поднимем спицу
нишечкой вверх, — предложил Под.

— Я имела в виду, — мягко прервала его Хомили, —
то, что ты сказал раньше: что всегда есть выход из
положения. Беда в том, так мне кажется, что не всегда
можешь его найти.

— Да, в том-то и беда, — согласился Под.

— Понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — сказал Под и замолчал, обдумывая ее сло-
ва. — Ну, что ж... — сказал он немного погодя и
повернулся, чтобы уйти.

— Минутку, Под, — окликнула его Хомили, приподни-
маясь на локте. — Дай мне тебя осмотреть. Нет, подойди
поближе. Повернись немного... Так, да. Хоть бы тут было
посветлее... — Сидя в своем шерстяном гнезде, Хомили
молча смотрела на мужа, и взгляд ее был необычайно
ласковым. — Да, — наконец решила она, — белое вроде
бы тебе к лицу.

Эпилог

В большой кухне Фирбэнк-Холла садовник Крэмпфирл
отодвинул стул от стола. Коваяря в зубах заостренной
спичкой, он уставился на угли в плите.

— Странно... — пробормотал он.

Миссис Драйвер, кухарка, убиравшая со стола, пере-
стала складывать стопкой тарелки и подозрительно
скосила на него глаза.

— Что именно?

— То, что я видел.

— Где... на рынке?

— Нет... сегодня вечером по пути домой...

Крэмпфирл замолчал и снова уставился в огонь.

— Вы помните ту историю — это было в марте
прошлого года, если не ошибаюсь, — когда мы взламывали
здесь пол?

Смуглое лицо миссис Драйвер еще потемнело. Сжав губы, она с грохотом поставила на стол тарелки и принялась сердито бросать ложки в лохань.

— Ну и что?

— Вы сказали, там, под полом, было гнездо. Разодетые мыши, сказали вы.

— Никогда я не...

— Спросите Эрни Ранэйкра, он был здесь — хохотал до упаду... Разряженные мыши, сказали вы. Ваши собственные слова. Видела, мол, как они бегают...

— Клянусь, я никогда не...

Крэмпфирл задумчиво посмотрел на миссис Драйвер.

— Вы, конечно, можете это отрицать. Но я и сам еле удержался от смеха... я хочу сказать, когда вы забрались на стул и...

— Хватит.

Миссис Драйвер подтянула к себе табурет и тяжело села. Наклонившись вперед и опершись локтями о колени, она глядела в упор на Крэмпфирла.

— Предположим, я действительно видела их, — что тогда? Что тут смешного? Беготня, писк, визг... — Голос ее поднялся. — Мало того... Я вам вот что сейчас скажу, Крэмпфирл. — Она перевела дыхание. — Они были больше похожи на людей, чем на мышей. У одной даже были на голове...

Крэмпфирл не сводил с нее глаз.

— Продолжайте. Даже были — что?

— Папильотки...

Миссис Драйвер сердито нахмурилась, словно хотела сказать: «Только засмейся!» Но Крэмпфирл не смеялся. Он медленно кивнул. Сломал спичку пополам и кинул в огонь.

— И все же, — сказал он, поднимаясь с места, — если бы там что-нибудь было, мы бы, надо думать, нашли. Ведь и пол подымали, и дыру под часами законопатили.

Он громко зевнул и потянулся.

— Что ж, гойду. Спасибо за пирог.

Миссис Драйвер не шевельнулась.

— Они и сейчас могут быть здесь. Откуда мы знаем? — не уступала она. — Половина комнат в доме открыта.

— Нет, вряд ли, мы столько сторожили тогда, да и среды какие-нибудь они оставили бы. Нет, не думаю. Мне кажется, они убежали — конечно, если было кому убежать.

— Еще как было! Но что толку об этом говорить, тогда этот Эрни Ранэйкр поднял меня на смех. Лучше скажите мне, — она проницательно взглянула на него, — что-то почему вдруг так изменились?

— Не могу сказать, что я изменился. Просто стал об этом всем думать. Помните шарф, который вы тогда взяли? Серый такой. Вы не запомнили, какого цвета были спицы?

— Спицы?.. Вроде бы кораллового... Такие розоватые...

— Кораллового?

— Сейчас я их вам покажу. Они у меня здесь.

Миссис Драйвер подошла к шкафу, выдвинула ящик, вынула пучок спиц, перевязанных шерстишкой.

— Вот они, эти две спицы. Скорее розовые, чем коралловые. Почему вы спрашиваете?

Крэмпырл взял в руки связку. С любопытством повертел в руках.

— Почему-то мне казалось, что они желтые... — сказал он.

— Верно. Подумать только, что вы запомнили. Начала вязать и правда желтыми, но потом одну из них потеряла; в тот день ко мне приехала в гости племянница, и мы пили чай в саду.

Повертев связку, Крэмпырл вытащил одну спицу; она была янтарного цвета и слегка просвечивала. Он задумчиво измерил ее пальцами.

— Вторая такая же, как эта, да?

— Верно. А что, вы ее нашли?

Крэмпфирл покачал головой.

— Не совсем так.

Он глядел на спицу, крутя ее в пальцах: той же толщины та, другая, и если взять в расчет, что видна она была не целиком, той же длины. Освещенная луной она казалась на фоне темной воды хрупкой, как стекло. Мачта? Не веря своим глазам, он низко свесился через перила моста, стараясь получше все разглядеть. На корме, облитое с обеих сторон серебром, мелькало весло — словно рыба. Когда суденышко подплыло поближе, он рассмотрел, что весло — это десертный нож, заметил странную форму навеса и неглубокую, как у баржи, осадку корпуса. Сигнальные флаги, спускавшиеся с топа мачты, были скорее похожи на одежду, которую вывесили на просушку, — крошечные штаны, трусики и кальсоны. Венчала все это красная фланелевая юбка, хлопающая на ветру. Детская игрушка, подумал было Крэмпфирл, брошенная и забытая, оставленная на волю волн... И тут, когда суденышко подошло к тени от моста, он различил в свете луны лицо, глядевшее с кормы навверх, — бледное, как яичная скорлупа, с расплывчатыми чертами. Взмах весла, блеснувшего, как рыбий хвост, разбил поверхность воды на блески, и посудинка исчезла под мостом.

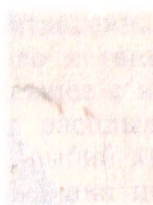
Нет, решил Крэмпфирл, стоя на кухне и вертя в руках спицу, он не станет рассказывать об этом миссис Драйвер. Ни это, ни то, как суденышко выплыло из-под моста и двинулось вниз по течению. Черный силуэт четко выделялся на сверкающей воде, так же четко было очерчена летящая по ветру одежда... Не расскажет он и про то, как, становясь все меньше, оно наконец скрылось в тени от дерева, наброшенной, точно шаль, на залитую лунным светом реку, и больше он его не видел.

Крэмпфирл вздохнул и, положив спицу вместе с остальными, тихонько задвинул ящик. Нет, он ни о чем не расскажет миссис Драйвер. Во всяком случае не сегодня. Сегодня — нет.

ДО БЫ ВАЙ КИ

В ВОЗДУХЕ

Глава 1

Многим казалось странным, что на свете существуют два игрушечных городка, да еще рядом друг с другом (по правде сказать, был и третий — у девочки по имени Эгнис Мерси Фостер, но там никто не бывал, и его можно не брать в расчет, потому что построен он был ненадолго).

Один игрушечный городок находился в Фордэме и назывался Литл-Фордэм; он принадлежал мистеру Потту. Другой был в Уэнт-ле-Крейсе, назывался Бэллихоггин и принадлежал мистеру Плэттеру.

Начал все это тихо и мирно, для собственного удовольствия и развлечения мистер Потт, а последовал за ним, причем совсем по другим соображениям, деловой мистер Плэттер.

Мистер Потт служил раньше на железной дорогепутевым обходчиком и однажды вечером в полутьме на пустынном участке пути потерял одну ногу, но не по небрежности, а потому что хотел спасти жизнь барсуку.

Мистер Потт всегда волновался из-за лесных тварей. Одноколейка шла через лес, а в сумерках барсуки выходили на прогулку и с сопеньем трусили по шпалам. Особой угрозы для них не было, разве что два раза в году, когда последний поезд из Хэттерс-Кросса пересекал лес ранним вечером — в излюбленное барсуками время для вылазок. Поезд исчезал, и в лесу снова наступала тишина; лисицы, кролики и зайцы перебегали рельсы без опасения для жизни, опять принимались выводить рулады соловьи.

В те ранние дни существования железной дороги уединенная сигнальная будка, где жил мистер Потт, была для него родным домом. Там у него был чайник и стол под плюшевой скатертью, стояло вагонное кресло с сломанными пружинами, висели масляные фонари. Скучая время между редкими поездами мистеру Потту помогали лобзик, коллекция марок и захватанная пальцами Библия, которую он иногда читал вслух. Мистер Потт был хороший человек, очень добрый и деликатный. С любовью любил своих ближних почти так же, как любил поезда. Лобзиком он выпиливал ящички для сбора денег в Железнодорожный благотворительный фонд; он делал их из старых коробок для сигар в виде домиков, и ни один из них не походил на другой. В первое воскресенье каждого месяца мистер Потт, сев на велосипед, объезжал свой городок, вооружившись отверткой и небольшой черной сумкой. У каждого дома он отвинчивал крышку прибитого снаружи ящичка и, пересчитав деньги, кидал их в свою сумку. Иногда (не часто) ящик оказывался пустым, и мистер Потт печально бормотал, отъезжая: «Лисичка снова наведалась в курятник».

Время от времени мистер Потт рисовал картинки, маленькие и очень подробные. На двух была городская церковь, на трех — дом священника, на двух — почта, на трех — кузница и на одной — его собственная сигнальная будка. Он давал их в качестве призы

тем, кто собирал больше всех денег в благотворительный фонд.

В ту ночь, о которой идет речь, барсук укусил мистера Потта — вот в чем была беда. Мистер Потт растерялся, и секундная задержка стоила ему ноги. Мистер Потт так и не увидел следа барсучьих зубов — он был отрезан вместе с ногой... Барсук убежал цел и невредим.

Железнодорожный благотворительный вел себя благородно. Мистеру Потту не скупясь выплатили единовременное пособие и приискали домик за пределами городка, там, где на берегу ручья стояли три старых тополя. Вот здесь-то в своем саду мистер Потт и стал строить на насыпи железную дорогу.

Сперва он купил подержанный набор игрушечных поездов. О том, что они продаются — вместе с электрической батареей, приводящей их в движение, — мистер Потт прочитал в местной газете. Поскольку в его крошечном домике было для этого тесно, он уложил рельсы в саду. Рельсы ему помог сделать кузнец, но со шпалами он управился сам; он вырезал их в одну двадцатую натуральной величины и надежно закрепил на насыпи, так же, как раньше закреплял настоящие шпалы. А затем просмолил их, и когда светило солнце, они пахли, как настоящие. Мистер Потт садился на землю, вытягивал вперед деревянную ногу, закрывал глаза и вдыхал милый его сердцу запах, который словно по волшебству переносил его в былые дни. Но чего-то не доставало. Дыма — вот чего! Да, мистеру Потту нужен был дым, и не только запах его, но и вид. Позднее с помощью мисс Мензиз из Хай-Бича мистер Потт решил эту задачу.

Сигнальную будку он построил из прочного кирпича. Она была как две капли воды похожа на его старую будку, такое же деревянное крыльцо и все прочее. Мистер Потт вставил в окна настоящие стекла и сделал так, что створки открывались и закрывались (зря, что ли, подумал мистер Потт, он сохранил все наклейки от коробок с

сигарами, которые он получал по праздникам от дирекции дороги). Кирпичики он изготовил из красных кирпичей, взятых в полуразрушенном свинарнике; он дробил их, толлок в мелкую пыль и смешивал с цементом. Эту смесь он выливал в форму, которую ставил на большой жестяной поднос. Форма была сделана из старого корсета со стальными пластинками; после того как кузнец спаял их крест-накрест, получилась решетка с крошечными прямоугольными отверстиями. При помощи этого приспособления мистер Потт получал пятьсот кирпичиков сразу. Иногда, чтобы изменить их цвет, он добавлял в свою смесь измельченную охру или красную кошениль. Крышу сигнальной будки он покрыл шифером — тонкими чешуйками соответственной величины все с того же свинарника.

Прежде чем укрепить на стенах крышу, мистер Потт взял комок цементного теста и принялся катать его своими старыми, одревенелыми ладонями. Он сделал четыре колбаски для рук и ног и одну — покороче и потолще — для туловища. Слепил яйцо-голову и приладил ее к плечам. Затем кое-где сдвинул фигурку и снял то, что было лишним, ороговевшим ногтем.

Но результат его не удовлетворил. Чтобы придать неуклюжей кукле больше сходства — ведь он хотел сделать автопортрет, — мистер Потт отсек ей одну ногу до колена и всунул туда спичку. Когда цемент затвердел, он покрасил его сверху: синяя железнодорожная форма, розовое лицо — и приклеил на голову клочок седого мха. За-

тем всунул фигурку в будку. Там она гораздо больше походила на человека и даже вселяла страх — неподвижная, застывшая, вперившая взгляд в окно.

Но сама сигнальная будка казалась совсем настоящей: крыльцо из посеревшего от времени дерева, желтый пиджачник на шиферной крыше, неровно выцветшие от непогоды кирпичи, распахнутые окна и время от времени звонкое щелканье сигналов.

Соседские ребятишки стали сильно докучать мистеру Потту. Они то и дело стучались к нему и просили показать им железную дорогу. Когда мистер Потт сидел на полу, выставив вперед деревяшку, ему было не так-то легко встать, тем более быстро. Но он терпеливо, хотя и с трудом, поднимался и, стуча деревяшкой, ковылял к двери, чтобы впустить своих незваных гостей. Он вежливо приветствовал и провожал в сад через судомойню. Драгоценное рабочее время уходило на ответы, объяснения и суету. Иногда, пока шли расспросы, пересыхал цемент или остывал паяльник. Поэтому вскоре мистер Потт установил правило — пускать к себе он будет только в субботу и воскресенье, и по этим дням двери его дома были всегда открыты. На столе в судомойне он поставил один из своих ящичков для сбора пожертвований и взрослых, которые тоже стали наведываться к нему, просил платить за вход один пенни: выручку он отсылал в Благотворительный фонд. Дети по-прежнему пропускались бесплатно.

После того как мистер Потт смастерил железнодорожную станцию, интерес к его дороге возрос, все больше людей приходили на нее посмотреть, и все больше становилась выручка. Станция была точной копией городской станции, и мистер Потт называл ее Литл-Фордэм (Крошка Фордэм). Название это было выложено белыми камешками на насыпи, покрытой мхом. Прежде чем увенчать вокзал крышей, мистер Потт обставил комнаты внутри. В зале ожидания появились темные жесткие

скамьи, в кабинете начальника станции — высокая деревянная конторка с отделениями для билетов. Кузнец (юноша по имени Генри, который к этому времени горячо разделял увлечение мистера Потта) выковал ему и мягкой стали камин. Они подожгли сухой мох и сосновые иглы, чтобы проверить тягу, и убедились, что труба тянет хорошо.

Но когда крыша оказалась на месте, все это было потеряно для глаз. Заглянуть внутрь через окна можно было, только если лечь на землю, да и это лишь до тех пор, пока мистер Потт не сделал платформу. Крышу платформы он окаймил тончайшей деревянной резьбой, на столбах горели старомодные лампы, которые мистер Потт заправлял маслом.

При скрупулезности мистера Потта и его стремлении все доводить до совершенства постройка станции заняла два года семь месяцев. А затем он принялся за городок.

Глава 2

Мистер Потт никогда не слышал о мистере Плэттере, как и тот не слышал о мистере Потте.

Мистер Плэттер был владельцем похоронного бюро и строительным подрядчиком в Уэнт-ле-Крейсе, городке на другом берегу реки, в которую впадал ручей, протекавший за садом мистера Потта. Они жили совсем близко один от другого, но по дороге через мост путь между ними был немалый. У мистера Плэттера был прекрасный кирпичный дом у шоссе, ведущего в Бедфорд, с гравиевой подъездной дорожкой и садом, спускающимся по склону к реке. Мистер Плэттер сам построил его и назвал Бэллихоггин. Больше всего на свете мистер Плэттер любил деньги и скопил их довольно много. Но люди стали умирать реже, чем прежде, а когда закрылась кирпичная фабрика, желающих поселиться в тех краях стало не так

уж много, потому что кое-как построенные мистером Плэттером домишки для рабочих совершенно испортили ландшафт.

Некоторые из этих домиков так и остались у него на руках, и он помещал объявления в местной газете, где предлагал их «пожилым, удалившимся на покой парам». Он сердился, если, отчаявшись найти других арендаторов, был вынужден сдать домик внаем молодоженам, потому что он умел и любил устраивать дорогие похороны и предпочитал иметь более пожилых клиентов, так сказать, впрок. У мистера Плэттера было непроницаемое лицо и очки без оправы, отражающие свет, поэтому глаз его рассмотреть было нельзя. Однако держался он на редкость вежливо и мягко, так что глаза вы принимали на веру. Милый мистер Плэттер всегда «так добр», говорили родные усопшего, им и в голову не приходило проверить счета.

Мистер Плэттер, низенький и тощий, казался еще меньше рядом с миссис Плэттер, дамой внушительных размеров. У обоих был розовато-лиловый цвет лица, только у мистера Плэттера оттенок был скорее лиловый, а у миссис Плэттер — розовый. Миссис Плэттер была образцовая жена, и оба они с утра до ночи трудились, не жалея сил.

Все больше домиков оставалось пустыми, все реже происходили погребенья, и у мистера Плэттера оказалось слишком много свободного времени. Он никогда не любил сидеть без дела и, чтобы убить время, взялся за цветоводство. Все его цветы содержались как узники — крепко привязанными к колышкам; стоило им чуть-чуть изогнуться или пустить побег не в ту сторону, тут же следовало наказание: здесь подрезали, там подстригали — цветы должны расти по нитке. Скоро растения сдались и безропотно стояли рядами, как гвардейцы по команде «смирно». На лужайки мистера Плэттера тоже стоило посмотреть: очищенные от сорняков, аккуратно скошен-

ные, они полого спускались к реке. Одного взгляда мистера Плэттера с мотыгой в руках было достаточно, чтобы самое хитрое семечко одуванчика, уже поднявшееся в воздух, проворно свернуло в сторону в середине пути. Говорят даже, что маргаритки, внезапно осознав, где они находятся, в одночасье стали из розовых белыми.

Миссис Плэттер в расчете на проезжающие по шоссе автомобили повесила объявление: «Чай» и поставила на траве у дороги прилавок, чтобы продавать цветы и фрукты. Сперва дела шли у них не очень хорошо, но однажды мистера Плэттера осенило, и он написал новое объявление: «Чай на берегу реки». Вот теперь автомобили стали возле них останавливаться. А уж пройдя вместе с хозяйкой за дом и усевшись за столик, проезжающие поневоле пили «общий чай», так как другого не было. Угощение это было дорогим, хотя вместо масла к хлебу подавали маргарин и ядовито-розовый липкий джем, который миссис Плэттер покупала прямо на фабрике в больших жестяных банках. Миссис Плэттер продавала также лимонад в стеклянных бутылках с мраморными пробками, воздушные шарики и бумажные мельницы. Покупателей становилось все больше. Велосипедисты были рады немного посидеть, те, кто ехал в автомобилях, — снять пыльное пальто и очки и размять ноги. Дела у Плэттеров пошли хорошо.

Они и не заметили, как постепенно все переменялось. «Троица, — сказал мистер Плэттер, когда они переставляли столики на пустой лужайке, чтобы не погубить траву. — Все на гулянье».

Мистер Плэттер подумал было, не купить ли им мороженицу, но решил подождать: он был не прочь, как он говорил, выложить деньги, но только в том случае, если видел, что затраты вернутся с лихвой.

Вместо этого он починил старую плоскодонку и с

помощью сачка для ловли креветок почистил реку. Он хотел добавить к объявлению слова: «Катанье на лодке», но миссис Плэттер ему отсоветовала. Она боялась, что будут жалобы, так как при всем желании, хоть гребки, хоть толкай шестом, единственное, что можно было сделать, — это объехать на лодке вокруг заросшего пивной островка.

На праздники в августе Плэттеры потерпели полный провал: десять порций чая в субботу, одиннадцать — в воскресенье и семь — в понедельник.

— Ничего не могу понять, — в который раз повторяла миссис Плэттер, когда они с Эгнис Мерси собирали в корзину черствые булочки для кур. — В прошлом году не хватало столов, люди стояли в очереди.

Эгнис Мерси уже исполнилось пятнадцать. Она сделалась крупной, медлительной, приметливой девочкой и казалась старше своих лет. Это была ее первая работа, называлась она «ходить на подмогу к миссис Плэттер».

— Миссис Рид тоже стала теперь поить чаем, — сказала как-то Эгнис Мерси, когда они делали бутерброды.

— Миссис Рид из Фордэма? Миссис Рид из «Короны и якоря»? — Миссис Плэттер редко ездила в Фордэм, ей было, как она говорила, «не по пути».

— Угу, — сказала Эгнис Мерси.

— В цветнике?

Эгнис Мерси кивнула.

— И во фруктовом саду тоже. На следующий год они приспособят амбар.

— А чем она заманивает? Я хочу сказать, реки-то там нет. Может быть, клубникой?

Эгнис Мерси покачала головой.

— Нет, — сказала она, — это все из-за игрушечной железной дороги... — И, как всегда медленно, под градом вопросов она рассказала миссис Плэттер о мистере Потте.

— Игрушечная железная дорога... — задумчиво промолвила миссис Плэттер после небольшого молчания. — Чуж, в эту игру можно играть и вдвоем.

Мистер Плэттер в два счета соорудил игрушечную железную дорогу. Нельзя было терять ни одной минуты, и он не скупясь выложил на это деньги. Мистер Плэттер работал не торопясь, но он опередил их на несколько лет. Мистер Плэттер вызвал всех своих строительных рабочих. На остров перебросили мостик, сам остров очистили от сорняков, проложили дорожки, уложили дерн. Мистер Плэттер съездил в Лондон и купил два набора самых дорогих поездов, какие были в продаже, багаж

пассажиров. Он купил две железнодорожные станции, одинаковые как две капли воды, зато куда более современные, чем станция в Литл-Фордэме. Из Лондона приехали мастера, чтобы поставить сигнальные будки, положить рельсы, отрегулировать стрелки и установить электрические батарейки для движения поездов. И сделано это было всего-навсего за какие-то три месяца.

Это принесло свои плоды. К началу следующего лета рядом с объявлением «Чай на берегу реки» появилось объявление «Игрушечная железная дорога».

Люди повалили к ним валом.

Мистеру Плэттеру пришлось скосить луг и вымостить его булыжником, чтобы было где ставить машины. К стоимости «общего

прибавился шиллинг за право пересечь мостик и посмотреть железную дорогу. К середине лета асфальтированные дорожки на острове искрошились, и их пришлось заново покрывать, а также выстроить второй мостик, чтобы люди не задерживались на острове. Мистер Поттер поднял входную плату до полутора шиллингов на человека.

Вскоре появилась асфальтовая площадка для машин и специальное место для фургонов, а также каменный колоб с проточной водой для лошадей. В Бэллихоггин стали приезжать на пикник целые компании, ели, пили чай и оставляли после себя кучи мусора.

Но мистера Потта все это ничуть не тревожило. Он вовсе не гнался за посетителями — они отнимали время и мешали работе. Он и пускал-то к себе только ради своего любимого Железнодорожного благотворительного фонда.

Мистер Потт не принимал никаких мер, чтобы обеспечить посетителям хоть какие-то удобства. Этой стороной дела занималась миссис Рид, хозяйка трактира «Корона и якорь», естественно, не без выгоды для себя. Вся железная дорога мистера Потта была видна со ступенек его черного хода, ведущих в сад, и посетителям приходилось проходить через дом; само собой, когда они оказывались на кухне, он радушно угощал их стаканом холодной воды из-под крана.

Когда мистер Потт построил церковь, она ни капли не отличалась от норманнской церкви в Фордэме; он сделал также колокольню, могильные памятники на погосте и все остальное. Мистер Потт больше года собирал камень для церкви, прежде чем приступить к работе. Ему помогали каменобойцы, дробящие камень на щебень у шоссе, и каменщик мистер Флад. К этому времени у мистера Потта появилось в городке несколько помощников; кроме кузнеца Генри с ним подружилась

мисс Мензиз из Хай-Бича. Мисс Мензиз была очень полезна мистеру Потту, так как она увлекалась резьбой по дереву, ручной вязкой и лепкой из воска. Жила она тем, что писала детские книги и придумывала и разрисовывала рождественские открытки. К тому же она верила в эльфов.

Когда мистер Плэттер услышал о церкви, а это случилось не сразу, — ведь пока церковь не была закончена, мистер Потт накидывал на нее мешковину и те дни, когда его дом был открыт для посетителей, — мистер Плэттер тут же выстроил свою церковь, куда больше, скопировав ее с собора в Солсбери, и высоченную колокольню. Стоило нажать кнопку, в окнах зажигался свет, а при помощи фонографа внутри звучала музыка. За последнее время выручка в Бэллихоггине стала меньше, но теперь снова подскочила вверх.

Тем не менее мистер Плэттер не знал ни минуты покоя, мистер Потт стоял ему поперек горла, нельзя было предугадать, что еще придумает этот странный человек, который все делал не за страх, а за совесть и никогда не порол горячки. Когда мистер Потт смастерил два глинобитных домика с крышами из тростника, сборы мистера Плэттера упали и не поднимались в течение нескольких недель. Мистер Плэттер был вынужден отгородить часть острова и с быстротой молнии построить там несколько домов на две семьи и закусочную. То же самое случилось, когда мистер Потт соорудил лавку, где выставили в витринах товары, сделанные из крашеного воска — подарок мисс Мензиз из Хай-Бича. Понятно, мистер Плэттер тут же построил кучу магазинов и парикмахерский салон с полосатым шестом у входа.

А через некоторое время мистер Плэттер нашел способ подсматривать за мистером Поттом.

Глава 3

Он починил плоскодонку, которая, пока стояла без употребления, снова наполнилась водой.

Заросшая водорослями река и ее петляющие притоки образовывали сеть, пересечь которую и попасть из одного городка в другой можно было или по редким мостикам, или идя вброд с одного обрывистого берега на другой. Но если удастся пробраться с лодкой через камыш, — подумал мистер Плэттер, — по реке до Потта рукой подать, а там уж ничего не стоит подсмотреть, что у него делается, спрятавшись за ивами у воды».

Так он и поступал летними вечерами, когда деловой день подходил к концу. Вылазки эти не доставляли мистеру Плэттеру удовольствия, но он чувствовал, что это его долг. Его кусали комары, жалили слепни, царапал колючий кустарник, и когда он возвращался домой и докладывал обо всем миссис Плэттер, настроение у него было хуже некуда. Иногда он застревал в тине, иногда, при низкой воде, ему приходилось вылезать за борт прямо в вязкий ил и лягушачью икру, чтобы перетащить лодку через какое-нибудь невидимое препятствие вроде затонувшего бревна или колючей проволоки. Но он нашел местечко чуть подалее тополей, за пологом серебристых трепещущих листьев ивы, где с пенька весь игрушечный городок мистера Потта был виден как на ладони.

— Тебе не следует это делать, душенька, — говорила миссис Плэттер, когда, багрово-красный, покрытый потом, он, тяжело дыша, опускался в саду на скамейку. — В твоём возрасте, с твоим давлением!

Но протирая ему комариные укусы нашатырным спиртом и кладя примочки туда, где его ужалили осы, она не могла не согласиться, что, вообще-то говоря, сведениям, которые приносит муж, нет цены. Только благодаря мужеству и стойкости мистера Плэттера они узнали о начальнике станции, и двух носильщиках, и

священнике в сутане, который стоял у входа в церковь мистера Потта. Каждую из этих фигурок вылепила мисс Мензиз, она же и одела их, как положено, и промаслила одежду, чтобы ее не испортил дождь.

Это открытие потрясло мистера Плэттера. Сделал он его как раз накануне начала сезона.

— Совсем как живые... — повторял он, — иначе не скажешь. Куда до них мадам Тюссо! Так и ждешь, что кто-нибудь из них с тобой заговорит, понимаешь? Достаточно, чтобы нас разорить, — закончил он, — и так бы и было, если бы я вовремя их не увидел.

Однако он их увидел, и увидел вовремя, так что скоро обитатели появились в обоих городках. Но фигурки мистера Плэттера были куда менее натуральные, чем фигурки мистера Потта. Слепили их в спешке, одежду сделали из гипса, раскрасили в кричащие цвета и покрыли лаком. Чтобы это возместить, их сделали в большом количестве, причем самых разных: там были почтальоны, солдаты, моряки, продавцы молока и дети. На ступени церкви мистер Плэттер поставил епископа в окружении мальчиков певчих; все — на одно лицо, с разинутым ртом, все в одинаковых белых одеждах из гипса, с одинаковыми сборниками церковных гимнов в руках.

— Вот эти точно как живые, — не раз с гордостью говорила миссис Плэттер. И в ответ ей в церкви гудел орган.

А затем настал ужасный вечер, который на всю жизнь врезался им в память, когда, возвратившись с лодочной прогулки, мистер Плэттер еле поднялся от реки на лужайку. Миссис Плэттер мирно сидела за столиком, с белым котом на коленях и считала дневную выручку; усыпанный мусором сад купался в лучах вечернего солнца, на деревьях попискивали засыпающие птицы.

— Что случилось? — воскликнула миссис Плэттер, увидев его лицо.

Мистер Плэттер тяжело опустился на зеленый стул напротив нее, толкнув столик и рассыпав стопку монет. Напуганный кот, полный дурных предчувствий, стрелой кинулся в кусты. Мистер Плэттер тупо уставился на упавшие монеты, но хотя они раскатились по траве, не наклонился, чтобы поднять их. Не сделала этого и миссис Плэттер, она не могла отвести глаз от лица мужа: цвет его был очень странный — темно-сиреневый, с фиолетовым оттенком.

— Что случилось? Почему ты молчишь? Какой еще он выкинул номер?

Мистер Плэттер посмотрел на нее пустым взглядом.

— Нам крышка, — сказал он.

— Глупости. Что может он, можем и мы. Уже не раз так было. Вспомни про дым. Ну же, расскажи мне.

— Дым! — горько воскликнул мистер Плэттер. — Тут и говорить не о чем — кусочек обугленной веревки! Мы быстро раскусили, что там к чему. Нет, сейчас другое дело, это конец. Наша песенка спета, — добавил он устало.

— Почему ты так говоришь?

Мистер Плэттер встал со стула и механически, словно сам того не замечая, принялся собирать рассыпавшиеся монеты. Он сложил их в аккуратную стопку и подвинул к жене.

— Нам надо теперь беречь деньги, — сказал он тем же тусклым, бесцветным голосом и снова тяжело опустился на стул.

— Право, Сидни, — сказала миссис Плэттер, — ты совсем пал духом. Это не похоже на тебя. Мы еще повоюем с этим Поттом.

— Что толку воевать, когда все козыри у него на руках? То, что я там видел, — нереально, невысказанно, неосуществимо.

Глаза мистера Плэттера обратились к островку, где золотые лучи заходящего солнца выхватывали среди длинных вечерних теней неподвижные, тускло поблескивающие гипсовые фигурки, застывшие каждая в своей позе: одни, казалось, бежали, другие шли, третьи стояли у дверей, готовые постучать, четвертые просто сидели. Окна игрушечного городка, отражая закат, горели огнем. Среди домов прыгали птицы, подбирая крошки, которые уронили посетители. Ничто, кроме птиц, не шевелилось.. мертвый покой.

Мистер Плэттер моргнул.

— А я еще так мечтал устроить крикетное поле, — сказал он хрипло, — боулер и отбивающие с битой в руке и все остальное. Спал и видел.

— А кто тебе мешает? — сказала миссис Плэттер.

Муж с сожалением посмотрел на нее.

— Никто. Но играть-то они не смогут... Неужели ты не понимаешь? Я же тебе говорю: то, что я там видел, — нереально, невысказанно, неосуществимо.

— Да что же такое ты видел? — испуганно спросила миссис Плэттер, вдруг тоже почувствовав, что их ждет беда.

Мистер Плэттер устало взглянул на нее.

— У него там живет... несколько штук... живых человечков, — медленно сказал он.

Глава 4

Первая их увидела мисс Мензиз, та самая, что верила в эльфов. И как девчонка, задыхаясь от восторга и волнения, побежала к мистеру Потту.

Мистер Потт как раз заканчивал вывеску «Корона и «Корь» для своего миниатюрного трактира и говорил в ответ лишь «да», «нет» «неужто?». Иногда, слыша, что голос мисс Мензиз лихорадочно повышается, он восклицал: «Поди ж ты!» — или: «Подумать только!» Сначала первое из этих выражений тревожило мисс Мензиз, она смущенно замолкала, голубые глаза наполнялись слезами. Но постепенно она стала расценивать его как признак крайнего удивления со стороны мистера Потта и, когда он говорил: «Поди ж ты!» — принимала это за комплимент.

— Но это же правда, — настаивала она, качая головой. — Они живые! Они такие же живые, как мы с вами, и они поселились в Виноградном домике... Да вы и сами увидите, если посмотрите, какую тропинку они протоптали ко входу.

Мистер Потт, держа в пальцах пинцет с болтающейся вывеской, посмотрел в глубь сада, на Виноградный домик, чтобы ей угодить. Но вскоре, так и не поняв, о чем она толкует, он хмыкнул и вернулся к своей работе.

— Ну и ну! Скажи на милость! — то и дело говорил он.

Мистеру Потту и в голову не приходило слушать мисс Мензиз, когда она «заводилась», как он это называл. Он кивал ей и улыбался, но ее слова проходили мимо его сознания. Он научился этому, когда жил со своей

покойной ныне женой по прозвищу Сорока. Мисс Мензиз говорила таким странным высоким, переливчатым голосом, употребляла такие диковинные слова и выражения и даже, к ужасу мистера Потта, читала ему стихи. Но он ничего не имел против мисс Мензиз, наоборот. Он был рад, когда она приходила; ему нравилась ее длинноногая фигура, нравились ее девичьи повадки, ее радостный смех; она всегда казалась по-детски счастливой; а от ее щебета, как от песни канарейки, у него делалось весело на душе. А в каком долгу он был у этих неутомимых пальцев, которые мастерили одно, чинили другое; они не только умели рисовать, чертить, шить, лепить и вырезать из дерева, они могли также проникнуть туда, куда пальцам самого мистера Потта, толстым и одеревеневшим, было не попасть. Быстрая, как вспышки молнии, — вот какая она была, жизнерадостная, как жаворонок, надежная, как скала... «У всех нас есть свои недостатки, — говорил себе мистер Потт, — не одно, так другое...» У мисс Мензиз это были «тары-бары».

Мистер Потт знал, что она уже немолода, но когда она сидела рядом с ним на траве, закрыв глаза и обхватив тонкими руками согнутые колени, и трещала без умолку, покачиваясь взад и вперед, она казалась ему чем-то вроде вытянувшейся не по возрасту школьницы. А как хороши были у нее глаза! Скорее как фиалки, чем незабудки, они освещали, когда были открыты, все ее длинное, худощавое лицо, но она застенчиво отводила их в сторону, если вы смотрели на нее в упор. Сейчас они сияли; поблескивали суставы длинных пальцев, туго стиснутых на поднятых коленях; даже у ее шелковистых, мышиного цвета волос внезапно появился блеск.

— Понимаете, главное — не показывать, что вы их увидели. Замереть, застыть... и никогда не глядеть на них прямо, только уголком глаза. Вроде как на птиц, когда не хочешь их спугнуть.

— ...Их спугнуть, — подтвердил мистер Потт, поскольку

ну мисс Мензиз приостановилась. Иногда, чтобы выказать симпатию к ней и скрыть, что он слушает ее вполуха, мистер Потт повторял конец последней фразы мисс Мензиз, а не то, опережая ее, произносил последний слог. Если мисс Мензиз говорила: «Король и королевство», — он понимающе вставлял: «...во!» Порой, задумавшись о чем-то, мистер Потт ошибался, и не успевала мисс Мензиз сказать: «...садовая калитка», — как, подхватив последнее слово, он говорил: «...канава», что обоих приводило в смущенье.

— Понимаете, я никак не могу понять, что они такое. И хочу сказать, по величине и вообще они больше всего похожи на эльфов. Как по-вашему? — настойчиво спросила мисс Мензиз.

— Верно, — ответил мистер Потт, проверяя корявым пальцем, хорошо ли качается на петлях вывеска, и стараясь вспомнить, куда он задевал смазочное масло.

— Нет, не верно. Этот человечек с тюком на спине, которого я видела... он пыхтел. Совсем запыхался. Эльфы не могут пыхтеть. — Мистер Потт ничего не ответил, и мисс Мензиз звонко сказала: — Или могут?

— Что — могут? — спросил мистер Потт, глядя, как раскачивается вывеска, и огорчаясь, что она так скрипит.

— Пыхтеть! — ответила мисс Мензиз, выжидающе глядя на него.

У мистера Потта сделался тревожный вид: о чем она толкует?

— Пыхтеть? — повторил он. — Понятия не имею.

— И я тоже, — весело согласилась с ним мисс Мензиз, к его огромному облегчению. — Я хочу сказать, мы, в общем, так мало знаем об эльфах...

— Верно, — подтвердил мистер Потт. Он снова чувствовал себя в безопасности.

— ...и об их привычках. Устают ли они и стареют ли, как мы, спят ли ночью, ведут ли домашнее хозяйство.

Или про их еду. У нас так мало фактов. Мы даже знаем, что они...

— Едят, — вставил мистер Потт.

— ...собой представляют, из чего они сделаны. Вряд ли у них та же плоть и кровь, что у нас.

— Вряд ли, — согласился мистер Потт. И вдруг испуганно взглянул на мисс Мензиз — в его уме звучало непривычное слово; неужели она сказала «кровь»? Мистер Потт положил вывеску и обернулся к мисс Мензиз. — Чем, ради всего святого, вы толкуете? — спросил он.

— О том, что по зрелом размышлении эти существа не могут быть эльфами. Да что там! У этого человечка на штанах была дыра, и он пыхтел и отдувался, поднимаясь на холм. Там есть еще одна — в юбке, а может быть, две — трудно разобрать, сколько их. Я видела в окне руку, кто-то протирал изнутри стекло. Но чья она — было не разобрать. Белая, как стебель колокольчика, и примерно такой же толщины. Двигалась из стороны в сторону, забиралась во все углы. А потом я нашла очки и рассмотрела ее до локтя. Настоящая рука. Рука, а в ней тряпка. Я не верила своим глазам. И все же в известном смысле это казалось естественным.

— В известном смысле, да, — согласился мистер Потт. Но вид у него был растерянный.

Глава 5

Для мисс Мензиз началась чуть не самая счастливая пора ее жизни, во всяком случае так ей казалось потом. Она всегда любила наблюдать природу: следила за муравьями в траве, мышами в амбаре, подмечала, как плетут паутину пауки, как строят гнезда птицы. Она могла часами не двигаться с места; глядя, как паук спускается с листка, она чувствовала и себя пауком и столько раз смотрела, как они плетут паутину, что и сама

могла бы ее сплести, причем любой самой неудобной формы. По правде сказать, мисс Мензиз даже наводила критику на работу пауков.

— Ну куда же ты, глупый... — шептала она пауку, висевшему в воздухе. — Этот лист тебе не годится, он скоро упадет. Попробуй зацепиться за колючку...

И вот теперь, сидя, руки вокруг колен, на склоне холма, прикрытая — так она думала — большим кустом чертополоха, мисс Мензиз наблюдала за маленьким родцем. И все, что она видела, описывала мистеру Потту.

— Их трое, — сказала она несколько дней спустя после первого разговора. — Мать, отец и худенькая девочка. Сколько им лет, сказать трудно. Иногда мне кажется, там есть и четвертый... кто-то или что-то, который то появляется, то исчезает. Какая-то неуловимая тень. Но, возможно, — мисс Мензиз радостно вздохнула, — это просто моя...

— Выдумка, — сказал мистер Потт.

— Фантазия, — поправила его мисс Мензиз. — Странно, что вы не видели их.

Мистер Потт, занятый кирпичиками, не ответил. Он решил, что речь идет не об игрушечном Виноградном домике у него в саду, а о настоящем доме под таким же названием в Фордэме и мисс Мензиз передает ему местные пересуды.

— Вы не представляете, что они там делают. Это просто чудо! Парадная дверь не открылась, наверно, покособилась от дождя. Весь вчерашний день он трудился над ней, скреб чем-то, похожим на лезвие бритвы. А еще они сняли занавески, которые я сшила для «Короны и якоря», и повесили у себя, так что теперь нельзя заглянуть в окна. Я бы и так не решилась заглядывать, понимаете, близко к ним подходить нельзя. А Главная улица такая узкая. Потрясающе, правда?

Мистер Потт что-то буркнул. Помешивая кашу из

кирпичной муки и клея, он хмурился и сердито сопел. Сплетни о соседях... он этого не одобрял никогда. И мисс Мензиз до сих пор тоже. Болтушка — да, но леди без мозга костей. «Это на нее не похоже, — печально думал он, — заглядывать в чужие окна... нет, совсем не похоже».

А она принялась рассказывать о пальто начальника станции.

— ...Понимаете, она взяла его. Вот куда оно исчезло. Она взяла его для него... оно такое красивое, и пуговицы золотые... и он надевает его по вечерам после захода солнца, когда делается прохладно. Я не удивлюсь, если она в один прекрасный день снимет со священника сутану. Ну чем не платье? И по размеру ей в самый раз. Но, конечно, это бы сразу бросилось в глаза. А они умные. Всякий бы заметил, что у священника исчезла сутана — ведь он стоит в дверях церкви у всех на виду. А чтобы увидеть начальника станции, нужно заглянуть внутрь вокзала, а это теперь трудно; он может оставаться голым неделю за неделей, и никто об этом не узнает.

Мистер Потт перестал помешивать кирпичное тесто и возмущенно посмотрел на мисс Мензиз. Она с испугом взглянула в его круглые сердитые глаза.

— Что такое? — спросила она тревожно.

Мистер Потт глубоко вздохнул.

— Если вы сами не понимаете, — сказал он, — что толку говорить?

Не очень-то логичное высказывание. Мисс Мензиз снисходительно улыбнулась и положила руку ему на плечо.

— Но им ничто не грозит, — успокоила она мистера Потта, — у них все в порядке.

Он сбросил ее руку и продолжал мешать, тяжело дыша и грохоча мастерком.

— Им много чего грозит, — сказал он сурово, — от злых языков. Я видел, как сплетни разрушали семьи и разбивали сердца.

Немного помолчав, мисс Мензиз сказала:

— Да мне вовсе не жалко этого пальто. — Мистер Потт фыркнул, но она продолжала: — По правде говоря, я собиралась сшить им одежду. Я думаю оставить ее на траве, чтобы они ее нечаянно нашли и не догадались, откуда она появилась...

— Так-то лучше, — сказал мистер Потт, соскребая крошку с кирпича.

Мисс Мензиз ничего не сказала. Она молчала так долго, что мистер Потт это заметил. Может быть, он был с ней слишком резок? Мистер Потт посмотрел искоса на мисс Мензиз. Сжав колени руками, она сидела и улыбалась в пространство.

— Понимаете, я их люблю, — прошептала она.

Больше мистер Потт ее не прерывал. Если интерес мисс Мензиз проистекает из сердечной склонности, тогда другое дело. День за днем он кивал и улыбался, а мисс Мензиз заливалась соловьем. Нежные, веселые слова обгоняли друг друга и растворялись в солнечном свете, отскакивая от мистера Потта, редко когда что-нибудь привлекало к себе его внимание. Так было даже в тот знаменательный день в июне, когда мисс Мензиз, запыхавшись, кинулась на траву рядом с ним, чтобы поскорей поделиться своей потрясающей новостью.

Мистер Потт во второй раз просмаливал шпалы и, держа в одной руке жестянку со смолой, в другой — кисть, медленно продвигался вдоль рельсов, вытянув вперед деревяшку. Мисс Мензиз, не переставая рассказывать, тоже, чтобы не отстать, двигалась вместе с ним.

— ...И когда она заговорила со мной, — захлебываясь, продолжала мисс Мензиз, — я не поверила своим ушам. Вы бы и сами изумились.

— Возможно, — сказал мистер Потт.

— Такое крошечное создание... и ничуть меня не

боится. Сказала, что следила за мной много недель подряд.

— Поди ж ты! — учтиво проговорил мистер Потт с рельсов каплю дегтя. — Так-то лучше, — сказал он, любуясь блеском стали. «Нигде ни крошки ржавчины», — радостно думал он.

— Теперь я знаю, как их зовут и все прочее. Их зовут добывайки.

— Догадайки? — переспросил мистер Потт.

— Нет, добывайки.

— А, догоняйки, — сказал мистер Потт, размешивая деготь, банка с ним стояла в ведерке с горячей водой. «Пожалуй, немного загустел», — подумал он, подняв кисточку и смотря на падающие капли.

— Но это не фамилия, — продолжала мисс Мензиз, — их фамилия Куранты, а это название их народа — вроде национальности. Они добывают себе пропитанье, как мыши... или птицы... бедняжки. Я думаю, они произошли от людей и живут на то, что перепадет от людей же на их долю. У них нет ничего своего. И, конечно, у них нет денег... О, это не важно, — сказала мисс Мензиз, когда мистер Потт сочувственно, хотя и рассеянно покачал головой. — Деньги им ни к чему. Они бы не знали, что с ними делать. Но им нужно как-то жить...

— ...и давать жить другим, — бодро подхватил мистер Потт. Ему понравилась эта фраза, и он надеялся, что он еще где-нибудь ее вставит.

— Но они вовсе не мешают жить другим, — сказала мисс Мензиз. — Они никогда не берут ничего существенного. Кроме... ну, я не совсем уверена насчет пальто начальника станции. Но если подумать, начальнику станции оно нужно для вида, а не для тепла. Ведь оно сделано из воска. Да оно ему и не принадлежит — сшила-то его я. И уж если об этом зашла речь, самого начальника тоже сделала я. Так что пальто это на самом деле мое. А меня оно не согреет.

— Не согреет, — рассеянно согласился мистер Потт.
— А вот добывайкам еще как нужно тепло. Им нужно тепло, и крыша над головой, и вода, и им очень нужны люди. Хотя они людям не доверяют. И правильно делают, по моему. Стоит только почитать газеты. Но это грустно, правда? То, что они нам не доверяют, хочу я сказать. Что было бы приятней для человека — вроде меня, например, — чем приютить их под своим кровом? Не то чтобы мне было одиноко, дело не в этом. — Глаза мисс Мензиз подозрительно заблестели, слова стали обгонять друг друга. — Мои дни слишком заполнены, чтобы я томилась от одиночества. У меня столько разных увлечений, я не отстаю от жизни. И у меня есть мой старый пес и две птички. Но все равно, это было бы так мило... И знаю теперь их имена — Под, Хомили и маленькая Арриэтта. Эти создания умеют говорить. Вы только представьте, — она неожиданно рассмеялась, — я буду теперь шить для них с утра до ночи! Смастерю им разные вещи. Куплю, что надо. Я... но мне не надо вам объяснять...

— Не надо, — сказал мистер Потт. — Я вас понимаю...

Но, по правде говоря, он ничего не понимал. Ему казалось невежливым, хотя высказать это словами он бы не смог, то, что мисс Мензиз называет семью своих новых друзей «создания». Тем более, если они попали в беду... Но, с другой стороны, она всегда выбирает такие странные слова и выражения...

— Наверно, девочка потому и заговорила со мной, — продолжала мисс Мензиз, — что чувствовала себя в безопасности. Они всегда...

— ...Знают, — услужливо закончил мистер Потт.

— Да. Как звери, и дети, и птицы, и... эльфы.

— Ну, за эльфов я бы не поручился, — сказал мистер Потт. И если уж на то пошло, он не поручился бы и за зверей; мистер Потт подумал о барсуке, которому он спас

жизнь: если бы тот знал, мистер Потт не лишился бы ноги.

— Чего только они не натерпелись, бедняжки! — Глаза мисс Мензиз скользнули вниз и остановились у подножия холма: группки миниатюрных домиков, дымящие трубы, церковь, кузница, поблескивающие рельсы — все дышало миром и покоем. — Для них было чудом, сказала мисс Арриэтта, попасть в наш городок.

Мистер Потт кивнул. Он подвинулся вперед на два шага и переставил жестянку со смолой. Мисс Мензиз, поглощенная своим рассказом, казалось, ничего не замечала. Обхватив колени, полузакрыв глаза, она продолжала нараспев, словно читала стихи:

— Стояла полная луна, говорит Арриэтта, когда они сюда прибыли. Вы можете это себе нарисовать? Яркий свет, резкие тени. Им надо было занести на берег кучу всяких вещей, а легко, думаете, пробраться через камыш, что растет у воды!.. Спиллер — так зовут дикого добывайку — провел Арриэтту по всему городку. Они зашли на вокзал, и она увидела все эти фигуры, которые она слепила: женщина с корзинкой, и старик, и девочка сидели в ряд на скамье тихо и неподвижно, а за ними — солдат с ранцем. Пестрые от лунного света, падающего на них сквозь деревянную резьбу на вокзальной крыше, они были совсем как живые, говорит Арриэтта, но казалось, что они околдованы или слушают музыку, которая им со Спиллером была не слышна. Арриэтта тоже стояла тихо, глядя во все глаза на их бледные лица, освещенные луной. Но тут внезапно раздался шорох, и прямо по неподвижным фигурам пробежал большой черный жук. Арриэтта увидела, что они неживые. Вообще-то она не боится жуков, даже любит их, но здесь она завизжала что есть мочи... Она говорит, в кассе растут поганки, а когда они вышли из вокзала, по Главной улице туда и сюда шныряли мыши. А на ступенях церкви

стоял священник в черной сутане — безмолвный, неподвижный. И всюду лунный свет...

Хомили сразу приглянулся Виноградный домик. И ее можно понять, он и правда радуется глаз. Но дверь не открывалась, видимо, разбухла от дождей, а когда они испахнули окно, увидели, что внутри что-то есть и пахнет сыростью. Спиллер сунул в окно руку, и знаете, что оказалось? — комната заросла травой до самого потолка. Белая, как шампиньоны, ведь росла она в темноте. Так что первую ночь добывайкам пришлось провести под открытым небом.

Но следующий день, говорит Арриэтта, был чудесным. Яркое солнце, весенние запахи и первая пчела. Понимаете, добывайкам все так хорошо видно — каждый волосок на бархатной спинке пчелы, прожилки и переливы красок на крыльях. Мужчины, — мисс Мензиз рассмеялась, — ну а как иначе их назвать? — очистили дом от сорняков, выкосили их кусочком бритвы и половинкой ножниц. Потом привели в порядок крышу. Спиллер нашел кокон бабочки и подарил его Арриэтте. Она держала его у себя до прошлой недели. Оказалось, что это красный адмирал. Арриэтта смотрела, как бабочка вылезает из кокона. Но когда появились концы крыльев и все поняли, каких она размеров, поднялась паника. В самый последний момент им удалось вытолкнуть бабочку наружу через парадную дверь. Если бы она расправила крылья, она бы заняла всю комнату от стены до стены. Представьте, что в вашей комнате оказалась огромная бабочка, величиной со слона, и нет никакой возможности выпустить ее! Фантастика! Даже подумать об этом страш...

— ...но, — добавил мистер Потт.

— Неделю спустя они нашли вашу кучу песка и, когда углубили пол, засыпали его песком и утрамбовали. Прыгали и топали, колотили и хлопали. Целое утро отплясывали, как сумасшедшие. Ну и весело было, говорит Арриэтта. А три недели назад они добыли у вас

кирпичное тесто. Вы как раз смешали клей с кирпичной пылью... помните?.. для последней партии кирпичей. Они наложили его поверх песка, ну, и еще кое-что сделали и теперь, говорит Арриэтта, пол стал ровный и гладкий. Они подметают его головками чертополоха. Но он еще не расцвел, говорит она, лепестки стиснуты слишком тесно. Позднее они будут удобнее...

Наконец до мистера Потта дошел смысл ее слов.

— Моя куча песка? — медленно сказал он, оборачиваясь.

— Да, — рассмеялась мисс Мензиз, — и ваше кирпичное тесто.

— Мое кирпичное тесто? — повторил мистер Потт и замолчал, словно обдумывая то, что она сказала.

— Да, — снова засмеялась мисс Мензиз, — но они берут такую малость... самую крошку.

— Мое кирпичное тесто, — повторил мистер Потт. И когда он обернулся к мисс Мензиз, лицо его показалось суровым, даже гневным. — Где эти люди? — спросил он.

— Но я же вам говорила! — воскликнула мисс Мензиз, и, так как он все еще выглядел сердитым, она взяла его мозолистую руку в свои, словно желая помочь ему подняться. — Пошли, — тихо проговорила она, все еще улыбаясь, — пошли, и я вам покажу. Только не шумите.

Глава 6

— Главное — не двигаться, — шепнул Под Арриэтте, когда впервые заметил мисс Мензиз, сидевшую на корточках за кустом чертополоха. — Они не ожидают нас увидеть и, если ты не двигаешься, на самом деле не видят. И никогда не гляди на них прямо, только искоса. Понимаешь?

— Еще бы не понимать... Я слышала это сто раз. Не двигайся, не шевелись... тихо, спокойно... ползком,

шком... Что толку тогда
быть живым?

— Шш, — сказал Под и
положил руку ей на плечо.

Последнее время Арриэтта
была сама не своя. «Слов-
но, — подумал Под, — у нее
камень на сердце». Но обычно
она не грубила. Под решил
пропустить ее слова мимо
ушей: переходный возраст
скорей всего.

Они стояли в жесткой тра-
ве, доходившей им до плеч,
так что видны были только
головы.

— Понимаешь, — прошептал
Под, не разжимая губ, — мы
ей кажемся цветком или каким-нибудь другим растением.
Возможно, бутонами...

— А если ей вздумается нас сорвать? — раздраженно
сказала Арриэтта.

У нее ныли ноги, и страшно хотелось сесть на землю;
десять минут переросли в пятнадцать, и по-прежнему
никто из троих не шевельнулся.

На травинку рядом с Арриэттой взобрался муравей,
помахал усиками и поспешил вниз; под листом подорож-
ника спал слизень, время от времени лист колыхался —
это слизень ворочался с боку на бок. «Ему, наверно,
что-то снится, — подумала Арриэтта, любясь бликами на
глянцевитой, серой с красным отливом коже. — Если бы
отец не был таким старомодным, — подумала она
виновато, — я бы рассказала ему про мисс Мензиз, и
мы могли бы уйти. Но, на его взгляд и на взгляд мамы,
если тебя увидят, это позор, чуть не трагедия, надо
бросать свой дом, переселяться в чужие края и там

начинать все сначала. Легко ли это для них! По и
понятиям с той минуты, как о твоём существовании
узнали, жизнь твоя в опасности, и увиденный добытчик
должен немедленно скрыться».

При всем том за пятнадцать лет ее короткой жизни
Арриэтту видели четыре раза. Что за непонятное чувство
спрашивала она себя, так страстно влечет ее к человеку
А в этот — четвертый — раз даже заставило заговорить
с мисс Мензиз. Без сомнения, она поступила опрометчиво
и глупо, но какой трепет восторга и ужаса ее охватил,
когда ей ответило это огромное создание, когда глаза
великанши засияли радостью, а огромные губы раздвинулись
ласковая улыбка. Стоило однажды заговорить с человеком
без всяких дурных последствий, и трудно было устоять
от соблазна сделать это еще раз. Арриэтта дошла до того,
что сама подстерегала мисс Мензиз. Возможно, потому
что ее истории вызывали у мисс Мензиз восхищение,
Арриэтте — когда Спиллер их покидал — часто бывало
одинокое.

Ах, с каким удовольствием она вспоминала о первых
днях в игрушечном городке! Как замечательно было
кататься со Спиллером в поезде! Они забирались
потихоньку в полупустой вагон, а когда поезд трогался,
сидели так тихо и неподвижно, будто они, как и прочие
пассажиры, были вылеплены из воска. Они кружили по
кругу, десятки раз проезжая мимо Виноградного домика,
а на обратном пути пересекая по мостику ручей. Над
ними склонялись лица людей, они видели перед
черным ходом в дом мистера Потта ряды туфель и сапог,
видели ноги — толстые, тощие, в чулках, босые. Они
слышали смех людей и их удивленные возгласы. Это
было страшно и упоительно, но почему-то рядом со
Спиллером Арриэтта чувствовала себя в безопасности. За
поездом стелился хвост дыма. Такой же дым валил из
труб всех домиков — для этого в трубу засовывали пучок
промоченной нитратом веревки и прикрепляли его шпиль-

невидимкой. «Вы видели мои шпильки-невидимки?» — так-то спросила мисс Мензиз мистера Потта — на редкость несуразный вопрос. Однако в Виноградном мике Под вытащил крючком тлеющую веревку и зажег. Этого настоящий огонь, который Хомили подкармивала кусочками сальных свечей, угольной крошкой и юлистыми крупинками шлака.

Не кто иной, как Спиллер, дикарь Спиллер, помог Арриэтте разбить садик и найти для него белый первоцвет, маленькие голубые цветочки незабудки, похожую на папоротник кудрявую травку и заячью капусту крошечными светло-розовыми лепестками. С помощью Спиллера она засыпала щебнем дорожку и сделала лужайку из мха.

Мисс Мензиз с восторгом наблюдала за этим из своей сады. Арриэтту она видела ясно, но Спиллера, этого бывайку-исчезайку, она разглядеть не могла. То стрелительный, то недвижимый, нюхом чующий, где укрыться от чужих глаз, он в любой момент мог слиться с любым фоном и исчезнуть.

Вместе со Спиллером Арриэтта обследовала все остальные дома Литл-Фордэма, удила рыбу и купалась под прикрытием камышей.

«Настоящий мальчишка, — ворчала Хомили. Ей не нравилось влияние Спиллера. — Он не такой, как мы, он совсем другой породы, — жаловалась она Поду в припадке неблагодарности, — пусть он и спас нам жизнь».

Стоя рядом с отцом в траве и думая обо всем этом, Арриэтта вдруг почувствовала, каким бременем легла на нее ее тайна. Она осознала с тревогой, что, обыщи родители хоть весь белый свет, они не найдут лучшего места для жизни — целый городок, подогнанный под их рост, где благодаря посетителям, была на редкость богатая добыча. Арриэтта уже не помнила, когда мать последний раз напевала, возясь по хозяйству, как это было сейчас,

а отец, что-то беззвучно свистывая, расхаживал по улицам городка.

«Укрытый» в Литл-Форд-ме было хоть отбавляй, но добывайки в них не нуждались. Между ними и восковыми фигурками почти не было разницы, и по вечерам после закрытия Под мог гулять сколько ему вздумается, если он не боялся замерзнуть. Сколько он приносил тряпицу на одежду! У Хомили наконец снова появилась шляпка, и она никогда не выходила более из дому. «Погодите, — говорила она, — я еще не

надела шляпку». С каким волнением и радостью она произносила магическое слово! Нет, выселять их отсюда нельзя, это было бы жестоко. Под даже приделал к парадной двери замок... с ключом. Это был замок от карманного футлярчика для бус, принадлежавшего мисс Мензиз. Он и не догадывался, кому он обязан этой находкой, ведь мисс Мензиз нарочно бросила футлярчик возле куста чертополоха, чтобы его легче было увидеть. Арриэтта не могла даже намекнуть на это отцу. Стоило ему узнать правду, и их ждали тревога, отчаяние, взаимные упреки и переселение в другое место. Она уже не раз через это прошла.

— О боже, боже, — печально вздохнула Арриэтта, — как мне быть?

Под искоса взглянул на нее.

— Опускайся, — шепнул он, подталкивая ее. Она отвернулась. — Опускайся в траву... медленнее... медленнее...

Арриэтта была только рада это сделать. Головы и

маленькие добываек понемногу скрылись из виду, и, прислушавшись к тишине, они пробрались между стеблями травы, укрылись на миг за стеной церкви и скоро были в безопасности, проскользнув через черный ход в свой собственный дом.

Глава 7

Настал день, когда мисс Мензиз сама принялась говорить. Сперва она молчала — от изумления — и ограничивалась наводящими вопросами, чтобы вызвать Арриэтту на разговор. Для мисс Мензиз это положение вещей было в новинку и не могло тянуться долго. К концу лета она знала мельчайшие подробности короткой жизни Арриэтты и много чего еще. Она услышала о добытой Подом библиотеке из книжек-малюток писателей викторианцев, по которым Арриэтта научилась читать и частично познакомилась с миром. Мисс Мензиз расширила это знакомство. Как всегда торопливо, не переводя дыхания, она принялась весело рассказывать Арриэтте о своем детстве, родителях и родном доме, который она неизменно называла «милый Гэдстон». Она описывала лондонские балы, которые были ей ненавистны, и молодого человека по имени Обри — самого близкого и дорогого ее сердцу друга.

«Мой кузен, понимаешь? Мы росли вместе, можно сказать — с самого детства. Он всегда приезжал в милый Гэдстон на каникулы». Они с мисс Мензиз вместе ездили верхом, беседовали, читали стихи. Узнав от мисс Мензиз о лошадях, Арриэтта подумала, нет ли такой зверушки, на которой она могла бы кататься? Можно приручить мышь (как ее двоюродная сестра Эглтина), но мышь слишком маленькая и суматошливая, на ней далеко не уедешь. Крысу? Нет, об этом не может быть и речи. Арриэтта не была уверена, что даже у Спиллера хватит

смелости дрессировать крысу. Сражаться с ней — Вооруженный старой шляпной булавкой Пода Спиллер мог бы вступить с ней в бой, но укротить и выездить ее — вряд ли. А как замечательно было бы скакать весь дух рядом со Спиллером, как скакала мисс Мензиз с ее Обри.

— Он женился на девушке по имени Мэри Чарли-Гор, — сказала мисс Мензиз. — У нее были очень толстые ноги.

— Ах! — воскликнула Арриэтта.

— Почему ты сказала «ах» таким тоном?

— Я думала, он женится на вас.

Мисс Мензиз улыбнулась и поглядела себе на руки.

— Я тоже так думала, — призналась она. И добавила, вздохнув: — Наверно, он слишком хорошо меня знал. Как сестру. — Она снова замолкла и задумалась. Затем сказала весело: — Однако они были счастливы, насколько я знаю. Жили где-то неподалеку от Бата и вырастили пятерых детей.

Еще до того, как Арриэтта объяснила ей это, мисс Мензиз сама поняла, что значит для добывайки, если его увидят.

— Можешь не волноваться за родителей, — успокоила она Арриэтту. — Я бы никогда, даже если бы ты не заговорила об этом, не стала смотреть на них в упор. Что касается нас — за мистера Потта я тебе ручаюсь, — они могут спокойно жить здесь до конца своих дней. Я бы даже на тебя не посмотрела прямо, если бы ты сама не заговорила со мной. Но еще до того, как я увидела вас, мне кое-что стало казаться странным... понимаешь, из вашей трубы шел дым в самое неподходящее время; ведь я зажигаю веревку только тогда, когда приходят посетители, и ее не хватает надолго.

— И вы не станете поднимать никого из нас? Я хочу сказать — брать нас в руки?

Мисс Мензиз презрительно рассмеялась.

— Мне бы это и в голову не пришло, — обиженно проговорила она.

Мисс Мензиз поняла также насчет Спиллера, что когда он ненадолго появляется в Литл-Фордэме со своими брами: орехами, зернами пшеницы, сваренными вкрутую часточками яиц и другими деликатесами, — Аррита реже приходит к ней. Но когда Спиллер опять ходил, она с удовольствием слушала рассказы об их приключениях.

В общем и целом это было для всех них чудесное, частливое лето.

Правда, несколько раз у добываек возникал переполох. Как-то перед рассветом они услышали человеческие шаги — то не был мистер Потт со своей деревяшкой, — кто-то пытался открыть их дверь. А однажды лунной ночью в городок наведалься лиса; она бесшумно кралась по улице, отбрасывая огромную тень и оставляя за собой резкий запах. Постоянным источником опасности была живущая на дубе сова. Но как большинство сов, она охотилась далеко в полях, и когда ее огромная тень пропадала за рекой и они слышали ее уханье с дальнего края долины, можно было спокойно отправляться по своим делам.

За добычей ходили чаще всего ночью, до того, как на обеды, которые роняли посетители, набрасывались полевые мыши. На первых порах Хомили воротила нос, когда, скажем, ей приносили початый бутерброд с ветчиной. Под уговорил ее смотреть на вещи практичней — свежий хлеб, натуральное масло, чистый бумажный мешок; что хорошо для людей, должно быть хорошо для них. Чем плохи, спрашивал он ее, последние три виноградины на ошипанной грозди? Ты же можешь их вымыть в ручье. Можешь снять с них кожицу. А что плохого в карамельке, завернутой в прозрачный фантик? Наполовину съеденные булочки с изюмом и глазурью

труднее обработать — тут он согласен, — но ведь можно выковырнуть изюм, не так ли? А сахарную поливу соскрести и крупинки высушить.

Вскоре у них установился определенный порядок, в котором они собирали добычу, сортировали ее, чистили и заготавливали впрок. Кладовой им служила лавка мисс Мензиз с ее полного — чего не знали Хомили и Под — согласия. Обставляя в свое время лавку (с тех пор прошло несколько лет), она немного схитрила — съездила в соседний город и купила там игрушечный бакалейный магазин с полным комплектом всего, что положено: весами, бутылками, жестянками, бочонками и стеклянными банками. При их помощи мисс Мензиз искусно убрала прилавки и украсила витрину. Лавка эта, в точности такая же, как у них в городке, — полукруглый «фонарь», крыша, крытая тростником, и все прочее, — особенно привлекала посетителей. Внутри, за прилавком, стояла точная копия старой миссис Пербоди (немного постройнее, чтобы ей польстить). Мисс Мензиз даже связала для нее такую же красную шерстяную шаль, как та, что и зимой и летом красовалась на плечах миссис Пербоди, почти целиком прикрывая накрахмаленный белый передник. Разбирая продукты в задней комнате лавки, Хомили брала на время этот передник, но всегда вовремя возвращала его перед приходом посетителей. Иногда она его стирала и каждое утро — точно, как часы, — подметала лавку и вытирала там пыль.

Целый день поезда громыхали по шпалам, но добывайки привыкли к шуму, даже, сказать по правде, были ему рады.

Когда они слышали грохот колес, а над трубами появлялся дымок, добывайки знали: пора уходить — сейчас придут посетители. Хомили успевала снять фартук, выйти из лавки и, перейдя улицу, очутиться у себя. И пока поезда не останавливались и не наступала тишина и покой, она занималась приятными домашними делами.

Сад безмятежно дремал в мирных лучах вечернего солнца, и мистер Потт заходил в дом выпить чай.

Глава 8

— Должен же быть какой-то выход, — сказала в отчаянии миссис Плэттер в пятый раз за час, — посмотри, сколько денег мы угробили.

— «Угробили» — самое здесь подходящее слово, — сказал мистер Плэттер. — И что меня больше всего бежит — у этого Эйбла Потта, похоже, все получается само собой, он из кожи вон не лезет. Похоже, ему все равно, приходят к нему люди или нет. «Игрушечный город с живыми обитателями» — вот что будет скоро написано у него на дверях, и тогда нам конец. Раз и навсегда. Лучше признать свое поражение, поверь мне, и сбить с рук дело, пока оно на ходу.

— Должен же быть какой-то выход... — упрямо повторила миссис Плэттер.

Они сидели, как и всегда, за зеленым столиком на своей чисто прибранной лужайке. В этот воскресный вечер она была еще чище, чем всегда: только пять человек остановились у них, чтобы выпить чай на берегу реки. Перед этим два воскресенья подряд с утра до ночи лил дождь, а в следующее — то, о котором идет речь, — все отправились смотреть на, как называли это местные жители, «воздушное плавание»: подъем воздушного шара с ярмарочной площади, где в палатках продавались чай, мороженое и сахарная вата, а для желающих была карусель. В субботу люди отправились смотреть сам воздушный шар (шесть пенсов за право один раз пройти мимо канатного ограждения), а сегодня, в воскресенье, сотни их устремились в Фордэм, чтобы увидеть, как он взлетит. Мимо Бэллихоггина двигался поток экипажей и автомобилей, не обращая никакого внимания на вывеску

«Чай на берегу реки». Грустное это было зрелище для мистера и миссис Плэттер. Их настроение не стало лучше, когда часа в три пополудни этот злосчастный воздушный шар проплыл прямо над их головами, чуть не задев дерево, которое росло перед домом. Им даже был виден сам «воздушный плаватель», глядевший — насмешкой, как им казалось, — прямо в пылавшие яростью глаза мистера Плэттера.

— Что толку повторять: «Должен же быть какой-то выход», — раздраженно сказал он. — День и ночь я ломаю себе голову, да и ты тоже. Когда все помешались на воздухоплавании, а Эйбл Потт преподнес такой сюрприз нам с ними не тягаться. Все. Конеч. Неужели не ясно? Нам ничего не осталось... разве что выкрасть их.

— Почему бы и нет, — сказала миссис Плэттер.

— Что — нет?

— Почему бы нам и не выкрасть их? — спросила миссис Плэттер.

Мистер Плэттер вытаращил на нее глаза. Открыл рот, снова закрыл его.

— Но это невозможно, — выдавил он наконец из себя.

— Почему? — снова спросила миссис Плэттер. — Он их еще никому не показывал. Никто не знает, что они у него есть.

— Но это же будет... я хочу сказать — это уголовное преступление.

— Ну и пусть, — прервала его миссис Плэттер. — Мы пойдем на него.

— О, Мейбл! — ловя ртом воздух, произнес мистер Плэттер. — Хорошенькие вещи ты говоришь! — Но на его лице страх постепенно уступал место восхищению.

— Другие люди совершают их, — твердо сказала миссис Плэттер, нежась в лучах его внезапного одобрения. — Чем мы хуже?

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал мистер Плэттер, он все еще не мог прийти в себя.

— Все когда-нибудь делаешь впервые, — изрекла миссис Плэттер.

— Но, — мистер Плэттер нервно сглотнул, — но преступников сажают в тюрьму. Я не против того, чтобы положить лишние деньги, на это я готов, душенька, всегда я готов, сама знаешь. Но это... О, Мейбл, такое могло прийти в голову только тебе!

— Не спорю, я говорила, что должен быть какой-то выход, — скромно признала миссис Плэттер. — Но украсть их требует здравый смысл. Мы просто не можем сидеть сложа руки.

— Ты права, — сказал мистер Плэттер, — у нас другого выхода нет. Ни одна живая душа не станет винить нас в этом.

— Ни одна живая душа, — торжественно подтвердила миссис Плэттер; голос ее звучал горячо и твердо.

Мистер Плэттер перегнулся через столик и потрепал ее по руке.

— Я снимаю перед тобой шляпу, Мейбл, за твоё бесстрашие и находчивость. Ты замечательная женщина.

— Спасибо, душенька, — сказала миссис Плэттер.

— Ну а теперь подумаем, как нам сделать это... — предложил деловым тоном мистер Плэттер. Он принялся надумчиво протирать очки. — Орудия труда, транспорт, время суток..

— Нет ничего проще, — прервала его миссис Плэттер. — Ты берешь лодку...

— Это само собой понятно, — снисходительно сказал мистер Плэттер. Он водрузил на нос очки, спрятал платок в карман, откинулся на спинку стула и принялся барабанить пальцами по столу. — Разреши мне немного подумать...

— Ну, разумеется, Сидни, — сказала миссис Плэттер и сложила руки на коленях.

Прошло несколько минут. Наконец мистер Плэттер откашлялся и через столик взглянул на жену.

— Тебе придется пойти со мной, душенька, — сказал он.

Миссис Плэттер испуганно вздрогнула; ее спокойствие рассеялось, как дым.

— Ой, Сидни, я не могу. Ты сам знаешь, как я боюсь воды. Возьми кого-нибудь из работников.

— Невозможно. Они станут болтать.

— А как насчет Эгнис Мерси?

— Ей тоже нельзя доверять, и недели не пройдет, как об этом узнает все графство. Нет, душенька, кроме тебя никому.

— Я бы с радостью тебе помогла, Сидни, — запинаясь произнесла миссис Плэттер, — если бы мы пошли по дороге, вкруговую. В эту лодку мне не влезть.

— К нему в сад с дороги не попадешь, разве что через дом. А по бокам густая изгородь из остролиста, и калинки, ни другого какого прохода. Нет, душенька, я об этом продумал: подобраться туда можно только по воде. Перед самым рассветом, когда все будут спать, включи Эйбла Потта. Нам понадобится крепкая картонка, сачок для ловли креветок и фонарь. У нас есть запасные фитили?

— Да, полно. Лежат в мансарде.

— Там мы и будем держать их... этих... кто они там..

— В мансарде?

— Да. Я все взвесил, Мейбл. Это единственное место, которое всегда под замком... ведь мы храним там все летние принадлежности. Надо, чтобы им... этим... было тепло и сухо; они будут жить там целую зиму, пока я построю для них дом. Собственно говоря, они тоже войдут в число принадлежностей. Я поставлю на дверь две задвижки и еще один замок и прибью железную полосу внизу. Пусть попробуют выбраться оттуда! Понимаешь, — продолжал мистер Плэттер серьезно, — мне нужно время,

чтобы сделать для них подходящий дом. Это скорее должна быть клетка, но по виду напоминать дом. Понимаешь, что я хочу сказать? Надо, чтобы они были видны снаружи и в то же время чтобы они не могли вылезти изнутри. Тут немало придется потрудиться, Мейбл.

— Ты справишься, душенька, — подбодрила его миссис Плэттер. — Но, — призадумалась она, — что, если Потт придет сюда и узнает их? Каждый может купить билет.

— Не придет. Он так занят своими поделками, что верней всего и не слышал о нас или Бэллихоггине, а возможно, и об Уэнт-ле-Крейсе. Но даже если он и увидит их — что с того? Как он докажет, что они принадлежат ему? Он хранил их в тайне, верно? Никто их не видел... иначе об этом говорили бы по всему графству. И в газетах бы написали, надо думать. Людей в Фордэм понаехало бы без счета. Нет, душенька, на слово ему не поверят. Пойди докажи, кто из нас прав. Но действовать надо быстро, Мейбл, и ты должна мне помочь. До конца сезона осталось две недели; может быть, он решил придержать их и выставить на обозрение только будущей весной. А

может быть, покажет их сразу... Тогда мы пропали... Понимаешь, что я имею в виду? Ничего не известно...

— Да, — сказала миссис Плэттер. — Ладно. Что я должна делать?

— Ничего особенного, только не терять головы. Я возьму фонарь и картонку, а ты понесешь сачок. Выйдешь за мной на берег и будешь идти сзади след в след, куда — увидишь, у нас же будет фонарь. Я покажу тебе их домик, и един-

ственное, что от тебя требуется, — накинуть сачок на его крышу и заднюю стену и прижать его как можно плотнее. Затем я подниму шум у их парадной двери — они запирают ее на ночь, я это узнал. И — запомни слова — как только они услышат шум, они кинутся бежать... через черный ход. И попадут прямоком в сачок. Понимаешь? Ты только прижимай его покрепче к стене дома. А у меня к тому времени уже будет наготове картонка и крышка. По моей команде ты взмахнешь сачком в воздухе и высыпешь их в картонку. Я закрою ее крышкой, и дело с концом.

— Да, — неуверенно сказала миссис Плэттер. Немного подумав, она спросила: — А они не кусаются?

— Не знаю. Видел их только издалека. Но если укусят — то несильно.

— А если один выпадет из сачка или еще что-нибудь?

— Постарайся, чтобы этого не случилось, Мейбл. Я хочу сказать, их всего-навсего три или четыре. Мы можем допустить, чтобы хоть один пропал...

— Ах, Сидни, лучше бы ты взял кого-нибудь из мужчин. Я даже грести не умею.

— А тебе и не надо грести. Грести буду я. Единственное, что тебе надо, Мейбл, это держать сачок и выйти за мной на берег. Я покажу тебе их домик, и все будет кончено в два счета. Ты и ахнуть не успеешь, как мы уже снова будем в лодке.

— А собака у него есть?

— У Эйбла Потта? Нет, душенька, он не держит собак. Все будет хорошо. Положись на меня и делай, как я скажу. Хочешь,

пойдем сейчас на остров и попрактикуемся на одном из наших домиков? Сбегай в мансарду и возьми сачок, а я захвачу весла. Придется тебе себя пересилить, — раздраженно добавил мистер Плэттер, видя, что жена все еще колеблется. — Каждый из нас должен внести свою долю. Честь по чести.

Глава 9

На следующий день полил дождь, он шел с короткими перерывами целых десять дней. Даже у мистера Потта сократился поток посетителей. Нельзя сказать, чтобы это его огорчало: у них с мисс Мензиз было достаточно работы в доме. Сидя за длинным кухонным столом, они чинили, перешивали, перекрашивали, промасливали, лепили и, что надо, делали заново. Лампа бросала на них мягкий свет. Перекрывая шум дождя, в котелке на плите булькал клей, рядом с ним пел песенку чайник. Наконец наступило первое октября — последний день сезона.

— Мистер Потт, — сказала мисс Мензиз после короткой паузы, когда слышалось только ее дыхание (она простегивала пуховое одеяло для двуспальной кровати Хомили — занятие не из легких). — Я очень беспокоюсь.

— О! — сказал мистер Потт. Он делал ограду из спичек, осторожно приклеивая их друг к другу с помощью пинцета и тонкой колонковой кисточки.

— Говоря по правде, — продолжала мисс Мензиз, — я просто места себе не нахожу. Вы можете меня выслушать?

Эта прямая атака застала мистера Потта врасплох.

— Что, случилась какая-нибудь беда? — спросил он.

— Боюсь, что да. Я уже три дня как не вижу Арриэтту.

А вы?

— Пожалуй, тоже нет.

— И никого из них?

Мистер Потт молчал, перебирая в памяти события последних дней.

— Нет, — наконец сказал он, — не припомню, думаю что нет.

— Мы с ней сговорились встретиться в понедельник у ручья, но она не появилась. Тогда я не встревожилась, шел дождь, а возможно, подумала я, приплыл Спиллс. Но его не было здесь. Я знаю теперь, где он ставит барку, — там пусто. А затем, когда я шла мимо их домика, я увидела, что задняя дверь раскрыта. Это ни на что не похоже, но я подумала, что они не поступили бы так легкомысленно, если бы не собрались все внутри, и это меня успокоило. Но когда я снова проходила там по пути домой, дверь оставалась распахнута. И весь день вчера и сегодня утром... Это немножко...

— Чудно, — согласился мистер Потт.

— Странно, — сказала мисс Мензиз (и то, и другое было сказано одновременно). — Мистер Потт, миленький, — продолжала мисс Мензиз, — после того как я показала их вам... помните, мы так старались быть осторожными, чтобы они нас не заметили... вы не ходили на них смотреть... я хочу сказать — в упор? Вы не напугали их?

— Нет, — сказал мистер Потт, — мне хватало дела здесь, мы же закрываемся на зиму. Я не спорю, мне нравится на них смотреть, но я просто был занят.

— А из трубы не идет дым, — продолжала мисс Мензиз, — вот уже три дня. Я хочу сказать, это вызывает...

— Тревогу, — сказал мистер Потт.

— Опасения, — сказала мисс Мензиз. Она положила на стол работу. — Вы все еще слушаете меня? — спросила она.

Тяжело дыша, мистер Потт намазал кончик спички клеем.

— Да... но я думаю... — сказал он.

— Мне не хотелось бы заглядывать прямо внутрь, — объяснила мисс Мензиз. — Во-первых, спереди не заглянешь, потому что Главная улица слишком узкая, там негде присесть, а если встать на колени позади дома, испортишь их сад. А во-вторых, вдруг они все же там — имею в виду Пода и Хомили? Тогда я выдам себя с оловой. Помните, я объясняла вам, как они боятся, что увидят? Если они еще не ушли оттуда, они тут же уйдут... из-за меня. И мы попадем из огня да в полымя...

Мистер Потт кивал головой; для него добывайки были внове, и все сведения о них он получал от мисс Мензиз; он понимал, что, изучая их месяц за месяцем, мисс Мензиз могла оценить их по достоинству, знала в них толк.

— Вы посчитали наш народец? — спросил он.

— наших человечков? Да, я тоже подумала об этом — два раза пересчитала их всех по словам. Сто семь и эти двое, что тут у нас в починке. Я не ошиблась? Я тщательно осмотрела их одного за другим, проверила каждый вагон, каждую щелочку. Нет, они или спрятались в доме, или ушли совсем. Вы уверены, что не напугали их? Хотя бы случайно?

— Я вам уже сказал, — ответил мистер Потт.

Он взглянул на нее, положил на стол кисточку и спички и открыл ящик стола.

— Что вы хотите сделать? — спросила мисс Мензиз, не сомневаясь, что у него уже созрел план.

— Хочу найти отвертку, — сказал мистер Потт. — Крыша Виноградного домика снимается

целиком... вот почему мы смогли надстроить второй этаж, помните?

— Ой, что вы, это невозможно... если они там, внутри... это все погубит!

— Придется рискнуть, — сказал мистер Потт. Наденьте пальто и возьмите зонтик.

Так мисс Мензиз и сделала; она почувствовала внезапно облегчение, передав командование мистеру Потту. Точно так же, подумала она, действовал бы ее отец и, само собой, Обри.

Мисс Мензиз послушно вышла следом за мистером Поттом на дождь и держала зонтик, пока он работал. Мистер Потт осторожно стал на Главной улице, а мисс Мензиз (неуклюже расставив ноги, чтобы не причинить вреда) возвышалась над Церковным переулком и Арриэттиным садом. Оба тревожно склонились над Виноградным домиком.

Несколько ловких поворотов отвертки, сопровождаемых громким ворчанием, и промокшая крыша целиком снялась с дома.

— Внутри сухая, как порох, — заметил мистер Потт, кладя ее в сторону.

Они увидели спальню Пода и Хомили — она казалась довольно голой, несмотря на кукольную мебель, которую купила и подбросила им мисс Мензиз. Постель с простынями из носовых платков была смята, словно ее покинули в спешке. Аккуратно сложенная рабочая одежда Пода лежала на стуле, а парадный костюм висел на плечиках, сделанных из английской булавки. Платья Хомили висели в ряд на вешалке, стоящей в ногах кровати.

Никаких признаков жизни — никаких звуков, кроме шума дождя, барабанившего по намокшему зонту.

На мисс Мензиз страшно было смотреть.

— Какой ужас — они даже не успели одеться! Что могло произойти?

— Внутри ничего нет, — сказал мистер Потт, глядя вниз и держа в руках отвертку, — ни звериных следов, ни признаков потасовки... Что ж, посмотрим, что там, внизу. Если память мне не изменяет, верхний этаж тоже снимается вместе с лестницей целиком. Лучше взять коробку для обстановки.

«Обстановка», — подумала мисс Мензиз, шлепая по лужам обратно в дом, пробираясь, как Гулливер, между улицами и переулками, перешагивая через стены и рельсы. Возле кладбища она поскользнулась и, чтобы не упасть, ухватила за колокольню; построенная добротно, та даже не покачнулась, но внутри раздался чуть слышный звон колокола — тихий, печальный, призрачный протест. Нет, подумала мисс Мензиз, «обстановка» — слишком громкое слово для того, что они увидели в комнатенке. Если бы она представляла это себе, она купила бы для них много других вещей, подкинула бы их где-нибудь неподалеку, чтобы Под их «добыл». Она знала, какие добывайки искусные мастера, какие изобретательные, но только теперь она впервые осознала, сколько времени требуется, чтобы меблировать целый дом, используя всякие ошметки... Мисс Мензиз нашла коробку и побрела назад.

Мистер Потт уже снял второй этаж вместе с идущей вниз лестницей и теперь заглядывал в комнату на первом этаже. Аккуратно, но тоже голо, снова подумала мисс Мензиз: комод из спичечных коробков, деревянный брусок в качестве стола, кастрюли из крышечек от пузырьков возле очага, а в углу Арриэттина кровать, сделанная из нижней половины обитого бархатом футляра, в котором некогда хранился мундштук для сигарет. Интересно, где они его нашли? Возможно, его принес Спиллер. Здесь тоже постель была смята, одеяло скинуто на пол, а одежда Арриэтты аккуратно лежала на коробочке из-под пилюль в ногах кровати.

— Не могу этого вынести, — сказала мисс Мензиз

сдавленным голбсом, шаря в кармане в поисках носового платка. — Не обращайтесь внимания, — торопливо продолжала она, вытирая глаза, — я сейчас перестану. Но что нам делать? В полицию идти бесполезно, они посмеются над нами — разумеется, не в глаза — и подумают, что мы сумасшедшие. Так именно и было, когда я увидела эльфа. В лицо-то они ничего не скажут, люди вежливые, но за спиной...

— Насчет эльфов не знаю, — сказал мистер Потт мрачно глядя на опустошенный дом, — но этих я видел собственными глазами.

— Я так рада и благодарна вам за то, что вы их видели! — горячо воскликнула мисс Мензиз. — Это для меня большое утешение.

В кои-то веки у них с мистером Поттом шел нормальный разговор.

— Что ж, давайте заберем вещи, — сказал мистер Потт, сопровождая свои слова делом. — И поставим на место крышу. Не то здесь все намокнет.

— Да, — откликнулась мисс Мензиз, — хоть это. Вдруг они...

Голос ее задрожал, дрожали и пальцы, когда она поднимала с пола платяной шкаф. Она заметила, что внутри нет крючочков — игрушки никогда не доделывают до конца, — поэтому она положила его в коробку плашмя, как сундук, и упаковала в него платья. Осколок зеркала в дверце вдруг вспыхнул под бледным лучом солнца, и мисс Мензиз увидела, что дождь перестал.

— Правильно ли мы делаем? — неожиданно спросила она. — Я хочу сказать, может быть, лучше оставить здесь все, как есть? Вдруг они вернутся?

Мистер Потт задумался.

— Право, не знаю, — ответил он, — просто я подумал, раз уж мы тут все разворошили, я кое-что изменю.

Перестав сражаться с защелкой на старом зонтике мистера Потта, мисс Мензиз подняла на него глаза.

— Вы хотите сказать... благоустроите?

— Вот-вот, — сказал мистер Потт. — Переиначу тут... сделаю настоящую плиту, проведу воду...

— Проведете воду? Неужели вы это можете?

— Нет ничего проще, — сказал мистер Потт.

Зонтик закрылся со щелчком, оросив их крупными каплями, но мисс Мензиз и не заметила этого.

— А я смогу все здесь обставить! — воскликнула она. — Коврики, кровати, кресла, все, все...

— Да, вам нужно какое-нибудь занятие, — сказал мистер Потт, глядя на ее мокрое от слез лицо, — чтобы отвлечься от грустных мыслей.

— Вы правы, — сказала мисс Мензиз.

— Но вы не очень-то надейтесь, что они вернутся, нам надо быть готовыми к худшему. Скажем, они чего-то испугались и убежали по собственному почину. Это одно дело. Как только они успокоятся, они скорее всего вернутся. Ну а если их забрали? Это совсем другое дело. Тот, кто их взял — кто бы это ни был, — взял их, чтобы оставить у себя. Понимаете, о чем я толкую?

— Но кто бы это мог быть? — недоумевающе проговорила мисс Мензиз.

— Видите? — сказал мистер Потт, отодвигая свою деревяшку и указывая отверткой на наполненное водой неровное пятно на мостовой Главной улицы. — Это след ноги. Человеческой ноги, но не мой и не ваш; мостовая разломана, мост провалился, точно на нем кто-то стоял. Ни вы, ни я этого не сделали бы, не так ли?

— Да, — еле слышно шепнула мисс Мензиз. — Но, — озадаченно продолжала она, — никто, кроме нас с вами, не знал об их существовании.

— Мы так думали, — сказал мистер Потт.

— Понятно, — сказала мисс Мензиз и замолчала. Затем медленно добавила: — А уж теперь, пусть они там смеются сколько хотят, я все же заявлю о пропаже в

полицию. Предъявлю наши права. На случай, если добывайки объявятся где-нибудь в другом месте.

Мистер Потт задумался.

— В этом есть смысл, — сказал он.

Глава 10

Сперва они неподвижно лежали в углу картонки, приходя в себя от потрясения. Когда сняли крышку, к неизмеримой высоте над ними стал виден белый покаты́й потолок. Через два слуховых оконца в косых стенах сочился холодный свет. Пол заслоняли бока картонки.

Арриэтте казалось, что у нее переломаны все кости. Она взглянула на мать: Хомили лежала как мертвая, в своей длинной ночной сорочке, упрямо зажмурив глаза, и Арриэтта поняла, что мать сложила оружие. До поры до времени. Арриэтта посмотрела на отца: он сидел, наклонившись вперед, погруженный в мысли, единственный из них, кто успел схватить одежду — свои залатанные рабочие штаны — и натянуть ее поверх ночной рубашки.

Поеживаясь от холода в батистовой ночной сорочке, Арриэтта подползла и прильнула к нему, положив голову ему на грудь. Под ничего не сказал, но его рука мягко обхватила ее за плечи, и он рассеянно, но нежно погладил ее.

— Кто они такие, папа? — хрипло шепнула Арриэтта. — Что случилось?

— Я еще толком не знаю, — ответил он.

— Все произошло так быстро... как землетрясение...

— Верно, — сказал он.

— Мама не хочет разговаривать.

— И я ее не виню, — сказал Под.

— Но она не ушиблась, по-моему, — продолжала Арриэтта, — это все нервы...

— Давай все-таки взглянем на нее, — сказал Под.

Они подползли к Хомили на коленях по вылинявшему одеялу, положенному на дно картонки, — почему-то, возможно, как всегда, стремясь укрыться, они не вставали во весь рост.

— Как ты себя чувствуешь, Хомили? — спросил Под.

— Полумертвой, — беззвучно пробормотала она, едва шевеля губами. Она лежала так ровно, так неподвижно — на нее страшно было смотреть.

— У тебя что-нибудь сломано? — спросил Под.

— Все, — простонала она. — Но когда он стал тревожно ощупывать ее похожие на палочки руки и торчащие из-под сорочки тощие ноги; она внезапно села и, сердито воскликнув: «Не тронь меня, Под!» — принялась подкалывать волосы. Затем снова откинулась назад, тихо прошептав: — Где я? — трагическим жестом взмахнула рукой и прикрыла ею глаза.

— Ну, мы все можем задать себе этот вопрос, — сказал Под. — Мы в какой-то комнате, в каком-то человеческом доме. — Он поглядел на оконца под потолком. — В мансарде — вот мы где. Посмотри...

— Не могу, — сказала Хомили и задрожала.

— И мы здесь одни, — добавил Под.

— Ну, это ненадолго, — сказала Хомили. — У меня мурашки по всему телу.

— Верно. — Арриэтта схватила отца за плечо. — Слышишь?

Подняв кверху лица, они замерли в уголке картонки, сжавшись в комок, сердца их лихорадочно бились — внизу, на лестнице, раздавались шаги.

Арриэтта в панике вскочила, но отец схватил ее за руку:

— Спокойно, девонька. Куда ты?

— В укрытие, — выдохнула Арриэтта. Шаги стали громче. — Неужели тут негде спрятаться? Бежим! Скорей...

— Что толку, — сказал Под, — им известно, что мы

здесь. Нас начнут искать, тыкать повсюду палкой, стану вытаскивать... Мать этого не перенесет. Нет, лучше остаться на месте и не впадать в панику.

— Но мы же не знаем, что нас ждет. — Арриэтта чуть не плакала. — Не можем же мы просто сидеть сложа руки — надо спасаться.

Внезапно Хомили села и обняла Арриэтту.

— Тихо, девочка, тихо, — шепнула она. Как странно, голос ее неожиданно стал спокойным. — Отправься. Мы ничего не можем сделать.

Шаги приближались, становились все громче, скрипили голые деревянные ступени. Добывайки тесней прижались друг к другу. Под, подняв лицо, превратился в слушателя.

— Отлично, — шепнул он Арриэтте на ухо, — мне это нравится, всегда будем знать заранее, что они идут... И застанут нас врасплох.

Арриэтта, все еще тихонько всхлипывая, прильнула к матери, никогда в жизни она не была так напугана.

— Полно, дочка, полно, — повторяла Хомили.

Шаги звучали уже на площадке. За дверью слышалось тяжелое дыхание, звяканье ключей, бренчанье посуды. Раздался глухой стук отодвигаемой задвижки, затем второй, ключ со скрипом повернулся в замке.

— Осторожней, — услышали добывайки голос. — Прольешь.

Затрещали, затряслись половицы — две пары ног подходили все ближе к ним. Внезапно над их головами нависла огромная тарелка, позади нее маячило лицо. Добывайки никогда еще не видели таких лиц — розовое, напудренное, с башней желтых волос на голове; с двух сторон, чуть не задевая их, болтались агатовые серьги. Лицо опускалось... ближе, ближе... Добывайки уже могли разглядеть каждую жилку на запудренных багровых щеках, каждую светлую ресничинку вокруг водянисто-голубых глаз, которые неотрывно смотрели в картонку... Тарелка опустилась на пол.

Рядом с первым лицом появилось и нависло над ними второе: более жесткое и бледное, в очках без оправы — свет отблескивал от них, глаз не было видно. Над картонкой взлетело блюдо и опустилось рядом с тарелкой.

Внезапно розовые губы на первом лице раскрылись, и вместе с теплым дыханием, которое, словно порыв ветра, изъерошило волосы у Хомили на голове, оттуда донеслись слова:

— Ты думаешь, душенька, у них все в порядке?

Очки вдруг исчезли со второго лица, затем снова там появились — владелец их протирал. Как Под ни был напуган, он все же подумал: «А они бы мне на что-нибудь угодились, и этот шелковый носовой платок тоже».

— Немного не в форме, — ответили более тонкие губы, — ты их растрясла, когда несла в картонке.

— Может быть, добавить в молоко капельку коньяка, душенька? — предложили розовые губы. — У тебя с собой фляжка?

Очки удалились, исчезли на миг, послышалось звяканье металла по фарфору. Под крепче сжал руку Хомили, словно желая что-то ей сообщить. Она в ответ изо всех сил стиснула его плечо. Первый голос сказал:

— Хватит, Сидни, не переборщи.

Над ними снова показались огромные лица, огромные глаза уставились на них...

— Погляди на их личики... на эти ручки, волосики, ножки и все другое. Что они такое, как ты думаешь, Сидни?

— Для нас они находка, вот что они такое для нас! Золотое дно! Пошли, душенька, они не будут есть при нас.

— Можно, я выну кого-нибудь из них?

— Нет, Мейбл, лучше их руками не трогать.

(Под снова сжал ладонь Хомили.)

— Но почему?

— Неужели не ясно? Мы взяли их не для того, чтобы приручать. Оставь их в покое, Мейбл, посмотрим, как они здесь устроятся. Можем прийти попоздней.

Глава 11

— Мейбл и Сидни, — сказала Арриэтта, когда шаги замерли вдаль. Казалось, спокойствие духа неожиданно вернулось к ней.

— Ну и что из этого? — спросил Под.

— Это их клички, — небрежно сказала Арриэтта. Ты разве не слушал, что они говорили?

— Почему ж? Я слышал, как он сказал, что нас нельзя брать в руки и что надо налить капельку коньяка в молоко.

— Молоко! Словно мы кошки, — пробормотала Хомили.

Однако у всех троих гора упала с плеч: страшный момент — встреча с их тюремщиками — остался позади.

— Если вы хотите знать мое мнение — они не очень-то сообразительные. Может быть, они и не глупы, даже умны по-своему, но сообразительными их не назовешь.

— Кто — Мейбл и Сидни, да? — спросила Арриэтта. И внезапно рассмеявшись, подошла к стенке картонки.

Под улыбнулся, услышав ее тон.

— Да, они самые, — сказал он.

— Еда, — объявила Арриэтта, заглядывая за край картонки. — Я ужасно проголодалась, а вы?

— Я и пальцем ни к чему не притронулся, — заявила Хомили. Но тут же, по-видимому, передумала. — А что там есть? — слабым голосом спросила она.

— Мне отсюда плохо видно, — ответила Арриэтта, перевешиваясь через край.

— Погодите-ка, — сказал Под, — у меня сейчас мелькнула одна мысль, очень важная мысль, можно

сказать — осенило. Вернись сюда, Арриэтта, сядь возле матери — еда не убежит.

Когда обе они уселись, выжидающе глядя на Под, Под откашлялся, чтобы прочистить горло.

— Мы должны реально смотреть на вещи, — начал он. — Я все это обдумал, и, хоть мне и не хочется вас пугать, надо признать, что положение наше тяжелое — хуже некуда.

Он приостановился, и Хомили, взяв в свои ладони руку Арриэтты, погладила ее успокаивающе.

— Ни один добывайка, — продолжал Под, — во всяком случае из тех, кого я знаю, не находился в полной власти у людей. В полной власти, — мрачно повторил он, переводя взгляд с одного испуганного лица на другое. — Добываек видели — нас самих видели, добываек вымаривали голодом или выгоняли из дома другим путем, но чтобы их брали в плен — о таких штуках я ни разу не слышал... ни разу за всю мою жизнь. А ты, Хомили?

Хомили облизнула сухие губы.

— Нет, — прошептала она.

У Арриэтты был очень мрачный вид.

— Так вот, если мы не найдем способа отсюда убежать, это с нами и произойдет — мы до самой смерти будем в полной власти у людей... Полной власти, — медленно повторил он, словно хотел, чтобы слова эти отпечатались у них в уме.

Наступила зловещая тишина; наконец Под снова заговорил:

— Кто будет капитаном на нашем корабле?

— Ты, Под, — хрипло сказала Хомили.

— Верно, я. И вам обоим придется слушать мою команду. Я намерен установить правила... не все сразу, смотря по тому, что нам будет нужно. Понятно, первое правило — послушание...

— Само собой, — сказала Хомили, стискивая руку Арриэтты.

— ...А второе — то самое, что пришло мне сейчас в голову, — мы все как один должны набрать в рот воды.

— Право, Под... — резонно начала Хомили, зная, что всему есть предел.

Арриэтта сразу поняла, о чем говорит отец.

— Папа хочет сказать: мы не должны разговаривать с Мейбл и Сидни.

Под снова улыбнулся, хотя и вымученной улыбкой, на презрительному тону.

— Да, с этими самыми, — подтвердил он. — Они даже знать не должны, что мы умеем говорить. Потому что, он ударил двумя пальцами правой руки по ладони левой, чтобы подчеркнуть смысл своих слов, — если они не узнают, что мы умеем говорить, они будут думать, что мы ничего не понимаем. Как животные. А если они будут думать, что мы ничего не понимаем, они сами станут приходить к нам говорить. Ясно, куда я клоню?

Хомили несколько раз быстро кивнула головой; она гордилась Подом.

— Ну, что ж, — продолжал он более спокойно и неторопливо, — давайте взглянем на их еду, а когда поедем, начнем обход этой комнаты... исследуем все трещины и щели от пола до потолка. Займет это у нас несколько дней.

Арриэтта помогла матери подняться с пола. Под, подойдя к стенке картонки, перекинул через край ногу и легко соскочил вниз. Затем помог спуститься Хомили. Арриэтта прыгнула следом и тут же бросилась к тарелке.

— Холодный рисовый пудинг, — сказала она, обходя тарелку кругом, — немного рубленого мяса, холодная капуста, хлеб и, — она дотронулась пальцем до чего-то черного и лизнула палец, — и половинка маринованного грецкого ореха.

— Осторожней, Арриэтта, — предупредила Хомили, — он может быть отравленным.

— Вряд ли, — сказал Под. — Похоже, что они предпочитают иметь нас в живом виде. Хотел бы я знать — почему.

— Но как, они думают, мы станем пить молоко? — простила Хомили.

— Зачерпни руками.

Хомили опустилась на колени и, сложив ладони лодочкой, погрузила их в блюдо. Скоро все лицо у нее было в молоке, но по жилам разлилось живительное тепло, и чем дольше она пила, тем больше поднималось ее настроение.

— Коньяк, — сказала она. — Дома, в Фирбэнке, они держали его в гостиной, и эти Надкаминные часто...

— Право, Хомили, — сказал Под, — сейчас не время для сплетен. И там был не коньяк, а виски.

— Не важно что, напивались-то они в дым, а сами говорили всякий раз, что в дом приходил управляющий имением, чтобы представить счета. Как мясо, дочка?

— Вкусное, — ответила Арриэтта, облизывая пальцы.

Глава 12

— Ну а теперь, — сказал Под, когда они покончили с едой, — пора браться за комнату.

Он посмотрел вверх. В обеих идущих наклонно стенах было по слуховому оконцу, расположенному на головокружительной высоте; створки запирались между собой на задвижку, снизу на каждой был вертикальный шпингалет. Над окнами висел голый металлический прут для занавесок с ржавыми кольцами. В одно из окон Под увидел ветку дуба, которую раскачивал ветер.

— Странно, — заметила Арриэтта, — начали мы под полом, а добрались до чердака.

— А добывайкам не следует, — вставила Хомили, забираться высоко. Это к добру не ведет. Вспомните хотя о Надкаминных, там, в Фирбэнке. Уж так много о себе понимали, а все потому, что жили высоко. Хоть бы раз «добрый день» сказали, когда ты был на полу. Вроде бы вовсе тебя не видели... С этих окон проку не будет, заметила она, — сомневаюсь, что сами человеки могут их достать. Интересно, как они их моют?

— Забираются на стул, — сказал Под.

— А как насчет газовой плиты? — спросила Хомили.

— Безнадежно, — ответил Под, — она наглухо соединена с камином.

Это была небольшая газовая плита с одной горелкой, на конфорке в ведерке стояла помятая жестянка с клеем.

— А если попробовать дверь? — сказала Арриэтта. Вырежем внизу дыру...

— Чем? — спросил Под, все еще рассматривая топку камина.

— Может быть, найдем тут какой-нибудь инструмент, — сказала Арриэтта.

В комнате было полно разных предметов. Возле камина стоял портновский манекен, обтянутый темно-зеленым репсом; формой он напоминал песочные часы, вместо головы у него была шишечка, а пышные бедра заканчивались чем-то вроде решетчатой нижней юбки из металлических полос — для прилаживания настоящих юбок. Он стоял на трех изогнутых ножках с колесиками. Темно-зеленая грудь была утыкана булавами, а на одном плече торчали в ряд три иголки с нитками. У Арриэтты возникла странная мысль: неужели, если снять с человеков одежду, они похожи на эту штуку? Может быть, в отличие от добываек, они сделаны вовсе не из плоти и крови? Ей припомнилось, что когда Мейбл ставила на пол тарелку, раздавался какой-то скрип; и ничего удивительного: чтобы удержать стоймя такую массу, надо

прятать под платьем какие-нибудь подставки или подпор-

Над каминной доской, по обе ее стороны, были медные юные рожки на шарнирах, позеленевшие от времени. На кронштейне одного из них болталась мерная лента с нанесенными на нее делениями. На самой полке Арриэтта увидела край треснувшего блюда, лезвия огромных, видимо портновских, ножниц и большую железную подкову, поставленную на попа.

Под прямым углом к камину, отодвинутая от наклонной стены, стояла ножная швейная машина, точь-в-точь как та, вспомнила Арриэтта, что была в Фирбэнке. Над ней свисали с гвоздя резиновая велосипедная камера и пачка из рафии. На полу стояли два сундука, лежали кучи старых журналов и сломанные садовые стулья. Между сундуками был прислонен к стене сачок, с помощью которого их захватили. Хомили взглянула на бамбуковую ручку и, дрожа, отвела глаза.

С другой стороны комнаты возвышался большой кухонный стол, рядом — кресло с высокой плетеной спинкой. Стол был уставлен аккуратными стопками тарелок и блюдца разного размера и другими вещами, которые снизу было трудно разглядеть.

На полу возле кресла, под самым окном, они увидели массивный ящик орехового дерева, инкрустированный потемневшей от времени бронзой. Полировка растрескалась, местами совсем сошла.

— Похоже на дорожный не-

сессер, — сказал Под, он видел нечто подобное Фирбэнке, — для гребенки, мыла и одеколona. Или и одну из этих складных коробок для письменных принадлежностей. Хотя нет, — продолжал он, подойдя поближе к ящику, — тут сбоку ручка.

— Это музыкальная шкатулка, — сказала Арриэтта.

В первый момент им показалось, что ручку заело, но вскоре она пошла совсем легко. Добываяки поворачивала ее, словно рукоятку старомодного катка для белья, трудно было лишь на самом верху оборота. Однако Хомили, при ее длинных руках и пальцах, умудрилась дотянуться и туда — она была немного выше Подa. Послышался скрип и шорох, затем раздалась мелодия, прелестная, как перезвон колокольчиков, под который эльфы водят свои хоровод, но почему-то немного печальная. И вдруг она кончилась так же внезапно, как началась.

— О, сыграй еще раз! — вскричала Арриэтта.

— Хватит, — сказал Под, — у нас много дел.

Он внимательно рассматривал стол.

— Ну, хоть один разочек, — упрашивала Арриэтта

— Хорошо, — сдался он, — но поторопись. Уже не так рано...

Пока шкатулка исполняла «на бис» свою песенку Под стоял посреди комнаты, не сводя глаз со столешницы.

Когда Арриэтта и Хомили присоединились к нему, Под сказал:

— Туда, наверх, есть смысл забраться.

— Не представляю, как ты это сделаешь, — сказала Хомили.

— погоди минутку, — прервал ее Под, — я, кажется, придумал...

Они послушно замолчали, глядя, как он переводит глаза с предмета на предмет; вот он измерил высоту кресла с плетеной спинкой, вот, отвернувшись от него, взглянул на мочалку, прикинул, где вколоты в манекен

булавки, и снова посмотрел на стол. Хомили и Арриэтта заатаили дыхание.

— Легче легкого, — сказал наконец Под, улыбаясь, — детская игра. — И потер руки, он всегда веселел, когда удавалось успешно решить какую-нибудь профессиональную задачу. — Не удивлюсь, если там, наверху, полно всякого добра.

— Но нам-то что с этого толку? — спросила Хомили. — Раз отсюда все равно не уйти?

— Почему знать? — возразил Под. — Но так или иначе, — бодро продолжал он, — будем при деле — не станем мешать нос.

Глава 13

Вскоре у них установился определенный распорядок. Утром, часов около девяти, в мансарде появлялись миссис или мистер Плэттер — или оба вместе — и приносили еду. Они проветривали комнату, убирали грязную посуду и вообще устраивали добываек на день. Миссис Плэттер — к ярости Хомили — упорно продолжала смотреть на них как на кошек и помимо блюда молока и миски с водой ежедневно ставила на чистом листе газеты не только еду, но и противень с золой.

Под вечер, между шестью и семью часами, все повторялось, и называлось это у Плэттеров «укладывать их спать». К тому времени темнело, нередко добывайки уже дремали, и чирканье спички, яркое пламя и рев газового рожка пробуждали их ото сна. Согласно одному из правил Пода, как бы деятельны ни были добывайки между приходами их тюремщиков, те не должны были видеть их нигде, кроме как в картонке. Времени забраться туда было предостаточно, так как шаги на лестнице загодя предупреждали их, что идут Плэттеры.

— Они не должны знать, что мы умеем лазать, — напоминал Под.

Завтрак состоял из остатков того, что сами Плэттеры ели утром, ужин — более разнообразный и вкусный — из того, что те ели на обед. Если добывайки оставляли что-нибудь на тарелке нетронутым, это никогда больше не приносилось. «В конце концов, — сказал как-то мистер Плэттер, — книг о них нет, как нам выяснить, чем они питаются? Только путем проб и ошибок. Дадим им немножко того, немножко этого, вот и увидим, что им по вкусу».

За редкими исключениями — когда мистер или миссис Плэттер решали заняться в мансарде починкой или поднимались наверх с подносами чайной посуды, ножей и ложек, чтобы спрятать все это на зиму, — часы между завтраком и ужином были в полном распоряжении добываек.

Это были очень деятельные часы. В первый день Под с помощью согнутой булавки и длинной, завязанной узлами пасмы ниток умудрился забраться на стол, а когда убедился, что путь этот не представляет опасности, показал Арриэтте, как подняться к нему. Позднее, сказал он, они сделают из рафии веревочную лестницу.

С трудом пробираясь между картонными стенками, они осмотрели все коробки, стоявшие на столе; в одних были ложки и ножи, в других — бумажные мельнички, в третьих — игрушечные воздушные шары. Были там коробочки с гвоздями и различными винтиками и даже небольшая жестянка из-под печенья без крышки, полная всевозможных ключей. Они увидели высокую груду плетеных корзин из-под клубники в красных пятнах, грозивших упасть, и множество мешков из вощанки, в которых были аккуратно запакованы вставленные один в другой вафельные стаканчики для мороженого.

В столе было два ящика, один оказался приоткрытым. Под и Арриэтта протиснулись внутрь и разглядели в полумраке, что там полно инструментов. У Пода застряла нога между гаечным ключом и отверткой, а когда он ее

вытаскивал, отвертка откатилась в сторону и ударила Арриэтту. Хотя ушибы их были несерьезные, они все же решили, что этот ящик — опасное место и розыскам надо поставить здесь предел.

К концу четвертого дня вся операция была закончена: добывайки знали, где находится и для чего скорее всего применяется каждый предмет в комнате. Они даже умудрились поднять крышку музыкальной шкатулки, надеясь заменить мелодию. Но их надежда не оправдалась. Крышка легко поднялась вверх на медных шарнирах и, щелкнув, закрепилась в пазу. Закрылась она так же просто и даже еще быстрее — стоило нажать на кнопку. Однако это было все; послушать новую песенку им не удалось: медный цилиндр, украшенный странным узором из стальных штырьков, был добывайкам не под силу. Оставалось лишь жадно смотреть на пять таких же тяжелых цилиндров, стоящих в ряд у задней стенки шкатулки, в которых прятались неведомые им мелодии.

С каждой новой находкой, с каждым новым открытием — вроде того, что низ двери обит листовым железом, а слуховые оконца находятся на такой высоте, что даже у Пода, когда он на них смотрит, кружится голова — надежды добываек на побег становились все слабей: способа выбраться отсюда они пока не видели.

Под все больше времени проводил в раздумьях. Арриэтта, когда ей надоела музыкальная шкатулка, раскопала среди журналов несколько старых и рваных экземпляров «Иллюстрированных лондонских новостей». Она вытаскивала их — один журнал зараз — и, разложив под столом, апатично бродила по огромным, как паруса, страницам, рассматривая картинки, а иногда читая вслух.

— Понимаешь, никто не знает, где мы! — порой восклицал Под, нарушая унылое молчание. — Даже Спиллер.

«Даже мисс Мензиз...» — думала про себя Арриэтта, грустно глядя на диаграмму в полстраницы, где была

схема плотины, которую собирались строить в низовьях Нила.

Когда утра стали прохладнее, Хомили оторвала несколько полосок от изношенного одеяла и они с Арриэтто обертывали их вокруг бедер наподобие саронга и накидывали на плечи вместо шали.

Увидев это, Плэттеры решили зажечь газовую плиту и оставить ее гореть, прикрутив горелку. Добывайки были этому рады: хотя в комнате порой делалось душно, они могли теперь подсушивать остатки самых невкусных блюд, и трапезы стали для них привлекательнее.

Однажды миссис Плэттер поднялась торопливо по лестнице и с очень решительным видом направилась к столу. Добывайки увидели, что она выдвигает второй, закрытый, ящик и вытаскивает оттуда лоскуты и свертки из кусочков старой материи, аккуратно перевязанные тесьмой. Развернув сверток пожелтевшей фланели, миссис Плэттер взяла портновские ножницы и, подойдя к картонке, стала пристально, прищурив глаза, разглядывать Пода, Хомили и Арриэтту.

Добывайки испуганно смотрели, как над их головой мелькают лезвия ножниц. Щелк. Щелк. Неужели она хочет подравнять их по росту? Но нет... Кряхтя и пыхтя, миссис Плэттер опустила колени на пол и, сложив фланель вдвое и расстелив ее перед собой, вырезала три комбинезона, все на один покрой, из целого куска. Она сострочила их на швейной машине, досадливо ахая всякий раз, как застревало колесо или рвалась нитка. Когда у нее упал наперсток и закатился под ножку машины, добывайки отметили, где он лежит: наконец-то у них будет чашка!

Тяжело дыша, миссис Плэттер вывернула свои изделия на правую сторону (при помощи крючка для вязания тамбуром).

— Получайте! — сказала она и кинула комбинезоны в картонку.

Они стали колом, как безголовые куклы. Никто из добываек не шевельнулся.

— Ну, одеться-то вы можете сами, не так ли? — сказала, помолчав, миссис Плэттер.

Добывайки смотрели на нее широко раскрытыми немигающими глазами, и, подождав немного, она повернулась и вышла.

Одеяния были ужасные — бесформенные, жесткие, негнувшиеся, и сидели они ужасно. Но они грели, и теперь Хомили могла наконец выполоскать их собственную одежду в миске с питьевой водой и повесить над газом сушиться.

— Слава богу, что я себя не вижу, — мрачно сказала Хомили, подозрительно глядя на Пода.

— Слава богу, — согласился он, улыбаясь, и поскорее отвернулся от нее.

Глава 14

Время шло, и постепенно добывайки узнали, по какой причине их взяли в плен и с какой целью. Узнали они и о постройке на острове дома-клетки (уверенные, что теперь-то уж они станут грести деньги лопатой, мистер и миссис Плэттер решили даже поставить вместо ворот на подъездной дороге турникет), и о том, что одна его сторона будет сделана из зеркального стекла, чтобы выставить напоказ их домашнюю жизнь.

— Стекло обязательно должно быть тяжелым и крепким, — объяснял мистер Плэттер жене план будущего жилища, — чтобы они не могли его разбить, и ходить по бокам в пазах, чтобы можно было его поднимать и чистить клетку. Мебель надо намертво приделать к полу и так расположить, чтобы спрятаться за ней было нельзя. Ты помнишь клетки в зоопарке, где животные спят за стенкой в глубине? Стоишь там часами и ждешь, когда

оно выйдет, и все зря. Нам это не подойдет. Мы не можем допустить, чтобы люди требовали назад свои деньги.

Миссис Плэттер была с ним согласна. Она видела мысленным взором будущую постройку и считала мистера Плэттера на редкость умным и дальновидным.

— Клетку, — продолжал он с серьезным видом, — или дом, или как там это назови, надо поставить на бетонный фундамент. Нам ни к чему, чтобы они прорыли нору.

— Еще бы, — поддакнула миссис Плэттер.

Пока мистер Плэттер занимался устройством их жилья, миссис Плэттер, как выяснили добывайки, договорилась с портнихой полностью обновить их гардероб. Чтобы одежда подошла по размеру, миссис Плэттер взяла в качестве образца их ночные сорочки. Хомили с большим интересом слушала, как миссис Плэттер описывает мужу зеленое платье — «с небольшим турнюрком... как мое лиловое в полоску, помнишь?».

— Хотела бы я хоть одним глазком взглянуть на ее лиловое в полоску, — озабоченно повторяла Хомили не раз и не два, — имела бы по крайней мере какое-то представление.

Но Пода заботили куда более серьезные вопросы. Каждый подслушанный разговор все больше укреплял его уверенность в их ужасной судьбе: прожить остаток своих дней на глазах у человеков, под их постоянным неослабным взглядом. «Ни одно живое существо не выдержит этого, — думал Под, — мы просто зачахнем под этими взглядами — вот что с нами будет, мы захиреем и умрем. А человеки будут на нас пялиться, даже когда мы окажемся на смертном одре; будут смотреть, вытягивая шеи и отталкивая друг друга, как Под гладит по голове умирающую Хомили или Хомили — умирающего Пода. Нет, — мрачно решил он, — с сегодняшнего дня вся наша жизнь, все мысли должны быть посвящены одному — как нам убежать, убежать, пока мы еще здесь, в мансарде,

пока не наступила весна. Только бы не попасть живьем в эту клетку со стеклянной стенкой. Чего бы это ни стоило. Любой ценой!»

Зима подходила к концу, и Пода все больше раздражалось то, что Хомили нервничает по пустякам вроде противня с золой, а Арриэтта не обращает ни на что внимания и интересуется только «Иллюстрированными лондонскими новостями».

Глава 15

За это время (с середины ноября до декабря) добывайки составили несколько планов и попытались претворить их в жизнь. Под ухитрился вытащить четыре гвоздя, которыми была прибита деревянная заплатка на полу под кухонным столом.

— Понимаете, они тут не ходят, — объяснил он жене и дочке, — а под столом тень.

Эти четыре крепких гвоздя он заменил более тонкими, взятыми из коробочки. Их было куда легче выдернуть, а строем они могли сдвинуть в сторону деревянную планку. Под ней они обнаружили уже знакомые им брусья и поперечные балки; все было покрыто пылью, лежавшей толстым слоем — по колено добывайкам — между их полом и потолком нижней комнаты. («В точности как тогда, когда мы переехали под кухню в Фирбэнке, — сказала Хомили. — Иногда я думала, нам никогда не привести там все в порядок, и все же нам это удалось».)

Но Под вовсе не ставил себе целью поселить там свое семейство — он искал способ добраться до оштукатуренных стен комнаты, которая была под мансардой. Если бы это удалось, думал Под, они смогли бы спуститься по драдке до самого низа дома — пробираются же таким путем мыши и крысы; и, напомнил он, хоть это утомительно и даже опасно, они и сами не раз проделывали такой путь.

— Мы были тогда моложе, Под, — боязливо напомнил ему Хомили, не при всем том попробовать она, видимо, была не прочь.

Однако у них ничего не вышло; мансарда находилась под крышей, а между крышей и кирпичной коробкой дома, на которую она опиралась, было сплошное бетонное перекрытие. Так что вниз, к drankе, было не попасть.

Следующая идея Пода заключалась в том, чтобы проделать дырочку в потолке комнаты под ними и спуститься туда без прикрытия с помощью веревочной лестницы из рафии — не важно, куда они попадут.

— По крайней мере, — сказал Под, — мы будем на один этаж ниже, и окна будут не так высоко от земли, и дверь не заперта.

Однако он решил сперва взять сапожную иглу в ящике с инструментами и пробуровать в штукатурке глазок. Это тоже было опасно — по потолку могли пойти трещины, и, само собой, немного штукатурки просыплется на пол. Все же они решили рискнуть: у добываек такое острое зрение, что даже в самую маленькую дырочку они могут все разглядеть.

Когда наконец они просверлили отверстие, перед их изумленным взором внезапно возникла нижняя комната — она оказалась спальней мистера и миссис Плэттер. Они увидели большую кровать с медными шишечками, яркое розовое атласное одеяло, турецкий ковер, стоячий утюг, вальник с двумя наборами фарфоровых кружек и цветочек, туалетный столик с зеркалом и корзинку для кошки. Но встревожило их другое: в комнате была миссис Плэттер — отдыхала после обеда. Так странно было видеть ее пышные формы под таким непривычным углом! Она полулежала, прислонившись спиной к подушкам, с мирным и беззаботным видом читая журнал по домоводству; лениво переверачивая страницы, она жевала ириски, беря их из круглой жестянки. У нее в ногах развалилась кошка. На одеяле возле кошки был виден белый на

розовом небольшой кружок — штукатурка. Под с радостью подумал, что когда миссис Плэттер встанет, белые крупинки тут же стряхнутся на пол.

Дрожа и не говоря ни слова, добываяйки попятились от глазка и бесшумно пробрались через окутавшую все пыль до выхода из-под пола. Молча положили деревянную планку на место и осторожно засунули в дырки гвозди.

— Ну и ну!.. — сказал Под, когда они добрались до стоявшей в углу картонки, и, забравшись внутрь, вытер лоб рукавом. — Вот уж чего не ожидал увидеть.

Под был потрясен.

— Я тоже, — отозвалась Хомили и задумалась. — Но, может быть, это пойдет нам на пользу.

— Может быть, — неуверенно согласился Под.

Следующая попытка была связана с окном — тем, через которое им была видна ветка дуба. Эта ветка была их единственной связью с внешним миром. «Восточный ветер», — иногда говорила миссис Плэттер, открывая окно, чтобы проветрить комнату, — для этого ей приходилось вставать на стул, — и, по тому, в какую сторону отдувало листья, добываяйки могли приблизительно предсказать погоду. Восточный ветер означал снег.

Они с удовольствием смотрели, как пляшут резвые снежинки, как нарастает на подоконнике снежная гора, но радовались тому, что у них тепло. Было начало января — не самая подходящая погода, чтобы открывать окно, но они не могли терять времени.

Все же Хомили попыталась отговорить Под.

— Ну, ладно, откроем мы окно, где мы окажемся? На крыше. А какая она крутая — видно по нашим стенам и потолку. Я хочу сказать, нам лучше здесь, внутри, чем снаружи, Под. Я готова на многое, но если ты думаешь, что я прыгну с крыши на эту ветку, то ты ошибаешься.

— Тебе никогда не допрыгнуть до этой ветки, Хомили

ли, — терпеливо говорил ей Под, — до нее очень далеко. И, что важнее, она никогда не стоит на месте. Нет, думаю не о ветке, я думаю совсем о другом...

— О чем же тогда?

— О том, где мы находимся, — сказал Под, — вот что я хотел бы узнать. С крыши можно что-нибудь увидеть? Ты слышала, что они говорили о Литл-Фордэме и прочем? И о реке. Я просто хочу знать, где мы.

— Что толку, — колко возразила ему Хомили, — если нам все равно отсюда не уйти?

Под обернулся и посмотрел на нее.

— Мы не должны складывать оружие, — сказал он.

— Я знаю, Под, — быстро проговорила Хомили. Она кинула взгляд под стол, где, как всегда, поглощенные «Иллюстрированными лондонскими новостями», лежали на полу Арриэтта. — И мы обе хотим тебе помочь. Мы ведь сделали из рафии лестницу, верно? Ты только скажи, что надо.

— Сделать вы можете не так-то много, во всяком случае сейчас. Видишь, какая тут хитрость с этим окном, чтобы открыть задвижку, надо повернуть ее рукоятку вверх. Понимаешь, что я имею в виду? То же самое с шпингалетом: чтобы выдернуть его из гнезда, дергать надо вверх. Если бы, чтобы открыть окно, можно было повернуть рукоятку вниз, это было бы проще простого. Мы бы накинули на нее кусок веревки, повисли бы втрое на другом конце, и под нашей тяжестью рукоятка бы опустилась, а задвижка поднялась.

— Да, — задумчиво сказала Хомили, сосредоточенно глядя на окно. — Да, я понимаю, о чем ты говоришь.

Несколько минут оба молчали в глубоком раздумье.

— А если попробовать прут для занавесок? — сказали наконец Хомили.

— Прут для занавесок? Я не совсем тебя по...

— Он крепко прикреплен к стене?

Под скосил глаза.

– Вполне. Он медный и с этими кронштейнами...

– А за прут ты можешь закинуть веревку?

– За прут для занавесок?

– Ну да, и использовать его как ворот или блок.

У Поды просияло лицо.

– Хомили, – сказал он, – это как раз то, что нам надо! Подумать только, я неделю за неделей ломал себе голову... а ты с первого раза попала в самую точку.

– Ерунда, – улыбаясь, сказала Хомили.

Под объяснил, кому что делать, и они сразу же принялись за работу. Отнесли на верхнюю коробку, из тех, что стояли на столе – самое близкое место к окну, – небольшой ключик, привязанный к концу веревки, скинули с каминной доски подкову и оттащили ее за музыкальную шкатулку под окно, и Под, забравшись на пирамиду из коробок, принялся терпеливо раз за разом кидать ключик на стену над медным прутот, висающим на двух кронштейнах. Наконец раздался долгожданный звон металла по стеклу, и в то время как Арриэтта разматывала понемногу клубок, отпуская веревку, ключик опустился – мимо окна, мимо подоконника – на пол, прямо к ногам Хомили, стоявшей рядом с подковой. Хомили отцепила ключ и вместо него прикрепила к веревке лестницу из рафии, а Арриэтта смотала клубок обратно так, что верхняя ступенька оказалась под медным прутот; Хомили привязала низ качающейся лестницы к подкове, Арриэтта туго натянула веревку и обмотала ее вокруг ножки стола. И тут Под спустился со стола на пол.

Это было настоящее чудо. Лестница, накрепко соединенная с веревкой, перекинутой через медный прут, поднималась от подковы вдоль стыка створок, тугая, как струна.

Сопровождаемый взглядами Хомили и Арриэтты, Под стал забираться по лестнице. Оказавшись на одном уровне с задвижкой, он перебросил первую перекладину лестницы

через медный прут и освободил веревку — очень важный момент. Арриэтта в это время, стоя у ножки стола, разматала с мотка несколько дюймов, давая Под возможность обвязать конец веревки вокруг рукоятки задвижки. Затем Под спустился по ножке стола на пол и перенес моток под окно.

— Пока все хорошо, — сказал Под. — Теперь будем тянуть все вместе. Арриэтта берется первая, ты, Хомили, за ней, а я буду замыкать.

Они послушно выполнили его указание, намотав веревку на кулаки, добывайки откинулись назад, уперлись в пол пятками и напрягли мускулы. Медленно-медленно рукоятка задвижки поднялась наверх, похожая на молоток, головка плавно опустилась, описав дугу, и одна из створок окна оказалась свободна.

— Наша взяла! — сказал Под. — Можете отпустить веревку. Но это еще полдела.

Добывайки стояли, тяжело дыша и потирая руки. Они чувствовали себя счастливыми.

— Беремся за шпингалет, — сказал Под.

И все повторилось с самого начала, на этот раз более умело и быстро. Язычок шпингалета, легко ходивший в вертикальном желобке, свободно поднялся и повис над пазом.

— Окно открыто! — вскричал Под. — Его держит только снег на подоконнике.

— Нам ничего не стоит скинуть его, если залезть на лестницу, — сказала Хомили. — И мне так хочется посмотреть, какой отсюда вид.

— Вид — пожалуйста, — сказал Под, — через одну минуту, но вот снег трогать нельзя. Нам ни к чему, чтобы Мейбл и Сидни зашли сюда и увидели, куда мы забрались. Во всяком случае сейчас... Что нам надо — это закрыть окно. Да побыстрей. Как ты, Хомили? Хочешь немного отдохнуть?

— Нет, я еще не устала, — ответила она.

— Тогда за дело! — сказал Под.

Глава 16

Под руководством Пода все было проделано в обратном порядке, и хотя Хомили и Арриэтта раза два кое-что напутали, задвижка и шпингалет были прочно закреплены. Но перед тем — как и обещал им Под — все трое торжественно поднялись друг за другом по веревочной лестнице и, вытерев запотевшее стекло, в первый раз посмотрели на расстилавшийся перед ними ландшафт. Далеко-далеко внизу — у них даже дух захватило — Добывайки увидели на склоне лужайку «Плэттеров и черную змейку реки, терявшейся вдаль; увидели покрытые снегом крыши Фордэма, а за излучиной ручья — три высоких тополя, стоявших, как они знали, на границе Литл-Фордэма. «Неближный свет, — подумала Хомили, — даже напрямик».

Добывайки не обсуждали того, что увидели; расстояние, высота и белизна внушили им благоговейный страх. По приказанию Пода они спрятали все снаряжение под половицу, где оно было в безопасности и вместе с тем под рукой.

— Будем снова практиковаться завтра, — сказал Под, — и так каждый день.

Пока они закрывали окно, снова подул ветер и заметались листья дуба, серые снизу, как небо. К вечеру пошел снег. Смеркалось. Положив на место планку и засунув обратно гвозди, добывайки сели поближе к газовой плите и задумались. Выхода из их тюрьмы по-видимому, не было.

— Мы слишком высоко, — раз за разом повторял Хомили. — Никогда добывайкам это не шло впрок и никогда не пойдет.

Наконец шаги миссис Плэттер на лестнице загнали их обратно в картонку. Когда чиркнула спичка и вспыхнуло пламя над газовым рожком, добывайки снова увидели комнату и черные провалы окон с горами снега на подоконниках снаружи. Они смотрели, как падают снежинки, как поднимается снежный бордюр.

— Жуткая погода, — пробормотала вполголоса миссис Плэттер, ставя на пол тарелку и блюдо.

Она тревожно взглянула на лежащих вповалку добываек и, прежде чем уйти, открутила побольше газ на плите. Затем погасила рожок и вышла, и они, как всегда, поужинали в темноте.

Глава 17

Снег, холод, мороз продолжались до начала февраля. Но вот однажды, проснувшись утром, добывайки увидели, что идет теплый дождь, а по небу несутся легкие облака. Листья на ветке дуба блестящие, словно покрытые глазурью, казались черными на светлом фоне, их серебристая подкладка была больше не видна.

— Южный ветер, — довольно объявил Под, как опытный предсказатель погоды. — Похоже, что начинается оттепель.

За прошедшие недели добывайки не теряли зря времени. Несмотря на тяжелый снег на подоконнике, они

Каждый день для практики раскрывали окно и довели эту процедуру до настоящего искусства. Добывайки узнали, что строительство дома-клетки немного задерживается, но их гардероб уже прибыл и лежит между листами папиросной бумаги в картонной коробке здесь, в мансарде. Для них не составило труда поднять крышку и не только осторожно осмотреть все туалеты, но даже потихоньку примерить их. У портнихи оказались куда более ловкие пальцы, чем у миссис Плэттер, и шила она из куда лучшей материи. Там был серый костюм для Пода, правда, рубашку заменяло нечто вроде манишки с воротником и нарисованным галстуком; там было платье с плиссированной юбкой для Арриэтты и два передничка, чтобы не запачкать его. Хомили пришлось по вкусу ее новое зеленое платье «с небольшим турнюр», хоть угодить ей обычно было нелегко, и иногда она красовалась в нем до тех пор, пока на лестнице не раздавался сигнал тревоги — шаги миссис Плэттер.

Поду все это казалось ребячеством. Неужели они забыли, удивлялся он, какая опасность им грозит и какая участь их ожидает? Сейчас, когда погода исправилась, мистер Плэттер снова взялся за постройку их «дома». Однако Под их не упрекал. Пусть потешатся, решил он, наперекор злой судьбе.

Но сам он совсем пал духом. «Лучше нам всем умереть», — сказал он жене и дочери как-то раз, — чем провести всю жизнь в клетке на виду у человеков». Он часами сидел, уставившись невидящим взглядом в одну точку.

Под погрузился в такое уныние, что Хомили и Арриэтта перепугались. Они перестали наряжаться и шептались о чем-то друг с другом в уголке. Они пытались развеселить его шутками и смешными историями, они откладывали для него немногие лакомые кусочки, которые изредка им перепали. Но Под, по-видимому, потерял

аппетит. Даже когда они напоминали ему о том, что в воздухе пахнет весной и скоро наступит март, «а в марте с нами всегда что-нибудь случается», он не выказывал интереса.

— Что-нибудь, и верно, с нами случится, — сказал он и снова погрузился в молчанье.

Однажды, в то время как он сидел печально в углу картонки, к нему подбежала Арриэтта и взяла его за руку.

— Мне пришла в голову мысль, — сказала она.

Под попытался улыбнуться и ласково сжал ей пальцы.

— Нам ничто не поможет, девонька, — сказал он, — надо глядеть правде в глаза.

— Нет, поможет, — настаивала Арриэтта, — послушай меня, папа. Я нашла то самое, что нам нужно.

— Да, дочка? — ласково сказал он и, слегка улыбнувшись, отвел ей волосы со щеки.

— Да, — сказала Арриэтта. — Мы можем сделать воздушный шар.

— Что?! — воскликнул Под.

Голос его прозвучал так резко, что привлек внимание Хомили, которая поджаривала на газовой горелке ломтик бекона.

— Нам даже не надо его делать. — Арриэтта так торопилась, что слова обгоняли одно другое. — Здесь, в коробках, куча шаров, а там — гора корзиночек из-под клубники, и у нас есть чертежи и схемы и все объяснения... — Она потянула его за руку. — Пойди посмотри... я нашла это в одном из номеров «Иллюстрированных лондонских новостей».

В журнале на развороте в две страницы была подробная, написанная специалистом и снабженная чертежами и фотографиями статья, посвященная свободному

воздухоплаванию, интерес к которому в то время вновь сильно возрос.

Под мог считать и складывать, но читать он не умел, поэтому Арриэтта, двигаясь со строчки на строчку, прочитала ему статью вслух. Под внимательно слушал, стараясь лучше вникнуть в смысл.

— Ну-ка еще разок, девонька, — время от времени говорил он, хмуря брови от усилия все понять.

— Так... мама, подвинься, пожалуйста, — сказала Арриэтта, потому что Хомили, устав стоять, внезапно села на страницу журнала. — Ты сидишь как раз на том месте, где говорится о скорости ветра...

До сознания Хомили постепенно дошло, что задумали Под и Арриэтта, и теперь она только бормотала:

— О боже... О боже милостивый...

Видно было, что у нее натянуты нервы, что она ни жива ни мертва от страха, но, памятуя о том, какая участь их ждет здесь, смирилась с меньшим злом.

— Тут все ясно, — сказал Под после того, как они несколько раз перечитали параграф о чем-то, что автор статьи называл «покровом», или «оболочкой». — Теперь давай разберемся в той части, где говорится о клапанной веревке и подвесном обруче. Это на верху второго столбца.

И Под с Арриэттой снова шли по странице к ее верхнему краю, и терпеливо, отчетливо, хоть и спотыкаясь порой на длинных словах, Арриэтта перечитывала вслух то, что просил отец.

В доступном теперь ящике с инструментами они нашли огрызок карандаша. Под вытащил из него грифель и заточил конец, чтобы Арриэтте было чем подчеркивать самые важные места и делать списки.

Наконец на третий день углубленной подготовительной работы Под объявил:

— Вник!

Под за это время совершенно преобразился; то, что вначале казалось плодом фантазии Арриэтты, могло стать реальным фактом, и Под был достаточно практичен, чтобы это понять.

Первым делом требовалось разобрать на части сачок. От этого зависел успех всей их затеи. Хомили должна была кусочком лобзика, взятым в ящике для инструментов, разрезать веревку, которой сетка была привязана к ободу. Затем Под распилит обод на части и снимет бамбуковую рукоятку

— Сачок должен исчезнуть, — объяснил Под, — словно его и не было на свете. Нельзя допустить, чтобы они увидели обод без сетки. А когда мы распилим его, ничего не стоит упрятать куски под пол.

На это понадобилось меньше времени, чем они ожидали, и, когда они положили на место планку и засунули в дырки гвозди, Под, который редко пускался в рассуждения, вдруг сказал:

— Ну не странно ли, если подумать, что этот старый сачок, которым нас поймали, окажется орудием нашего спасения?

Когда в ту ночь добываяйки легли спать, тело у них ломило от усталости, но на сердце было легко. Под некоторое время лежал без сна, обдумывая важную задачу, которую им предстояло решить утром. Удастся ли наполнить воздушный шарик газом из газового рожка? У него было беспокойно на душе: иметь дело с газом опасно, даже со взрослыми людьми бывали несчастные случаи, не говоря уж о непослушных детях. Еще когда

они жили в Фирбэнке, он предупреждал Арриэтту насчет газа, и она, хорошая девочка, не пропустила его слов мимо ушей, всегда помнила, что с газом шутки плохи. Конечно, он примет все меры предосторожности, они распахнут окно, закроют кран в газовой плите и подождут, пока горелка остынет. Давление в газовом рожке хорошее; сегодня вечером, когда миссис Плэттер его зажгла, газ с ревом вырвался наружу; ей всегда приходится, вспомнил Под, немного прикручивать рожок. На каминную доску можно забраться через манекен. Что толку тревожиться, решил Под наконец, они должны, чего бы это ни стоило, сделать проверку и поступать затем в зависимости от результатов. Однако утекло немало времени — для Пода оно вообще остановилось, — пока он уснул.

Глава 18

Операция прошла прекрасно. Надетый горлышком на носик газового рожка и привязанный веревкой к положенной на пол подкове шарик сперва вяло повис на горелке, но затем — к их несказанной радости — внезапно стал торчком и начал раздуваться. Он делался больше и больше, пока не превратился в огромную тугую полупрозрачную сферу сочного багряного цвета. Под, удобно усевшись на аляповатых завитках кронштейна, наклонился вперед и закрыл кран газового рожка.

Затем, словно накладывая жгут, он затянул горлышко шара выше носика рожка и снял с него шар. Тот подскочил в воздух, но тут же резко остановился. ведь он был привязан к веревке, которую Под закрепил на подкове.

Арриэтта и Хомили, стоявшие на полу возле подковы, только ахали и охали, глядя на шар. Арриэтта подбежала к веревке и, повиснув на ней всем телом, стала качаться взад и вперед, заставляя шар стучаться о потолок.

— Осторожней! — крикнул Под с груди манекена.

Он медленно спускался вниз, ставя ноги на специально воткнутые для этого булавки. Когда он добрался до круглой клетки ниже бедер, спуск сделался быстрее. Под перескакивал одним прыжком с одного проволочного обруча на другой, расположенный ниже.

— Держим все вместе, — сказал он, подбегая, и тоже схватил веревку. — Тяните! — крикнул он. — Тяните изо всех сил! Перехватывайте повыше. Одна за другой, одна за другой.

Перехватывая веревку руками, они тянули, дергали, качали, и постепенно шар опустился вниз. Веревку быстро продели в дырку для гвоздя в подкове, завязали двойным узлом, и — пожалуйста! — вот он на привязи, покачиваясь, вращается то в одну, то в другую сторону.

Под вытер пот со лба рукавом.

— Слишком маленький, — сказал он.

— Слишком маленький? — воскликнула Хомили.

Она чувствовала себя пылинкой рядом с этой танцующей темно-красной громадой, внушавшей ей благоговейный страх. И вместе с тем наслаждалась своим могуществом, заставляя шар одним щелчком пальцев подскакивать и крутиться вокруг своей оси.

— Конечно, слишком маленький, — объяснил ей Под озабоченно. — Иначе нам не удалось бы так легко опустить его вниз. Шар такой величины может выдержать только одну Арриэтту, но нас троих — нет. Да еще сетка и корзина. К тому же мы должны взять балласт.

— Как же нам быть? — в смятении спросила Хомили.

— Мне надо подумать, — сказал Под.

— Что, если нам сесть на диету и похудеть? — предложила Хомили.

— Бесполезно. А ты и так худая как щепка, — сказал Под. У него был очень встревоженный вид. — Нет, мне надо подумать.

— У них есть тут один большой шар, — сказала

Арриэтта. — Лежит в отдельной коробке. Больше этого. Во всяком случае мне так показалось.

— Что ж, давайте посмотрим, — сказал Под, но голос его звучал безнадежно.

Новый воздушный шар действительно казался больше, на сморщенной резине были какие-то белые знаки.

— Я думаю, это надпись, — сказала Арриэтта, переворачивая крышку коробки. — Да, тут сказано: «Напечатано согласно вашей инструкции». Что бы это могло означать?

— Мне все равно, что это значит! — воскликнул Под. — Меня интересует только его размер. Да, он больше, — продолжал Под, — гораздо больше и тяжелее. Этот шар подойдет по всем статьям. Почему бы нам его не испробовать, раз уж огонь потушен, а окно открыто.

— А что делать с этим? — спросила Хомили с пола. Она резко ударила шар, он задрожал и стал крутиться.

— Лучше проткнем его, чтобы он лопнул, — ответил Под; он спускался на пол, перебравшись со стола на веревочную лестницу, свисавшую с согнутых булавок на спинке кресла. — И спрячем остатки. Что еще остается?

И Под проколол шар булавкой. Раздался оглушительный взрыв. Шар, быстро съеживаясь, бешено запрыгал по комнате; Хомили с визгом кинулась под манекен. В комнате сильно запахло газом.

— Вот уж не думал, что он лопнет с таким шумом, — сказал Под, все еще держа в руке булавку. На его лице удивление боролось с испугом. — Ну, не важно, при открытом окне запах скоро уйдет.

Новый воздушный шар был более громоздким, и забираться с ним на каминную полку было нелегко, так что, прежде чем надевать его на газовый рожок, Поду пришлось немного отдохнуть.

— Можно, я поднимусь и помогу тебе, папа? — позвала его Арриэтта с пола.

— Нет, — сказал он, — еще минутка, и я отдышусь. Просто я немного запыхался...

Более тяжелый, чем первый, шар дольше оставался обвислым, но наконец, поскрипывая и постанывая от усилий, он встал стоя и продолжал понемногу напирать.

— О, — восхищенно шепнула Арриэтта, — какой красивый...

Шар был густо-розового цвета, но с каждым мгновением, раздуваясь, делался все светлей. Постепенно на нем стали проступать буквы. Первое слово было «стоп!» (с восклицательным знаком). Арриэтта, читавшая его вслух, понадеялась про себя, что это не будет дурным предзнаменованием. Под ним появилось слово «Бэллихоггин», а еще ниже было написано помельче: «Всемирно известный игрушечный городок и чай на берегу реки».

Шар становился все больше и больше. У Хомили сделался встревоженный вид.

— Осторожней, Под, — взмолилась она. — Смотри, как бы он не лопнул.

— Еще немного он выдержит, — ответил Под.

Однако Хомили и Арриэтта не сводили с шаром обеспокоенных глаз. Но вот наконец розовый в светящегося над его головой чудовища Под сказал:

— Пожалуй, хватит, — и, откинувшись к стене, выключил газ. По пути вниз Под взял мерную ленту, висевшую на кронштейне, и измерил букву «й» в слове «чай». — Ровно три дюйма, — сказал он, — будет по чему проверять объем, когда станем надувать шар в следующий раз.

Под теперь частенько употреблял термины, принятые в воздухоплавании, и приобрел порядочный запас слов, касающихся балласта, строп, канатов, крюков и якорей.

На этот раз, взлетев к потолку, шар приподнял подкову и потащил ее по полу. Хомили, не растерявшись,

шла на подкову верхом, а Арриэтта подпрыгнула и вцепилась в веревку.

— Вот это уже лучше, — сказал Под, слезая вниз знакомым путем по груди манекена.

Он так спешил, что оступился на булавке, но, наклонившись, тут же загнал ее по самую шляпку, чтобы на нее можно было безопасно ставить ногу. Дальше он спускался медленнее, сдерживая свое нетерпение. Когда Под достиг пола, он был растрепанный и красный, несмотря на холодный воздух из открытого окна.

— Поддается? — спросил Под Арриэтту, не успев перевести дыхание.

— Нет, — с трудом выговорила Арриэтта.

Добываяки все вместе ухватились за веревку и попытались стащить шар вниз, но он только крутился под потолком, словно притянутый туда магнитом.

— Хватит, — сказал Под, после того как они все вместе поджали ноги и немного покачались, держась за веревку, что никак не отразилось на шаре. — Отпускайте. Мне надо снова подумать.

Хомили и Арриэтта сидели, не открывая рта, и тревожно смотрели, как, сосредоточенно наморщив лоб, Под меряет ногами комнату. Вот он отвязал шар от подковы и с веревкой в руках провел его взад и вперед по потолку. Шар легонько подпрыгивал, но послушно двигался следом за Подом по начертанному им пути.

— Время не ждет, Под, — наконец сказала Хомили.

— Я знаю, — ответил Под.

— Я хочу сказать, — с беспокойством продолжала Хомили, — как мы его спустим? Я думаю о Мейбл и Сидни. Его надо спустить до ужина, Под.

— Я знаю это, — сказал Под. Он пересек комнату и остановился у стола. — Нам требуется что-нибудь вроде лебедки... вроде ворота с червяком и червячным колесом.

Он поднял глаза на круглую ручку ящика с инструментами.

— Червяком и червячным колесом?.. — недоумеваю-
переспросила Хомили. — Червяком? — повторила она,
словно не веря своим ушам.

Арриэтта, бывшая к этому времени в курсе всего, что
касалось воздухоплавания, и знакомая с различными
лебедками, громко рассмеялась.

— Это такая штука, — объяснила она, — которая
помогает поднимать тяжесть... ну, например, ты поворо-
чиваешь ручку... — Она резко остановилась, в уме
внезапно мелькнула любопытная мысль. — Папа,
взволнованно позвала Арриэтта отца, — как насчет
музыкальной шкатулки?

— Музыкальной шкатулки? — тупо повторил Под.

Арриэтта кивнула. И тут до него дошло, о чем она
говорит. Лицо его просияло.

— То, что нам нужно! — воскликнул он. — Ты попал
в самую точку. Это нам и вал, и рукоятка, и червяк, и
червячное колесо, и все остальное!

Глава 19

Не прошло и минуты, как они открыли музыкальную
шкатулку, и Под, забравшись на поставленный стойме
спичечный коробок, внимательно осмотрел механизм.

— Тут есть одна трудность, — сказал он Хомили и
Арриэтте, когда они влезли на коробок и стали с ним
рядом. — Я с ней справлюсь, но мне нужен подходящий
инструмент. Я говорю об этих язычках, — показал он.

Заглянув внутрь шкатулки, они увидели, что он имеет
в виду ряд узких металлических пластинок, свисающих
со стержня; это были молоточки, которые, задевая
вращающийся цилиндр, извлекали из каждого штырька
на его поверхности одну звонкую нотку.

— Эти язычки надо снять, не то запутается балластная
веревка. Если они сварены со стержнем, тут придется

попотеть, но мне кажется, они все держатся на шурупах.

— Мне тоже так кажется, — сказала Арриэтта, наклоняясь вперед, чтобы было лучше видно.

— Ну, с шурупами мы быстро управимся, — сказал Под.

Пока Под лазал в инструментальный ящик, Хомили и Арриэтта в последний раз послушали свою единственную песенку.

— Как жаль, что не удалось сыграть остальные, — сказала Арриэтта. — А теперь мы их никогда не услышим.

— Если мы выберемся отсюда живыми, — сказала Хомили, — я согласна до конца своих дней не видеть никаких музыкальных шкатулок и не слышать, что они играют.

— Ну, живой ты отсюда выберешься, — решительно заверил ее Под.

Он уже вернулся, неся в обеих руках самую маленькую отвертку, какую смог найти, но и она была величиной с него самого. Под залез на стержень, расставил ноги и, держа ручку отвертки на уровне груди и крепко ее обхватив, сунул острие в канавку винта и стал вращать рукоятку. Первые обороты дались с трудом, но затем отвертка пошла как по маслу.

— Точеные... как в часах, — заметил Под, отвинчивая остальные шурупы. — Тонкая работа эта шкатулка.

Вскоре они смогли снять со стержня все пластинки и обвязать вокруг цилиндра нижний конец балластной веревки; она свободно свисала вниз, слегка качаясь, в то время как шар плавал под потолком.

— Ну, — сказал Под, — делаю первый оборот; посмотрим, что из этого выйдет.

Затаив дыхание Хомили и Арриэтта глядели, как Под, вцепившись в ручку шкатулки, тащит ее вниз. Веревка натянулась, как струна. Под напруг силы, и шар медленно, но верно стал опускаться. Задрав голову так, что стала болеть шея, они не спускали с него тревожных

глаз, пока наконец — качаясь и подергивая швартов — шар не очутился прямо перед ними.

— Неплохо, да? — сказал Под довольным голосом. Но выглядел он очень бледным и усталым.

— Что нам делать теперь? — спросила Хомили.

— Вернуть шар в прежнее состояние, — сказал Под.

— Выпустить газ, — добавила Арриэтта, так как Хомили был недоумевающий вид.

— Нам надо сделать что-то вроде платформы, — сказал Под, — и перекинуть ее через шкатулку — что-нибудь такое, по чему можно будет ходить...

Он посмотрел по сторонам. Под горелкой газовой плиты, на которой стояла жестянка с клеем, он увидел покоробленный от жара овальный кусок жести, положенный, чтобы уберечь пол.

— Это нам подойдет.

Добывайки уже очень устали, но все же смогли дотащить жестяную крышку до шкатулки и взгромоздить ее наверх. Отсюда Поду было удобнее развязывать веревку, стягивающую горло шара.

— Я бы на вашем месте, — сказал Под Хомили, — отошел подальше. Спрячьтесь лучше под стол. Кто знает, что может натворить этот шар.

Когда горло шара полностью освободилось, он поднялся по кривой в воздух, а затем, снова спустившись, несколько раз ударился о пол. С каждым его прыжком запах газа становился сильнее. Смотревшей на него из-под стола Арриэтте казалось, что шар умирает в конвульсиях. Наконец весь газ вышел, шар, сжавшись в комок, неподвижно лежал на полу.

— Ну и денек! — сказала Хомили. — А нам еще надо закрыть окно...

— Что ж, мы зря время не теряли, — сказал Под.

Но к тому моменту, как они закрыли окно — сложный и утомительный процесс — и спрятали все следы своего опыта под полом, они еле держались на ногах. Хотя еще не совсем стемнело, добывайки заползли в картонку и

устало растянулись под одеялом. Они были совершенно разбиты.

Когда мистер и миссис Плэттер принесли им ужин, все трое, потеряв всякую связь с окружающим миром, спали глубоким сном. Они не слышали, как вскрикнула миссис Плэттер, увидев, что газ на плите погас. Не слышали они и того, как, втягивая носом воздух и оглядывая комнату, мистер Плэттер недовольно сказал:

— Надо быть поаккуратнее с газом, Мейбл, здесь ужасно пахнет.

Миссис Плэттер негодуяще заявила, что ее винить не в чем.

— Ведь сегодня утром газ зажигал ты сам, Сидни.

— Нет, то было вчера, — сказал он.

И так как каждый из них знал, что другому (если его припереть к стене) ничего не стоит солгать, они не поверили друг другу и не пришли ни к какому заключению.

— Так или иначе, — подвел наконец черту мистер Плэттер, — погода сейчас теплая, и газ больше не нужен...

И больше горелка не зажигалась.

Глава 20

Следующие десять дней были посвящены серьезному эксперименту под контролем и руководством Пода.

— Медлить нам сейчас нельзя, — объяснил Хомили и Арриэтте Под, — но и горячку пороть тоже не годится. Нам надо составить план работы и выполнять все в свое время, а не за один раз. Мы поставили перед собой большую задачу, Хомили, не стоит ничего делать наспех. Тише едешь — дальше будешь.

— Но когда они открываются, Под?

— «Чай на берегу реки»? Первого апреля, если дом-клетка будет закончен.

— Спорю, он уже готов. А сейчас середина марта.

— Ты ошибаешься, Хомили. Им еще не прислали зеркального стекла и ручки, которая должна его поднимать. И у них что-то случилось со стоком воды. И затопило, помнишь? Ты что — не слушаешь, когда они говорят?

— Нет, если они говорят об этой клетке, не слушаю и слушать не хочу, — сказала Хомили. — У меня сразу начинаются мурашки. Как они принимаются об этом толковать, я тут же лезу под одеяло.

За эти десять напряженных дней Под и Арриэтте столько ходили по страницам «Иллюстрированных лондонских новостей», что почти стерли ногами буквы. Им пришлось отказаться от мысли о том, чтобы управлять клапаном для выпуска газа при помощи веревки, протянутой в корзину сквозь шар. Под объяснил Арриэтте, что этому мешает характер оболочки. Он дотронулся ногой до чертежа:

— Когда оболочка сделана из шелка... как здесь можно пропустить клапанную веревку сквозь горло шара... но резина эластична, она выжимает из себя газ... если мы оставим горло шара открытым, как показано на рисунке, через десять минут нас не будет в живых.

Под был огорчен этим, потому что он уже придумал, как установить клапан туда, где он и должен быть — на верхушку оболочки, — и практиковался в этом на меньших шарах, которых было в мансарде великое множество.

А пока, в то время как Хомили, вооружившись наточенной Подом иглой, придавала сетке от сачка нужную форму, сам Под вместе с Арриэттой изучал параграф «Равновесие и уменьшение силы тяжести». В балластной веревке был сделан целый ряд петель, к которым, наполнив шар газом, они прицепляли самые разные предметы (корзинку из-под клубники, недоделанную еще сетку, один-два ключа, полое кольцо для подвешивания занавесок, рулон отрывных билетов по

полтора шиллинга штука, дающих право на вход в Бэлдиhogгин) и за которые цеплялись сами. Наконец наступил день, когда они добились устойчивого равновесия. Стоило Арриэтте оторвать один за другим полдюжины полторашиллинговых входных билетов, и шар поднимался на два фута, а стоило Поду зацепить за петлю ключик от чемодана, и шар со стуком шмякался на пол.

Однако добывщики все еще не нашли способа контролировать количество газа в шаре. А значит, подняться они могли, но спуститься — нет. Развязывать, как он его называл, сторожевой узел на горле шара, даже немного расслабить его, думал Под, все же рискованно. Может произойти взрыв (они видели это уже не раз), и все сооружение — воздушный шар, корзина, балласт — вместе с воздухоплавателями камнем упадет на землю.

— Мы не можем искушать судьбу, — сказал Под Арриэтте. — Нам знаешь что нужно? Нижний клапан с рычагом управления...

И в десятый раз за день Под полез в ящик с инструментами.

Арриэтта присоединилась к Хомили, сидевшей в уголке возле картонки, чтобы ей помочь. Сетка уже приобрела нужную форму. Хомили по указанию Поды и Арриэтты прошила ее посередине более толстой и прочной ниткой; поскольку она делила шар на две равные половины, проходя по самой большой окружности, ее вполне уместно называли «экватор». Сейчас Хомили прикрепляла к сетке подвесной обруч; когда сетку наденут на шар, он опояшет горло, и они повесят на него на стропах корзину. В качестве подвесного обруча они использовали полое кольцо с прута для занавесок, благо уже было известно и не раз проверено, какой у него вес.

— Мама, сетка — просто прелесть! Ты настоящая мастерица!..

— Это совсем нетрудно, — сказала Хомили, — стоит

только понять, в чем тут секрет. Не труднее, чем плести кружева.

— Ты придала ей такую красивую форму...

— Ну, твой отец все для меня рассчитал...

— Нашел! — раздался крик Пода из ящика с инструментами.

В течение долгого времени его не было ни видно, ни слышно, и вот теперь наконец он появился, держа какой-то цилиндрический предмет больше его самого.

— Во всяком случае я так думаю, — добавил Под и, бережно положив его на стол, вылез наружу. В руке у него был кусочек лобзика.

Арриэтта со всех ног бросилась бежать через комнату и вскарабкалась к нему на стол. Длинный предмет оказался самопишущей ручкой без колпачка; один зубец выпачканного чернилами золотого пера был сломан. Под уже разобрал свою находку на части, и теперь золотое перо лежало на столе вместе с прикрепленной к нему резиновой трубкой, а пустой корпус — отдельно, рядом.

— Я распилю корпус вот здесь, — сказал Под, — чуть ниже рычага для заправки ручки чернилами, затем отрежу самый кончик резиновой трубки — так, чтобы она выступала за край корпуса дюйма на полтора. Затем, — продолжал он бодро, но, пожалуй, слишком подробно, словно читал наставление (из раздела «Делай сам», подумала Арриэтта, вспомнив «Советы домашним хозяевам» в своем календаре), — мы снова свинчиваем все

вместе — и что мы имеем? Мы имеем самопишущую ручку без колпачка с отпиленной задней частью корпуса, из которого торчит кусок резиновой трубки. Тебе все понятно?

— Пока — да, — сказала Арриэтта.

— Затем, — продолжал Под, — мы отвинчиваем золотое перо...

— А ты сможешь? — спросила Арриэтта.

— Конечно, — сказал Под. — Тут всегда сменные перья. Я тебе покажу.

Сев верхом на корпус, Под сжал его коленями и быстро отвинтил золотое перо.

— Видишь, — сказал он, кладя его в сторону, — теперь там, где оно было, у нас круглое отверстие, ведущее прямо в резиновую трубку. Посмотри...

Арриэтта заглянула внутрь корпуса.

— Да, — сказала она.

— Вот и все, — закончил Под.

«Все? Что — все?» — подумала Арриэтта, но выразила она свою мысль более вежливо:

— Боюсь, я не совсем...

— Ну, что тебе не ясно? — нетерпеливо сказал Под, словно его огорчила ее непонятливость. — Мы вставляем передний конец ручки в горло шара — после того как его надуем, конечно, — чуть ниже сторожевого узла. И крепко обматываем веревкой. Я берусь за заправочный рычаг, как за рукоятку, и тяну его, пока он не встанет под прямым углом к корпусу. Это рабочее положение, когда газ надежно перекрыт. Затем мы развязываем сторожевой узел, и дело сделано. Не забывай: корпус ручки и резиновая трубка свисают задним концом в корзину. Ты следишь за мной? Ну, не важно, — продолжал он доверительно. — Ты скоро все поймешь. Так вот, — Под довольно вздохнул, — стоя в корзине, я протягиваю руку к рычагу, медленно подвожу его к корпусу... и газ выходит через резиновую трубку!

Попробуй сама, — радостно предложил он, — рычаг двигается легко.

Наступив одной ногой на корпус пера, Под несколько раз поднял и опустил рукоятку. Арриэтта тоже попробовала это сделать: изношенный долгим употреблением заправочный рычаг свободно скользил в пазу.

— А затем, — продолжал Под, — я снова ставлю рычаг так, чтобы он отходил от корпуса под прямым углом... и газ снова заперт. Неплохой клапан, да?

— Поразительно, — сказала Арриэтта, но тут ей внезапно кое-что пришло в голову. — А как же быть с газом — ведь он пойдет прямо в корзину?

— Он останется позади нас! — вскричал Под. — Неужели ты не понимаешь, дочка, — газ все время поднимается, и поднимается быстрее, чем спускается шар. Я все это обдумал, вот почему я хотел, чтобы резиновая трубка была длиннее, чем корпус; мы можем этот ее конец повернуть куда захотим, но куда бы мы его ни повернули, газ будет рваться кверху, а мы будем падать вниз. Понимаешь? Мы даже можем с самого начала приподнять конец кверху и прикрепить его к корпусу. Почему бы и нет?

Несколько минут Под молчал, обдумывая эту мысль.

— Да и газа будет не так много... стоит мне приноровиться. Надо только выпускать его постепенно.

В последующие дни, полные волнующих событий, Арриэтта не раз вспоминала Спиллера. Как бы ловко он приладил сетку — дело Хомили и Арриэтты, — когда шар стал наполняться газом из рожка! В то время как Под регулировал подачу газа, они голыми руками или при помощи костяного крючка для вязания подтягивали ячейки — очень утомительное занятие. Заключенная в сеть оболочка росла, раздувалась, пока буква «й» в надписи «Чай на берегу реки» не приобрела нужных размеров.

— «Экватор», — сказал им Под, — должен делить шар

ровно пополам, чтобы подвесной обруч висел прямо и корзина не кренилась.

Как бы Арриэтте хотелось, чтобы Спиллер был вместе с ними, когда они в первый раз подвешивали корзину к подвесному обручу стропами из рафии! Они делали это, стоя на платформе, перекинутой через открытую музыкальную шкатулку; чтобы удержать корзину, в нее для веса положили ключи.

А в тот раз, когда они впервые поднялись под потолок и Под, осторожно орудуя рычагом клапана, мягко посадил их на землю! Уж Спиллер не дал бы Хомили выпрыгнуть из корзины, как только она коснулась пола. Это была роковая ошибка: с ужасающей скоростью шар снова взмыл вверх и ударился о потолок с такой силой, что Под и Арриэтта чуть не вылетели из корзины на голову Хомили, которая, заливаясь слезами, в отчаянии металась вниз. Прошло немало времени, пока им удалось спуститься, хотя они полностью открыли клапан. Все это совершенно вывело Поду из равновесия.

— Ты должна помнить, Хомили, — хмуро сказал он, когда снова привязанный к музыкальной шкатулке шар медленно съеживался, освобождаясь от газа, — что ты весишь столько же, сколько два ключа от кожаного саквояжа и полтора рулона входных билетов. Ни один пассажир не должен выходить, а тем более выскакивать из корзины до тех пор, пока шар не сожмется до конца. — У Поды был очень серьезный тон. — Нам повезло, что тут есть потолок. Представь, что мы были бы на открытом воздухе... Знаешь, что произошло бы?

— Нет, — хрипло прошептала Хомили, вытирая щеки тыльной стороной руки и в последний раз всхлипывая.

— Мы с Арриэттой взлетели бы на двадцать тысяч футов, и нам был бы как.

— О господи! — прошептала Хомили.

— На такой огромной высоте, — продолжал Под, — газ стал бы расширяться так быстро, что разорвал бы

оболочку. — Под укоризненно посмотрел на жену. — Разве что у нас хватило бы присутствия духа открыть клапан и держать его открытым все время подъема. Но в этом случае, начав наконец спускаться, мы спускались бы слишком быстро. Нам пришлось бы все выбросить за борт — балласт, снаряжение, одежду, продовольствие, возможно, даже одного из пассажиров...

— О нет, нет! — шептала Хомили.

— И несмотря на все это, — закончил Под, — мы, вероятно, все равно потерпели бы крушение.

Хомили молчала; внимательно взглядевшись ей в лицо, Под продолжал, но теперь уже мягче:

— Это не увеселительная прогулка, Хомили.

— Я знаю! — горячо сказала она.

Глава 21

Но когда (28 марта) они в последний раз распахнули окно и, оставив его открытым, медленно поплыли на воздушных волнах навстречу бледному весеннему солнцу, Арриэтте это показалось настоящей увеселительной прогулкой. Момент отлета наступил неожиданно, ведь он зависел от погоды и ветра, и предсказать его было трудно. Вечером они легли спать как обычно, а утром, еще до того как Мейбл и Сидни принесли им завтрак, Под, изучающе посмотрев на ветку дуба за окном, объявил, что настал Знаменательный День.

Арриэтте трудно было в это поверить, да и сейчас по-прежнему казалось невероятным. Они летели совершенно бесшумно, словно во сне... Только что они были в комнате, пропитанной удушливым запахом заточения, а в следующий миг легкие, как пушинка, парили над необъятной панорамой, над окутанными светло-зеленым покровом лугами и холмами, теряющимися вдаль.

Пахло влажной землей; на мгновение этот свежий

аромат уступил место чаду из кухни миссис Плэттер. Отовсюду доносилось множество негромких звуков: звяканье велосипедного звонка, топот лошадиных копыт и ворчливый мужской бас «но, милая...». Затем вдруг послышался голос миссис Плэттер, которая стояла у окна:

— Надень пальто, душенька, если ты собираешься быть там долго...

Посмотрев вниз на гравиевую дорожку, добываяки увидели мистера Плэттера, который, держа в руке сумку с инструментами, направлялся на островок. Сверху он выглядел очень странно — голова казалась ниже плеч, а прямо из-под них мелькали ноги.

— Будет достраивать клетку, — сказала Хомили.

Они рассматривали — без особого любопытства — игрушечный городок мистера Плэттера, казавшийся с высоты собственным планом, и реку, которая, змеясь, уходила к трем тополям, которые Под называл ПЗ¹.

За последние несколько дней он приуныл к сокращениям воздухоплавательных терминов, например, называл музыкальную шкатулку ВП² или ТО³. Сейчас, поднявшись над поблескивающей шиферной кры-

¹ Посадочная зона.

² Взлетная площадка.

³ Точка отрыва.

шей дома, они осторожно выясняли, какова их ОВ¹

После многократных пробных подъемов к потолку и спусков на пол добывайки привыкли к корзине и чувствовали себя в ней как дома. Арриэтта — она отвечала за балласт — взглянула на родителей. Под стоял, положив руку на рычаг самопищущей ручки, другими словами — на рукоятку клапана, со спокойным и сосредоточенным видом. Хомили, хоть и бледная, деловито перекладывала на другое место моток якорного каната, так как один зубец якоря просунулся через дно корзины.

— Может за что-нибудь зацепиться, — пробормотала она.

Якорь был сделан из двух открытых английских булавок, прочно примотанных проволокой одна к другой. Под, много дней подряд при помощи листьев дуба изучавший направление ветра, заметил, в то время как плавно, словно вальсируя, они кружили над крышей:

— Ветер попутный, но слишком слабый. Два билета, Арриэтта, — добавил он, не спуская глаз с дерева. — Немного подождем, посмотрим, что это даст.

Арриэтта оторвала от рулона два билета и кинула их за борт. Они, трепеща, опустились на шифер крыши, скользнули вниз и замерли.

— Еще два, — сказал Под и тут же, глядя, как неотвратимо надвигается на них дерево, добавил: — Лучше три.

— Я бросила уже на шесть шиллингов, — запротестовала Арриэтта.

— Хорошо, — сказал Под, заметив, что шар идет вверх. — Пока хватит.

— Но я уже кинула, — сказала Арриэтта.

Они пролетели над дубом на безопасном расстоянии, шар продолжал подниматься, земля уходила вниз.

¹ Оптимальная высота.

Хомили посмотрела за борт.

— Осторожней, Под, — сказала она.

— Все в порядке, — успокоил ее Под, — сейчас я его спущу.

Несмотря на то что конец резиновой трубки был поднят, они почувствовали слабый запах газа.

Даже на такой высоте все звуки были отчетливо слышны. До них доносился стук молотка — это мистер Плэттер сколачивал для них клетку — и, хотя казалось, что железная дорога далеко, громохание колес на стрелках. В то время как они снижались — быстрее, чем ожидал Под, — их увлекло воздушным течением за пределы сада и понесло по нисходящей спирали над шоссе; его широкая, освещенная солнцем лента, извиваясь, терялась вдаль. С одного бока лента эта казалась обтрепанной — из-за тени, падавшей от живой изгороди и хилых придорожных деревьев. По шоссе медленно ползла крестьянская повозка; спереди с поводьями в руках сидела женщина, сзади спал мужчина.

— Мы удаляемся от нашей ПЗ, — сказал Под. — Пожалуй, брось вниз еще три билета — здесь ветер слабее, чем наверху...

Поднимаясь, они пролетели над одним из построенных мистером Плэттером домиков, их затопил поток металлических звуков — кто-то упражнялся в игре на пианино. Залаяла собака.

Подъем ускорился — благодаря трем законным билетам и четвертому, брошенному Арриэттой им вдогонку. Она сделала это, поддавшись внезапному порыву, и сразу поняла, что совершила ошибку. Они должны подчиняться пилоту, от этого зависит все, даже их жизнь, а как он может управлять воздушным кораблем, если она будет нечестно выполнять команды? Шар продолжал подниматься, и Арриэтту все сильнее мучила совесть. Они летели над большим лугом, где паслись коровы, и с каждой секундой они на ее глазах становились все меньше.

Однако дрожащее «му-у» прорезало спокойный воздух и достигло их ушей. Арриэтта услышала песню жаворонка, а когда они пролетали над вишневым садом, почувствовала клейкий аромат нагретых солнцем почек и распустившихся цветов. «Больше похоже на середину апреля, чем на конец марта», — подумала она.

— Спиллеру бы очень понравилось, — сказала Арриэтта громко.

— Возможно, — довольно сухо отозвалась Хомили.

— Когда я вырасту, я, наверно, выйду за него замуж.

— За Спиллера? — удивленно воскликнула Хомили.

— А чем он плох? — спросила Арриэтта.

— Ну, я не говорю, что он чем-то особенно плох, — нехотя признала Хомили, — особенно, если его отмыть и привести в приличный вид... Но где, ты думаешь, вы будете жить? Ведь он не сидит на месте.

— Я буду ездить вместе с ним, — сказала Арриэтта. Хомили уставилась на нее.

— Интересно, что ты еще скажешь? И где — на воздушном шаре! Выйти замуж за Спиллера! Ты слышал, Под?

— Да, слышал, — ответил он.

Они все еще поднимались.

— Ему нравится жить на открытом воздухе, — сказала Арриэтта, — и мне тоже.

— Выйти за Спиллера! — пробормотала про себя Хомили, она никак не могла это переварить.

— И если мы все время будем ездить с места на место, нам будет легче приезжать к вам в гости...

— Значит, уже дошло до «мы»? — сказала Хомили.

— ...А я не смогла бы этого делать, — продолжала Арриэтта, — если бы я вышла замуж в семью, которая постоянно живет в Бедфордшире.

— Но тебе только шестнадцать! — воскликнула Хомили.

— Семнадцать... почти что, — сказала Арриэтта.

Немного помолчав, она добавила: — Думаю, мне следует ему об этом сказать...

— Под! — воскликнула Хомили. — Ты слышишь? Может быть, на нее подействовала высота или еще что-нибудь — у девочки ум зашел за разум.

— Я пытаюсь поймать ветер, — сказал Под; он не мигая смотрел наверх, туда, где легкое, прозрачное облачко чуть заметно плыло к солнцу.

— Понимаешь, — спокойно продолжала Арриэтта (она вспоминала свои беседы с мисс Мензиз, ее голубые глаза, полные слез), — он такой стеснительный и так много разъезжает, что может сам и не додуматься до того, чтобы меня спросить. А потом ему надоест жить в одиночестве, и он женится на какой-нибудь, — Арриэтта приостановилась, — на какой-нибудь ужасно милой добывайке с толстыми ногами...

— Где ты видела добываек с толстыми ногами? — воскликнула Хомили. — Об этом и слыхом не слыхать. Разве что у твоей тети Люпи... Хотя своими глазами я ее ног не видела... — добавила она задумчиво, глядя наверх, словно следуя за взглядом Пода. — Но что за глупости ты говоришь, Арриэтта! Начиталась в этом своем журнале всякой ерунды. Да вы со Спиллером словно брат с сестрой!

Только Арриэтта хотела сказать, но не сразу смогла найти подходящие слова, что детская дружба — неплохая проверка для будущего союза, как что-то заслонило от них солнце и в корзине стало вдруг холодно и сыро. Верхушка оболочки скрылась в тумане, земля внизу стала не видна.

Добывайки устали друг на друга. Все исчезло, существовала лишь корзина в красных клубничных пятнах, окруженная белой стеной, и они трое, напуганные до полусмерти.

— Ничего страшного, — сказал наконец Под, — мы попали в облако. Я немного выпущу газ.

Они молча смотрели, как он это делает, не сводя глаз с его твердой руки на клапанном рычаге. Им казалось, что он едва движется.

— Самую малость, — объяснил он спокойно. — Сетка намочла, а вода — вещь тяжелая. Это нам поможет. И, кажется, мы нашли ветер.

Глава 22

Внезапно они снова очутились под безоблачным небом; легкий ветерок нес их ко все еще далекой ПЗ.

— Не удивлюсь, — весело сказал Под, — если мы наконец достигли своей ОВ.

Хомили поежилась:

— Мне это вовсе не понравилось.

— И мне, — согласилась с ней Арриэтта.

В корзине ветер совсем не чувствовался, и она повернула лицо к солнцу, с благодарностью нежась в его вернувшихся вдруг лучах.

Они пролетели над группой домов, расположенных вокруг небольшой приземистой церкви. Возле лавки стояли кучкой три человека с корзинами в руках, и до добываек донесся взрыв сердечного смеха. В саду за домом какая-то женщина — они видели ее со спины — развешивала на веревке белье; оно висело совсем неподвижно.

— Там, внизу, почти нет ветра, — заметил Под.

— Да и здесь не больно много, — отозвалась Хомили.

Несколько минут они молча глядели на землю.

— Не понимаю, почему никто из них не взглянет вверх, на небо! — неожиданно воскликнула Арриэтта.

— Человеки редко смотрят вверх, — сказал Под, — слишком заняты собственными делами. — Он приостановился, подумал. — Разве что услышат внезапный грохот... или увидят яркую вспышку или что-нибудь в этом ро-

де. Им не надо все время быть начеку, как добывайкам.

— Или птицам, — сказала Арриэтта, — или мышам...

— И всем тем, на кого охотятся, — добавил Под.

— А на человекoв кто-нибудь охотится? — спросила Арриэтта.

— Насколько мне известно — никто, — сказал Под. — А пошло бы им на пользу, побывали бы в нашей шкуре, попробовали бы хоть раз в жизни, каково это. — Под снова замолчал, затем добавил: — Говорят, они охотятся друг на друга...

— Быть того не может! — возмущенно воскликнула Хомили (для нее, воспитанной согласно строгому кодексу добываек, где первое правило — один за всех и все за одного, слова Пода были равносильны обвинению всей человеческой расы в людоедстве). — Нехорошо так говорить, Под. Ни одно живое существо не может упасть так низко.

— Но я слышал это своими ушами, — не уступал ей Под. — Иногда в одиночку, а иногда скопом — куча на кучу.

— Человеки на человекoв?! — переспросила Хомили. — Подумать только!

У нее не укладывалось это в голове.

Под кивнул:

— Да, человекoв на человекoв.

Пораженная его словами, Хомили посмотрела вниз на велосипедиста, точно даже представить себе не могла подобную испорченность натуры. Велосипедист выглядел самым обыкновенным человеком, а на таком расстоянии был даже похож на добывайку; он ехал, сворачивая то влево, то вправо, по нижнему склону холма, пока не скрылся в воротах кладбища. Хомили недоверчиво проводила его глазами.

Внезапно до них донесся запах тушеной баранины с луком, затем пахнуло ароматом кофе.

— Дело идет к полудню... — сказал Под; не успел он

кончить фразы, как часы на церкви пробили двенадцать. — Меня беспокоят эти вихри, — сказал Под некоторое время спустя, когда шар снова пошел по спирали вниз, оставив реку сбоку. — Они как-то связаны с тем, что земля нагревается от солнца.

— Может быть, перекусим? — внезапно предложила Хомили.

У них было с собой несколько тонких ломтиков ветчины, кусочек сыра, несколько зернышек вареного риса из пудинга и большая долька апельсина, чтобы утолить жажду.

— Лучше еще подождем, — сказал Под, держа руку на рычаге клапана.

Шар шел вниз.

— Почему? — спросила Хомили. — Скоро два часа.

— Знаю, — сказал Под, — но лучше еще немного повременить... если мы выдержим. Может быть, нам придется выбросить груз... при угрозе аварии... а как ты выбросишь провиант, если он уже съеден?

— Не пойму, о чем ты толкуешь, — проворчала Хомили.

— О том, чтобы кинуть еду за борт, — объяснила Арриэтта; по приказу Пода она оторвала еще два билета.

— Понимаешь, — сказал Под, — тут то одно, то другое, вот я и выпустил слишком много газа...

Хомили ничего не ответила. Несколько минут прошло в молчании.

— Мне не нравится, как мы

крутимся, — проговорила Хомили, — сперва церковь была справа, теперь она слева. Понимаешь, трудно сказать, где ты, когда каждую минуту видишь что-нибудь другое.

— Все будет в порядке, — сказал Под, — стоит нам поймать ветер. Оторви еще парочку, — сказал он Арриэтте.

Этого оказалось достаточно: они плавно поднялись вверх и, подхваченные воздушным течением, медленно поплыли к реке.

— Если мы не потеряем этот ветер, — сказал Под, — нам ничто не грозит.

Он пристально смотрел вперед, туда, откуда, испещренные солнечными бликами, к ним приближались, становясь все отчетливей, три высоких тополя.

— Сейчас мы летим прекрасно.

— Ты думаешь, мы можем попасть в Литл-Фордэм?

— Вполне вероятно, — сказал Под.

— Если хочешь знать мое мнение, — сказала Хомили, прищуриваясь, так как полуденное солнце резало ей глаза, — тут все дело случая — попал или промазал.

— Не совсем, — сказал Под и выпустил немного газа. — Мы станем снижаться медленно, постепенно. Когда окажемся близко от земли, скинем балластную веревку, она действует вроде тормоза. И как только я отдам приказ, Арриэтта сбросит якорь.

Хомили снова замолчала и не отрываясь смотрела вперед. Как ни убедительно звучали слова Поды, она не могла не волноваться. Река, змеясь и петляя, плыла им навстречу, пока наконец не оказалась прямо под ними. Дул легкий ветерок. Этот ветерок шелестел листьями трех тополей и колыбал их ветви, протянутые к добышкам, — казалось, деревья кивают им и манят к себе. Шар приближался к тополям, словно его тянули на канате.

Под выпустил еще немного газа.

— Пожалуй, размотай балластную веревку, — сказал он Арриэтте.

— Уже?

— Да, — сказал Под. — Надо быть наготове.

Земля, слегка поворачиваясь, все надвигалась. Вот кроны дубов отодвинулись в сторону, и добывайки увидели впереди, под углом к горизонту, так давно утраченный Литл-Фордэм.

— Не верю своим глазам, — прошептала Хомили, когда вне себя от радости они глядели вниз, прямо в сад мистера Потта.

Им были видны рельсы, поблескивающие на солнце, флюгер, сверкающий на верхушке колокольни, неровные крыши домов вдоль узкой Главной улицы и печная труба их собственного, милого сердцу Виноградного домика. Им был виден палисадник перед домом мистера Потта и за темной зеленью изгороди из боярышника — солнечный кусок улицы. По ней большими шагами, свободно, молодо шла фигура в костюме из твида. Добывайки знали, что это мисс Мензиз, которая направляется домой пить чай. «А мистер Потт, — подумала Арриэтта, — уже успел уйти».

Воздушный шар спускался все быстрее.

— Осторожней, Под, — взмолилась Хомили, — ты окунешь нас прямо в реку.

И тут в дальнем конце сада возникло что-то похожее на полупрозрачную ленту. Опустившись еще ниже, они увидели, что это крепкая проволоочная сетка, идущая вдоль берега реки. Мистер Потт принял меры предосторожности и надежно оградил свои сокровища.

— Давно пора, — мрачно сказала Хомили. Затем вдруг отчаянно вскрикнула и прижалась к стенке корзины: река стремительно вздымалась им навстречу.

— Приготовь якорь! — крикнул Под.

Но в этот самый момент корзина ударилась о воду и накренилась набок; в тучах брызг их потащило вперед. Все трое потеряли равновесие и, по колено в бурлящей воде, вцепились в стропы; шар плясал на волнах. Поду

удалось закрыть клапан, а Арриэтта, держась одной рукой, другой пыталась освободить якорь. Но Хомили, прежде чем ей успели помешать, в панике кинула за борт кусок сыра. Под ее вопли шар резко подпрыгнул вверх, а затем так же резко остановился. Рулон билетов пролетел между добывайками и, упав в реку, поплыл по течению. Если бы добывайки не держались за стропы, они последовали бы за рулоном; их подбросило в воздух, а затем они свалились друг на друга обратно в корзину; английские булавки, из которых был сделан якорь, застряли в проволоочной сетке. Ограда так тряслась, скрипела и гнулась, будто ее вот-вот выдернет из земли, а когда Под, уцепившись за рычаг клапана, посмотрел вниз, он увидел, что острие одной английской булавки отходит в сторону.

— Одна лапа скоро соскочит, — сказал Под.

Корзина чуть не перевернулась в воздухе, казалось, ее рвут на части: сверху — освободившийся от балласта шар, снизу — тормозящий его движение якорь. Газ выходил слишком медленно. Это была гонка на время.

Добываек не переставая заливало водой. Они стояли, прижавшись спинами к бывшему полу, упираясь ногами в боковую стенку. Белые как мел, тяжело дыша, они неотрывно смотрели вниз. Угол между раскрытой булавкой и ее острием делался все больше.

Внезапно Под принял решение.

— Возьми балластную веревку и передай мне, — сказал он Арриэтте, — она мне понадобится. Я спущусь на берег по якорному канату.

— Ой, Под! — жалобно воскликнула Хомили. — А если мы вдруг взлетим без тебя?

Но Под будто не слышал.

— Быстрей! — крикнул он Арриэтте.

И когда она подтащила к нему мокрую веревку, Под взял в руки ее свободный конец и, перепрыгнув через борт корзины, стал на якорный канат. Они видели, как

он скользит вниз, к земле, зажав балластную веревку под мышкой, как становится поустойчивее наверху ограды, как спускается на две ячейки вниз, как быстро, орудуя одной рукой, продевает конец веревки сквозь ячейку и крепко завязывает ее двойным узлом.

Затем его маленькое квадратное лицо поднялось к ним.

— Крепче держитесь за стропы, — крикнул Под, — сейчас немного дернет!

Он передвинулся на несколько ячеек в сторону, чтобы ему было удобнее следить за булавкой.

Она выскочила из сетки с резким металлическим щелчком быстрее, чем они ожидали, и взмыла по дрожащей кривой, как хлыстом перерезав воздух. Шар сделал безумный прыжок вверх, но был остановлен привязанной к ограде веревкой. Казалось, он напрягает последние силы, стремясь освободиться, но все было тщетно. Хомили и Арриэтта прильнули друг к другу, смеясь и плача одновременно в приступе безудержной радости. Под успел поставить их на мертвый якорь в самый последний момент.

— Ну, теперь вам ничто не угрожает! — весело крикнул Под. — Осталось только ждать.

И, задумчиво посмотрев вокруг, он полез по сетке на землю.

— Ты куда, Под? — пронзительно позвала его Хомили.

Он приостановился и снова поднял лицо наверх.

— Подумал, не заглянуть ли мне домой — из нашей трубы идет дым, похоже, там есть кто-то.

— А мы как же? — крикнула Хомили.

— Вы постепенно опуститесь, ведь газ будет все время выходить, — тогда переберетесь через ограду. Но я скоро вернусь, — добавил он.

— Где это видано! — воскликнула Хомили. — Уйти и оставить нас одних!

— Ну а что ты хочешь, — спросил Под, — чтобы я стоял тут, внизу, и любовался на вас? Я не задержусь

там, и если, скажем, это Спиллер, он нам, конечно, поможет. У вас все в порядке, — продолжал Под. — Когда шар спустится на воду, подтащите к себе балластную веревку — подтянетесь к самому берегу.

— Где это видано! — повторила Хомили, словно не веря своим глазам, в то время как Под слезал по ограде.

Глава 23

Дверь Виноградного домика была не заперта, и Под распахнул ее. В незнакомом Поду очаге горел огонь, на полу спал Спиллер. Когда Под вошел, он вскочил на ноги. Они уставились друг на друга. Узкое лицо Спиллера выглядело усталым, глаза запали.

Под медленно улыбнулся.

— Хелло! — сказал он.

— Хелло! — ответил Спиллер и с тем же непроницаемым видом нагнулся, поднял с пола несколько ореховых скорлупок и бросил их в огонь. Пол тоже был новый, заметил Под, из дерева медового цвета; перед очагом лежал вязаный коврик.

— Давненько не виделись, — бросил Спиллер, глядя в огонь.

Под заметил, что в очаг была вделана небольшая железная плита.

— Да, — подтвердил Под. — Мы всю зиму прожили в мансарде.

Спиллер кивнул.

— Ты ведь знаешь, — сказал Под, — такая комната наверху человеческого дома.

Спиллер снова кивнул и отшвырнул обломок упавшей из очага скорлупы за решетку. Весело треща, скорлупа ярко вспыхнула.

— Не могли оттуда выбраться, — сказал Под.

— А-а, — неопределенно протянул Спиллер.

— Пришлось сделать воздушный шар, — продолжал Под, — и вылететь через окно.

Спиллер затаил дыхание и бросил на него выжидательный взгляд.

— Арризтта и Хомили сейчас там, в корзине. Шар зацепился за проволочную сетку.

Глаза Спиллера метнулись было к окну, но отсюда проволочная сетка была не видна, и он снова устался в пол.

— Наподобие лодки? — спросил он, помолчав.

— В некотором роде, — улыбнулся Под. — Хочешь посмотреть? — вскользь спросил он.

Что-то промелькнуло на лице Спиллера — искра, которая тут же погасла.

— Почему бы и нет? — согласился он.

— Это может быть тебе интересно, — сказал Под с ноткой гордости в голосе.

Он снова обвел глазами комнату.

— Я вижу, тут все переделано, — заметил Под.

Спиллер кивнул:

— Проточная вода и все прочее...

— Проточная вода! — воскликнул Под.

— Угу, — сказал Спиллер, двигаясь потихоньку к дверям.

Под посмотрел на трубы над раковиной, но не тронулся с места, чтобы открыть кран. На столах и полу валялась в беспорядке добыча Спиллера: ласточкины яйца, пустые скорлупки, орехи, зерна и на листке одуванчика шесть сморщенных копченых пескариков.

— Жил здесь это время? — спросил Под.

— Случалось, — ответил Спиллер, переминаясь с ноги на ногу у самого порога

И снова глаза Пода обвели комнату. Несмотря на хаос, устроенный Спиллером, общий ее характер все равно был виден: простые, удобные стулья, столы с деревянной столешницей, которые можно мыть щеткой, деревянный

кухонный шкаф с полками для посуды, половики ручной вязки — все в народном стиле и все очень практичное.

— Пахнет человеками, — заметил Под.

— Пожалуй, — согласился Спиллер.

— Может, немного приберем? — предложил Под. — Не займет много времени. — И словно в оправдание добавил: — Для нее главное — первое впечатление, если ты понимаешь, что я имею в виду. Уж такая она. И... — внезапно он остановился: тишину распорол резкий звук.

— Что это? — спросил Спиллер.

— Воздушный шар! — вскричал Под и, вдруг побелев, посмотрел в окно — ноги у него стали словно ватные. — Он лопнул! — И, оттолкнув в сторону Спиллера, Под кинулся к дверям.

Хомили и Арриэтта, напуганные, но невредимые, из всех сил вцепились в проволочную ограду. Пустая корзина свободно болталась на сетке шара, похожей сейчас на птичье гнездо; ключья лопнувшей оболочки переплелись со стропами и даже, казалось, с проволокой.

— Мы так славно его спустили, — услышал Под запыхавшийся голос Хомили, когда они со Спиллером поднимались вверх с ячейки на ячейку.

— Не двигайтесь с места! — крикнул Под.

— ...Спустился, как во сне, Под, — продолжала Хомили, — как птичка...

— Очень хорошо, — отозвался Под, — только сейчас стойте спокойно, не сходите с места.

— ...А потом ветер переменялся, — не умолкала Хомили, плача, но по-прежнему крича во все горло, — и закружил нас... и бросил прямо на эту колючую сетку... Но шар так чудесно спускался, Под, легкий как пушинка. Правда, Арриэтта?

Но Арриэтта, которой гордость не позволяла, чтобы ее спасали, уже была далеко внизу. Спиллер во весь дух

карабкался ей навстречу; они столкнулись в ячейке сети.

— Ты лезешь не по той стороне, — сказал Спиллер.

— Я знаю. Я скоро перейду.

На глазах ее были слезы, щеки пылали, косы расплелись, и волосы рассыпались по плечам.

— Помочь? — спросил Спиллер.

— Спасибо, не надо. Справлюсь сама. — И, стараясь не встретиться с его любопытным взглядом, Арриэтта поспешила вниз.

Она чуть не плакала: все должно было быть совсем иначе, Спиллер никогда не поймет, что такое воздушный шар, раз он не видел его надутым; одними словами не передать, что им пришлось пережить, через что пройти, чтобы его сделать, и какого головокружительного успеха они достигли. Что они могли теперь показать? Старую корзинку из-под клубники в красных пятнах, несколько лоскутьев съезжившейся резины и клубок спутанных веревок. Всего несколько минут назад они с матерью так ловко, так красиво спускали шар на землю. Оправившись от панического страха и овладев собой, Хомили, как это часто с ней бывало, вдруг успокоилась. Возможно, она поняла, что она снова дома, увидела, как их городок, такой же, как раньше, мирно нежится под полуденным солнцем, а из трубы Виноградного домика неожиданно струится в небо дымок — трепещущий на ветру приветственный вымпел: значит, дом обитаем и огонь только что разожжен. И разожжен он не мисс Мензиз, которая уже давно скрылась из виду, и не Подом, который еще не успел подойти к дому. Кем же тогда, как не Спиллером? Арриэтта и Хомили почувствовали себя среди друзей и, гордые успешным побегом, жаждали показать свое мастерство. Они аккуратно свернули веревки и канаты, сложили снаряжение и прибрали в корзине. Они выжали мокрые платья, а Хомили даже причесалась. Затем методично и спокойно взялись за дело так, как наказывал Под.

— Ужасно! — воскликнула Арриэтта, взглянув наверх, когда она добралась до последней ячейки сетки.

Она увидела, как отец показывает матери, куда ей поставить ногу, увидела Спиллера, который залез на самый верх ограды — а как же иначе? — и деловито изучает обломки крушения. Арриэтта в полном унынии сошла с сетки на землю, сорвала лист подорожника и, бросившись навзничь на это пружинистое ложе и заложив руки за голову, стала хмуро глядеть на небо.

Когда Хомили при помощи Пода спустилась наконец вниз, у нее тоже был расстроенный вид.

— Это не мы, мы все делали правильно, — повторяла она. — Просто ветер переменялся.

— Я знаю, знаю, — утешал ее Под, — забудь об этом... Шар сослужил свою службу, а дома тебя ждет сюрприз. Вы с Арриэттой идите вперед, пока мы со Спиллером заберем здесь что можно.

Когда Хомили увидела все новшества в доме, ее стало трудно узнать. «Как будто, — подумала Арриэтта, глядя на ее выражение, — она попала в рай». Сперва, не веря своим глазам, она застыла на месте, затем, дав волю радости и волнению, забегала как безумная по комнатам, рассматривая одно, трогая другое, переставляя третье и сопровождая все это восторженными восклицаниями.

— Они разделили верхнюю комнату надвое, теперь там есть комнатка и для тебя, Арриэтта. Погляди только на раковину, прошу тебя, Арриэтта! Вода из крана и все остальное! А что это за штука на потолке?

— Лампочка от ручного фонарика, — сказала Арриэтта, как следует ее разглядев. А за черным ходом под навесом они нашли большую квадратную батарейку.

— Значит, у нас теперь есть электричество, — прошептала Хомили, отступая от навеса. — Лучше здесь ничего не трогать, — продолжала она с благоговейным страхом, — пока не придет отец. И помоги мне собрать барахло, которое разбросал здесь Спиллер, — проговорила

она взбудораженно. — Да, мне жаль то несчастное создание, которому придется вести хозяйство в его доме...

Глаза ее сияли. Она повесила свое новое платье перед огнем сушиться и, радуясь, что снова их видит, переоделась в старые вещи. Арриэтта — она все еще почему-то была в плохом настроении — обнаружила, что ее старое платье ей мало.

— У меня в этом дурацкий вид, — недовольно сказала она, пытаясь одернуть вязаный жакет.

— Да кто тебя здесь увидит, — сказала Хомили, — кроме отца и Спиллера?

Все это время, не жалея сил и не покладая рук, она чистила, мыла, перекладывала, переставляла. Скоро ни одна вещь не стояла на прежнем месте, комната приняла довольно странный вид.

— Да, трудно что-нибудь сделать, когда и кухня, и столовая, и гостиная — все вместе, — с трудом переводя дыхание, заметила Хомили, обозревая плоды своего труда. — И я все еще не уверена насчет этого шкафчика.

— Что с ним не так? — спросила Арриэтта, мечтавшая об одном — сесть и отдохнуть.

— Пожалуй, когда он стоял на старом месте, было лучше.

— Неужели нельзя оставить все это мужчинам? — сказала Арриэтта. — Они скоро вернутся... к ужину.

— В том-то и дело, — сказала Хомили. — Если двигать, то двигать сейчас, до того, как я принялась за стряпню... Там, где он сейчас, он выглядит ужасно, — сердито продолжала она. — Портит

всю комнату. Ну-ка, Арриэтта, берись... На это уйдет одна-две минуты.

Но когда кухонный шкафчик попал на свое прежнее место, сделалось видно, что вся остальная мебель стоит вкривь и вкось.

— Стол хорошо уместится вон там, — сказала Хомили, — если мы немного подвинем комод. Ты берись за один конец, Арриэтта...

И они сделали еще несколько перестановок; наконец Хомили была довольна результатом.

— Хлопотно, конечно, — весело сказала она, обводя глазами комнату, — но вполне оправдывает себя. Сейчас здесь куда уютней, правда, Арриэтта? Чувствуешь, что все стоит, как надо.

— Да, — сухо проговорила Арриэтта, — потому что все вернулось на свои места.

— Что ты имеешь в виду? — воскликнула Хомили.

— Что все находится там, где было с самого начала, — сказала Арриэтта.

— Глупости! — сердито оборвала ее Хомили, но когда она посмотрела вокруг, в ее взгляде не было уверенности. — Ну, пожалуй, табурет и правда стоял под окном. Но нам некогда тратить время на споры, мужчины вот-вот вернутся, а я и не бралась за ужин. Будь хорошей девочкой, сбегай к ручью и принеси несколько листиков кресс-салата.

Глава 24

Позднее, когда, поужинав и вымыв посуду, они все четверо собрались у очага, Арриэтта почувствовала, что Спиллер начинает действовать ей на нервы. Он просто помешался на этом воздушном шаре, иначе не скажешь. Прошло каких-то несколько часов, а он уже никого не видит, никого не слышит, ни о ком и ни о чем не думает,

кроме этих дурацких лоскутов сморщенной резины, надежно спрятанных в задней комнате бакалейной лавки вместе с остальными воздухоплавательными принадлежностями. Конечно, когда, желая привлечь внимание Спиллера, Арриэтта рассказывала за ужином об их приключениях, он слушал, но стоило ей на миг замолчать, блестящие черные глаза тут же обращались к Поду, и он, как всегда сухо и немногословно, засыпал его вопросами: «Промасленный шелк вместо резины для оболочки в следующий раз? Шелк добыть нетрудно, а масло найдется у мистера Потта...» Его интересовало все: скорость ветра, балластные веревки, швартовка, якоря, как наполнить оболочку газом — вопросам не было конца, и задавались они по какой-то непонятной ей причине только Поду. Самый скромный вклад в разговор с ее стороны Спиллер, казалось, пропускал мимо ушей. «А я знаю обо всем этом не меньше папы, — сердито говорила себе Арриэтта, сжавшись в комочек в темном уголке. — Даже больше, если уж на то пошло. Кто его всему научил? Я». Она уныло обвела взглядом освещенную комнату: задернутые занавески, поблескивающая посуда на кухонном столике — покой, комфорт. Даже этим всем они были в некотором смысле обязаны ей, ведь именно она набралась смелости заговорить с мисс Мензиз и, заведя с ней дружбу, рассказать ей о привычках и потребностях добываек. Сидят тут уютненько у очага, довольные собой. Им-то хорошо, у них ничего нет на душе. И, наклонившись вдруг к самому огню, Арриэтта сказала:

— Папа, ты можешь меня выслушать?

— Само собой, — ответил Под с улыбкой, глядя на ее разгневившееся от пламени лицо.

— Я должна сказать вам что-то, — тяжело дыша, начала Арриэтта. — Раньше я не могла. Но теперь могу...

Сердце Арриэтты учащенно забилося, она видела, что даже Спиллер внимательно слушает ее.

— Это про наш дом, про то, почему они так здесь все устроили, про то, откуда они узнали, что именно нам нужно...

— Что нам нужно?.. — повторил Под.

— Да, иначе почему они все это сделали?

Под не торопился с ответом.

— Я не знаю, почему они это сделали, — сказал он наконец, — так же как не знаю, почему они построили церковь или железную дорогу. Возможно, меняют обстановку во всех домах по очереди...

— Нет, — воскликнула Арриэтта, и голос ее задрожал, — ты ошибаешься, папа! Они обставили заново только один дом — наш дом... потому что они все про нас знают, и любят нас, и хотят, чтобы мы тут остались!

Наступило короткое напряженное молчание. Затем Хомили пробормотала еле слышно:

— О господи боже мой!

Спиллер, неподвижный, как статуя, пристально глядел на Арриэтту немигающими глазами.

Наконец Под медленно сказал:

— Объясни, что ты имеешь в виду, дочка. Откуда они о нас знают?

— Я ей рассказала, — ответила Арриэтта.

— Ей? — повторил Под, растягивая «е», как всегда, когда он волновался.

— Мисс Мензиз, — сказала Арриэтта, — той, высокой, с длинными пальцами, которая пряталась за чертополохом.

— О боже мой... — снова прошептала Хомили.

— Но ведь не случилось ничего плохого, мама, — стала успокаивать ее Арриэтта. — Нам нечего бояться. Ты будешь здесь в безопасности... в большей безопасности, чем была когда-нибудь в жизни. Они станут о нас заботиться и защищать нас, они никому не дадут нас в обиду, обеспечат нас всем, что нам надо... всегда, всю жизнь, до конца наших дней. Она мне обещала.

Хомили, хотя ее по-прежнему била дрожь, казалось, немного успокоилась.

— Что об этом думает твой отец? — еле слышно спросила она и посмотрела на Пода. Арриэтта тоже повернулась к нему.

— Не говори ничего, папа... Подожди. Прошу тебя. Пожалуйста. Подожди, пока я не рассказала тебе все, чтобы ты мог... — Но взглянув на его лицо, она оробела и закончила, запинаясь: — Ну, чтобы ты сам мог все увидеть своими глазами.

— Что увидеть? — сказал Под.

— Что все в порядке.

— Что ж, продолжай.

Торопливо, словно оправдываясь, Арриэтта принялась рассказывать о своей дружбе с мисс Мензиз с самых первых дней. Описала им характер мисс Мензиз, ее верность друзьям, ее доброту, ее таланты и ее мужество. Не забыла о «дорогом Гэдстоне» и об Обри, «лучшем друге» мисс Мензиз. (В этом месте Хомили покачала головой и прищелкнула языком. «Печально, когда случаются такие вещи, — сказала она задумчиво. — История вроде этой произошла с моей сестрой Миллигрэм; Милли тоже так и не вышла замуж. Стала собирать крыльядохлых мух, делать из них веера и всякое такое. Красивые они были при ярком свете, так и переливались всеми цветами радуги...») И о мистере Потте: какой он добрый, по словам мисс Мензиз, какой деликатный и так искусно придумывает все и мастерит, словно он сам — добывайка.

— Это точно, — внезапно проговорил Спиллер, прервав ее.

Он сказал это с таким чувством, что у Арриэтты возникло в уме какое-то смутное воспоминание.

— Так это он тот добывайка, о котором ты нам как-то рассказывал? — спросила она, взглянув на Спиллера. — Тот, который живет один?

Спиллер лукаво улыбнулся.

— Точно, — подтвердил он, — я сам много чему от него научился... любому добывайке есть чему поучиться у него.

— А зачем это надо, если ты живешь на всем готовом? — спросил Под. — Не к чему и руки приложить... Продолжай, Арриэтта, — сказал он, так как она вдруг задумалась.

— А это все. Во всяком случае сейчас мне больше ничего не приходит в голову.

— Что ж, хватит и этого, — сказал Под.

Он пристально смотрел на нее, сложив на груди руки, с серьезным, даже мрачным выражением.

— Ты не должна была так делать, — медленно сказал он, — не важно, что мы от этого имеем.

— Послушай, Под, — быстро вставила Хомили, — должна — не должна, она это сделала, а сделанного не воротишь, сколько бы ты ее ни бранил. Я хочу сказать, — Хомили обвела взглядом комнату, посмотрела на сияющую посуду на кухонном столике, на кран над раковиной, на незажженную лампочку под потолком, — мы многим ей обязаны.

— Это все пахнет чедовеками, — сказал Под.

— Запах выветрится, — возразила Хомили.

— Ты уверена? — спросил Под.

Потеряв терпение, Арриэтта внезапно вскочила с табурета перед огнем.

— Ну что вам еще надо?! — негодуя вскричала она. — Я думала, вы будете мной довольны... будете гордиться мной... Мама всегда мечтала о таком доме, как этот! — И, нащупав задвижку, она распахнула двери и выбежала в лунную ночь.

После ее ухода в комнате застыла тишина. Все молчали, но вот раздался тихий скрип стула — это встал Спиллер.

— Куда ты? — небрежно спросил Под.

— Посмотрю, как там на причале.

— Но ты же вернешься сюда опять? — спросила Хомили; ее вновь обретенный уютный дом просто обязывал к гостеприимству.

— Спасибо, — сказал Спиллер.

— Я пойду с тобой, — попросил Под.

— Ваше дело, — сказал Спиллер.

— Хочу подышать свежим воздухом, — сказал Под.

Стоявшая в тени от дома Арриэтта видела, как они прошли, освещенные луной. Когда они уже скрылись в темноте, она услышала, как отец говорит: «...зависит от того, как на это смотреть». «На что — это?» — спросила она себя. Неожиданно Арриэтта почувствовала себя сиротливо: у отца с матерью был их дом, у Спиллера — барка, у мисс Мензиз — мистер Потт и игрушечный городок, у мистера Потта — мисс Мензиз и игрушечная железная дорога, а у нее — никого и ничего. Арриэтта протянула руку и схватила за стебель одуванчик высотой с фонарный столб, который вытянулся до окна ее спальни. Поддавшись внезапному порыву, она сломала стебель пополам; серебряные зернышки разлетелись во все стороны, сок залил ей руки. С минуту она стояла, глядя, как блестящие копыта, распрямившись, плывут в темноту, а затем, вдруг озябнув, повернулась и вошла обратно в дом.

Хомили по-прежнему сидела у огня, там, где они оставили ее, и мечтала. Она уже подмела перед очагом и зажгла свечку, поставив ее на стол. Видно было, как она наслаждается своим новым домом, как она всем довольна. Сердце Арриэтты внезапно пронзила острая боль.

— Ты бы хотела всегда здесь жить? — спросила она, подвигая к огню табурет.

— Да, — сказала Хомили, — тут теперь так уютно... Но почему ты об этом спрашиваешь? А ты разве не хотела бы?

— Не знаю, — сказала Арриэтта. — Все эти люди летом. Вся эта пыль. Весь этот шум...

— Да, — согласилась Хомили, — убирать придется часто. Но нет худа без добра — зато теперь у нас проточная вода и кран.

— Придется сидеть взаперти, пока не уйдут посетители...

— Ничего не имею против, — сказала Хомили, — работы в доме неупрочен, а взаперти я сидела почти всю свою жизнь. Уж такова твоя доля, если ты родилась добывайкой.

С минуту Арриэтта молчала.

— У Спиллера же другая доля, — сказала она наконец.

— У него-то? — нетерпеливо вскричала Хомили. — Сроду не знала ничего об этих диких добывайках; особая раса, говорил мой отец. А может, одичавшие домашние добывайки.

— Куда они подевались?

— Разбрелись кто куда, наверно. Попрытались в кроличьих норах и кустах.

— Я имею в виду — отец и Спиллер.

— А-а, они... Спустились к ручью посмотреть на причал. И на твоём месте, Арриэтта, — голос Хомили стал серьезней, — я бы легла спать до того, как вернется отец. Постель уже приготовлена, новые простыни и все прочее, и, — она задохнулась от гордости, — там у тебя под покрывалом — шелковое пуховое одеяло!

— Они идут, — сказала Арриэтта, — я их слышу.

— Скажи им «спокойной ночи» и беги наверх, — тревожно настаивала Хомили. Щелкнула задвижка, и она понизила голос до шепота: — Боюсь, ты немного расстроила его этим своим рассказом о мисс... мисс...

— ...Мензиз, — закончила Арриэтта.

Глава 25

Когда Под вместе со Спиллером вошел в комнату, его лицо светилось каким-то странным светом, и причиной

тому были не ночные ароматы листьев и трав и холодная, как луна, вода в ручье. «В нем чувствуется сила и спокойствие, — подумала Арриэтта, подходя к отцу, чтобы поцеловать его на ночь, — но он где-то очень далеко от нас». Ничего не сказав, Под механически клюнул ее в ухо, но когда она повернулась, чтобы уйти, позвал обратно.

— Минутку, Арриэтта. Садись, Спиллер, — сказал он.

Он подтащил к себе стул, и они опять сели у очага.

— В чем дело, Под? — обеспокоенно спросила Хомили. Она протянула дрожащую руку и привлекла Арриэтту к себе. — Ты что-нибудь там увидел?

— Нет, — сказал Под, — только луну, воду, двух летучих мышей да предательский дым из нашей трубы.

— Тогда пусть ребенок ложится спать, у нас был долгий день...

— Я думал все это время, — сказал Под.

— ...такой долгий, что кажется, будто прошло целых два, — продолжала Хомили, — я хочу сказать, если оглянуться назад.

Неужели они действительно еще сегодня утром проснулись узниками, а сейчас здесь, у себя дома, сидят все вместе у очага?! Этому трудно было поверить. И очаг не такой, как прежде, а куда лучше, а уж о доме, таком, как этот, можно было только мечтать.

— Возьми свечку, — сказала она Арриэтте, — и ложись в кровать. Спиллер может спать внизу. Если хочешь умыться, захвати с собой воду из крана, ее здесь хоть отбавляй.

— Это нам не подходит, — внезапно прервал ее Под. Все обернулись и посмотрели на него.

— Что нам не подходит? — запинаясь, спросила Хомили.

Под махнул рукой.

— Все это. Ничего нам здесь не подходит. Ровным счетом ничего. И Спиллер со мной согласен.

Арриэтта кинула взгляд на Спиллера; по его лицу трудно было что-нибудь прочесть, но она заметила упрямый огонек в глазах и короткий, без улыбки кивок головой.

— Что ты имеешь в виду, Под? — Хомили облизала губы. — Неужели наш дом?

— Да, именно, и ничто другое, — сказал Под.

— Но ведь ты его даже по-настоящему не видел, — запротестовала Хомили. — Ты не пробовал зажигать свет и воду не включал. Ты не поднимался вверх. Ты бы только посмотрел, что они сделали на лестничной площадке, какой там вход к Арриэтте в спальню...

— Это ничего бы не изменило, — сказал Под.

— Но тебе нравилось тут, Под, — напомнила ему Хомили, — до того как эта парочка забрала нас отсюда. Ты снова свистел и напевал во время работы, как в старые времена в Фирбэнке. Правда, Арриэтта?

— Тогда мне было неизвестно, — сказал Под, — то, что известно теперь: что эти человеки про нас знали.

— Понимаю, — удрученно сказала Хомили и уставилась на огонь. Плечи ее сгорбились, кисти вяло повисли.

— Но они не такие, как все, — принялась Арриэтта уговаривать Под. — Не такие, как Мейбл и Сидни; понимаешь, они — ручные. Я сама приручила мисс Мензиз.

— Их нельзя приручить, — сказал Под, — рано или поздно они отбиваются от рук — тогда, когда меньше всего этого ждешь.

— Только не мисс Мензиз! — запротестовала верная Арриэтта.

Под наклонился вперед.

— Они этого не хотят, — объяснил он, — просто делают. Они не виноваты. В этом они ничем не отличаются от нас: мы тоже не хотим причинить зло, мы просто делаем его.

— Ты никогда никому зла не делал, Под, — запротестовала Хомили.

— Сознательно — нет, — согласился он и посмотрел на дочь. — Арриэтта тоже не хотела причинить нам зла, когда разговаривала с этой мисс. Но она сделала это — она ввела нас в обман; в своем неведении мы строили планы на будущее, мы трудились, не жалея сил, а Арриэтта все знала, но скрыла правду. И это не принесло ей радости, да, девочка?

— Да, — призналась Арриэтта, — но все равно...

— Ладно, ладно, — прервал ее Под спокойно, без укоризны. — Я понимаю, как все это вышло.

Он вздохнул и посмотрел себе на ладони.

— И она увидела нас раньше, чем мы увидели ее, — сказала Арриэтта.

— Я сразу ее увидел, — сказал Под.

— Но ты не знал, что она видит тебя.

— Ты могла бы мне об этом сказать.

Отец говорил так ласково, что глаза Арриэтты наполнились слезами.

— Прости меня, — прошептала она.

Несколько секунд Под молчал, затем сказал:

— Видишь ли, у меня были бы тогда другие планы.

— Мисс Мензиз не виновата, что Мейбл и Сидни захватили нас.

— Не спорю. Но если бы я знал правду, все было бы иначе. К тому времени, как они тут появились, нас бы и след простыл. Давно были бы в хорошем, укромном местечке.

— В каком? — спросила Хомили.

— Ну, таких мест — пруд пруди, — ответил Под. — Спиллер знает одну мельницу недалеко отсюда — да, Спиллер? — где живет только один человек. Старый, к тому же близорукий. У него никого не бывает — ни живой души, кроме возчиков, что привозят зерно на помол. Это более для нас подходящее место, Хомили.

Хомили молчала. Видно было, что она усиленно думает. Руки, лежавшие на коленях, крепко сжимали одна другую, плечи снова распрямились.

— Она нас любит, папа, — сказала Арриэтта, — мисс Мензиз по-настоящему любит нас.

Под вздохнул.

— Не пойму — за что и почему. Но, возможно, это и так. Любят же они своих домашних животных — кошек, и собак, и птиц, и тому подобное. Как твоя двоюродная сестра Эглтина любила свою мышку — кормила ее из рук, учила всяким штукам, протирала ей шкурку бархатной тряпочкой. А чем кончилось? Мышка убежала от нее к другим мышам. А у среднего сына твоего дяди Хендрири был однажды таракан-прусак. Держал его в клетке из чайного ситечка. Ну и жирный он стал! А все равно, твоя мать говорила, вряд ли он счастлив. Ни разу не голодал за всю свою жизнь таракан этот, но из ситечка выбраться все равно не мог.

— Я, кажется, понимаю, что ты хочешь сказать, — неуверенно проговорила Арриэтта.

— Спиллер-то понимает, — сказал Под.

Арриэтта взглянула на Спиллера: узкое лицо было неподвижно, но глаза горели неукротимым огнем. Таким неукротимым, что Арриэтта быстро отвела взгляд в сторону.

— Ты можешь представить себе Спиллера в этом вот доме, — продолжал Под, — где можно жить на всем готовом, а всякие леди будут заглядывать в окна?

— Она не заглядывала! — пылко вскричала Арриэтта, — и никогда не будет!

— Кто знает, — сказал Под. — А уж если одному из человекoв станет известно, где и когда нас можно увидеть, рано или поздно об этом прослышат все. Кому-нибудь шепнут на ушко под секретом, а тот расскажет всем остальным. А эти Мейбл и Сидни... Куда они кинутся, когда увидят, что мы убежали? Сюда, конечно. И скажу

вам почему: они будут мерить всех на свой аршин и подумают, что здешние человеки нас украл.

— Но у нас теперь есть проволоочная сетка, — напомнила ему Арриэтта.

— Да, — согласился Под, — на этот раз они посадили нас в крепкую клетку, как кур в курятнике. Но что еще хуже, — продолжал он, — нас в любой момент может поймать кто-нибудь из посетителей. Это только вопрос времени. Каждый день их наезжает сюда великое множество, они всюду, если так можно выразиться, запускают глаза. Нет, Хомили, всем этим кранам и выключателям грош цена. И кухонным столикам и пуховым одеялам тоже. За праздную жизнь приходится платить втридорога, как мы узнали, когда жили у Люпи. Важно другое: идти своим путем да чтобы у тебя было легко на душе, а здесь у меня на душе никогда не будет легко.

Наступило молчание. Хомили поворошила огонь ржавым гвоздем, который Спиллер приспособил под кочергу, и угольная пыль вспыхнула неожиданно ярко, осветив стены, и потолок, и кружок задумчивых лиц.

— Так что же делать? — спросила наконец Хомили.

— Уходить отсюда, — сказал Под.

— Когда? — спросила Хомили.

Под обернулся к Спиллеру:

— У тебя на барке только балласт?

Спиллер кивнул.

— Значит, как только нагрузим барку.

— Но куда мы пойдем? — в полном недоумении спросила Хомили. Сколько раз, подумала она, ей приходилось задавать этот вопрос!

— Туда, где нам место, — ответил Под.

— А где нам место?

— Ты знаешь это не хуже меня, — сказал Под. — Там, где тихо и спокойно, в каком-нибудь укромном уголке, который человекам не найти.

— Ты имеешь в виду эту мельницу?

— Да. Думаю, она нам подойдет, — сказал Под. — И я следую примеру Спиллера — а уж его-то ни один из людей не видел. Там есть доски, вода, мешки, зерно и та еда, которую готовит для себя мельник. Там можно устроиться в доме и гулять под открытым небом. А если Спиллер будет держать свою барку наготове, что помешает нам приплывать сюда иногда вечером за добычей? Ты согласен со мной, Спиллер?

Спиллер кивнул. Снова наступила тишина.

— Но ведь не сегодня, Под, нет? — сказала Хомили; у нее сделался вдруг очень усталый вид.

Под покачал головой.

— И не завтра. Нам понадобится несколько дней, чтобы нагрузить барку, и мы не станем спешить. Если мы будем осторожны и погасим огонь, им и в голову не придет, что мы вернулись. Погода стоит хорошая, и делается все теплей. Нет нужды пороть горячку. Я сначала хорошенько там все осмотрю, прикину, что нам будет нужно... — Под тяжело поднялся на ноги и потянулся. — А сейчас главное, — сказал он, сдерживая зевоту, — поспать. Часов двенадцать, не меньше.

Подойдя к шкафчику, он взял с полки тарелку и медленно, методично стал собирать золу, чтобы засыпать тлеющий уголь. В комнате стало темней.

Внезапно Хомили сказала:

— А можно нам попробовать лампочку?

— Электрическую? — спросил Под.

— Только один раз, — умоляюще повторила она.

— Почему бы и нет, — сказал Под и подошел к выключателю у двери.

Хомили задула свечу, и тут же вспыхнул пронзительно-яркий свет. Хомили закрыла глаза ладонями. Арриэтта, часто моргая, с интересом глядела кругом: белая, лишенная теней, комната неприязненно смотрела на нее в ответ.

— Ой, мне это не нравится! — воскликнула Арриэтта.

— Мне тоже, — согласилась с ней Хомили.

— Но что ни говори, папа, — продолжала Арриэтта, словно все еще надеялась на признание своих заслуг, — а сами мы никогда бы этого не сделали. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Я — да, а вот ты поймешь, что я хочу сказать, только когда станешь постарше.

— При чем тут возраст? — возразила она.

Под кинул взгляд на Спиллера, затем на Арриэтту. Вид у него был серьезный, сосредоточенный, казалось, он старательно подбирает слова.

— Видишь ли, тут такое дело, — начал он, — и постарайся взять в толк, о чем я говорю. Скажем, когда-нибудь у тебя будет свой дом. Может быть, и семья — если тебе повезет встретить хорошего добывайку. Думаешь, тебе по-прежнему захочется водиться с людьми? Да ни за что. — Он покачал головой. — И я скажу тебе почему: ты не захочешь ставить под удар свою семью. И своего добывайку. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, — ответила Арриэтта.

Она смутилась, не знала, куда деть глаза и руки, и была рада, что стоит лицом к отцу, а к Спиллеру спиной.

— Когда-нибудь нас не станет, — продолжал Под, — некому будет за тобой присматривать, и я говорю тебе сейчас: никогда разговоры с людьми не приводят

добывайку к добру. Не важно, какими эти человеки кажутся, о чем они толкуют, что тебе обещают. За все приходится платить слишком дорогой ценой. Нельзя играть с огнем.

Арриэтта молчала.

— И Спиллер со мной согласен.

Со своего уголка у очага Хомили видела, как глаза Арриэтты наполняются слезами, как она старается проглотить комок в горле.

— Хватит на сегодня, Под, — быстро сказала она, — давай погасим свет и ляжем в постель.

— Пусть она раньше даст нам обещание, — сказал Под, — здесь при электрическом свете, что она никогда больше не заговорит с человеками.

— К чему это обещание, Под... Она понимает.. Как в детстве с газом. Давайте скорее ляжем.

— Я обещаю, — сказала вдруг Арриэтта. Сказала громко и внятно и тут же разрыдалась.

— Вот уж это ни к чему, дочка, — сказал Под, быстро подходя к ней, в то время как Хомили поднималась со своего места. — Ни к чему плакать, девонька, я говорил это для твоей же пользы.

— Я знаю, — всхлипывала Арриэтта, прикрыв лицо руками.

— Тогда в чем дело? Ну, скажи нам. Из-за мельницы?

— Нет, нет, — продолжала она рыдать. — Я думала о мисс Мензиз...

— А что с ней? — спросила Хомили.

— Раз я обещала с ней не говорить, кто ей теперь все расскажет? Она так и не узнает, что мы убежали из тюрьмы, не узнает о Мейбл и Сидни. Не узнает о воздушном шаре. Не узнает, что мы вернулись. Никогда ни о чем не узнает. Всю жизнь она будет спрашивать себя, что с нами случилось. Будет лежать ночью без сна и думать, думать...

Под и Хомили обменялись взглядами поверх поникшей

головы Арриэтты. Ни один, по-видимому, не знал, как быть.

— Я не обещал, — внезапно сказал Спиллер хрипло.

Все обернулись и посмотрели на него. Арриэтта отняла руки от лица.

— Ты? — воскликнула она недоверчиво.

Спиллер, потирая ухо рукавом, не отводил от нее глаз.

— Ты хочешь сказать, — продолжала она, до того удивившись, что забыла и свое залитое слезами лицо, и смущение, которое последнее время испытывала при Спиллере, — что ты вернешься сюда и все ей расскажешь? Ты, кого никто ни разу не видел? Ты, кто всегда в укрытии? Ты, от кого обычно не услышишь и слова?

Спиллер коротко кивнул, глядя ей прямо в глаза настороженным твердым взглядом.

Молчание нарушила Хомили:

— Он это сделает ради тебя, дочка.

А затем, сама не зная почему, рассердилась. «Мне надо постараться полюбить его, — сказала она сама себе с раздражением. — Мне не остается ничего другого».

Видя, что недоверие на лице Арриэтты сменяется радостным изумлением, Хомили обернулась к Поду и резко сказала:

— Да погаси ты этот свет, ради всего святого! И все в постель. Завтра рано вставать.

СОДЕРЖАНИЕ

Добывайки на реке	3
Добывайки в воздухе	155

Литературно-художественное издание
Для младшего возраста

Мэри Нортон
ДОБЫВАЙКИ
ДОБЫВАЙКИ НА РЕКЕ
ДОБЫВАЙКИ В ВОЗДУХЕ
Сказочные повести

Редактор *Н.В. Крылова*
Художественный редактор *В.А. Галкин*
Технический редактор *Т.Д. Юрханова*
Корректор *И.В. Ермакова*
Оператор *Г.В. Балашова*

Подписано в печать 9.07.92. Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,60. Усл. кр.-отт. 68,5. Уч.-изд. л. 16,12. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 1427. С-053.

Издательство «Дом» Российского детского фонда.
101963, Москва, Армянский пер., 11/2а.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и
информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

· ДОМ ·